

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

ИОНЦ «Информационная безопасность»

факультет журналистики

кафедра русского языка и стилистики

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

«Дискурсивные практики СМИ и проблемы
информационной безопасности»

Учебное пособие

Автор: зав. кафедрой русского языка
и стилистики
Чепкина Э.В.

Екатеринбург
2008

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ VS ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ

Пожелание «поспешать медленно» – не лучшее из напутствий мотоциклисту, ведущему гонку по вертикальной стене, но нормальное – для канатоходца, альпиниста или же для историка, распутывающего узелки событий прошлого. Сложнее с журналистом-расследователем, который в одно и то же время - и канатоходец, и гонщик. Или с телевизионным репортером, от кадра и слова которого мир в глазах человека по другую сторону рамки телеэкрана может покачнуться, как нам объясняют, в том числе с непредсказуемыми и для самого человека, и для этого мира последствиями.

Предлагая доверить выбор скорости исследовательского продвижения по конструкту информационной безопасности, каким он обнаруживается в зоне внимания и влияния (а значит, и ответственности) средств массовой информации, мы призываем исследователя не поддаваться искушению «проскочить» без серьезного анализа такую серьезную «серую зону» обсуждаемого проблемного поля, как сам дискурс; в нашем случае – тематический дискурс СМИ.

Предполагая, что читатель этой статьи так же дорожит бумажным носителем информации, как и автор, что читатель так же, как и автор, какие-то СМИ выписывает, а за какими-то регулярно выходит к «своему» газетному киоску, рискнем спросить, предупреждая, что вопрос этот задается, прежде всего, для самого читателя: как часто в СМИ, которые он берет в руки, обсуждается тема информационной безопасности вообще – и информационной безопасности применительно к СМИ в частности?

Автор, приглядывавшийся к ситуации на протяжении полугода, текстов такого рода в доступных ему бумажных, подчеркнем еще раз, СМИ насчитал – три.

Не слишком ли мало для страны, ситуации и темы?

Два десятка лет назад термина «информационная безопасность», возможно, еще просто не существовало в природе, но связь безопасности с информацией была у всех в СССР, в Европе и мире, что называется, на слуху и на виду: после Чернобыля, в котором рвануло – и Москвы, которая поначалу попыталась замолчать тот факт, что в Чернобыле рвануло.

26 апреля 1986 года автор (по тем временам – журналист, руководитель молодежной редакции АПН) был в Киеве, на съезде украинского комсомола. История, которую где-то уже рассказывал: о «выбросе» на Чернобыльской АЭС (которую до этого и в голове не держал) узнал на следующий день, от тогдашнего секретаря ЦК украинского комсомола. Но понять, что «выброс» – это серьезно, смог только по сбивчивому рассказу какого-то инструктора, которого не пустили в Припять военные. «У меня письмо на контроле не отвеченное. Конец месяца, а они слушать ничего не стали, развернули – и все тут...» Инструктор собирался попытаться пройти в Припять в обход поста.

Андрей Грачев, помощник Михаила Горбачева, привел слова генсека, сказанные после Чернобыля в закрытом кругу, на Политбюро: «Мы действуем под контролем своего народа и всего мира. Закрытость порождает во всей системе дух угодничества, подхалимажа, показухи, делает людей зависимыми от личных связей и кланов». Вывод Горбачева там же и тогда же: «Девизом отныне – надо думать на уровне Чернобыля»¹.

«Свой народ» о катастрофе и ее масштабах узнал от генсека на второй неделе. Но «думать на уровне Чернобыля» отныне означало, в том числе, – переставать молчать, опасаться скрывать информацию.

Тема безопасности вошла в дискурс СМИ на годы: статьями об угрозах и рисках, экспертными оценками, прогнозами и т.д.

Дискурс

¹ Грачев А. Зачем нужна была гласность. Судьбы гласности. Материалы международной научно-практической конференции «Судьбы гласности 1986-2001. Опыт ее защиты 1991-2001». М.: Мельгир, 2001. С. 17.

Поспешая медленно, обратим внимание на разнообразие, скажем так, современных корпусов дискурса. Не забираясь глубоко, приведем их самый первый списочный срез по названиям статей и диссертационных тем, обнаруживаемых при наборе ключевого слова в яндексе: научный дискурс, философский дискурс, дискурс истории, национальный дискурс, дискурс интеллектуальной элиты, дипломатический дискурс, политический дискурс, военный дискурс, дискурс апокалипсиса, дискурс гламура.

Дискурс СМИ, находясь в принципе в том же ряду корпусов, оказывается в силу природы массовой коммуникации, одновременно и ретранслятором других дискурсов.

Не продолжая перечисления, уточним: *дискурс* относится к числу понятий с неустановившимся (скажем мягче, с не до конца установившимся) содержанием. Понимая это, попытаемся все же выделить то главное, что позволяет нам рассматривать языковое по сфере формирования и бытования, социально-психологическое по природе явление, описываемое этим понятием, как системообразующее, - при этом по-разному проявляющее себя в различных тематических, скажем так, связках.

Связки эти могут быть относительно гибкими, вариативными (возьмем тот же «научный дискурс» или «дискурс гламура»), но могут быть и жесткими, как это имеет место в случае с дискурсом фактически любой *безопасности*, включая и *информационную*: в силу сложения векторов властной (хотя и не явной, не выставляющей себя напоказ) природы *дискурса* – и властной же (и также бегущей света) природы *безопасности*.

Предупреждая упреки в предвзятости предлагаемого ниже небольшого «декодера», а не просто «путеводителя» по дискурсу как крайне любопытному феномену коммуникативного взаимодействия (удивительно долго, как может показаться, дожидавшемуся обнаружения и выделения себя из многообразного речевого/текстового потока), поясним, что автор изначально подходил к проблеме дискурса сугубо рационально (функционально): выбирая в серьезных, в большинстве своем, текстах

признаки, подтверждающие простой, но достаточно корректный, как ему представляется, «сравнительный» образ: дешифрующий суть, ролевую функцию, принцип формирования и действия того, что может быть названо «дискурс-эффектом».

Этот образ – *линза*, определенным образом перестраивающая некий рассеянный, хаотичный поток частиц или лучей, собирающая его в «*фокус*»; кавычки – из-за необходимости непременно обращаться к обоим значениям последнего слова (или, по крайней мере, оба этих значения держать в голове), когда мы говорим о дискурсе.

Примеряя понятия «линза» и «фокус» к интересующему нас объекту, достраиваем сравнение: *дискурс* – своего рода социально-лингвистическая «линза», формирующаяся или формируемая, что бывает чаще, в тематическом речевом (текстовом) потоке², и выполняющая в нем роль своего рода «управляющей» части. «Линза» эта может образоваться в текстовом потоке самопроизвольно (в силу различных, не всегда определенных и взаимосвязанных причин и обстоятельств³), а может формироваться, конструироваться в нем: *определенной* целью, *определенными* усилиями, с помощью *определенного* инструментария: средств, способов, технологий. Как бы то ни было, эта «линза» определенным образом фокусирует и тем самым *перестраивает*, как

² Согласно Т. ван Дейку, разграничивающему *дискурс* и *текст* как таковой, *дискурс* – это *текст*, актуально произнесенный, а «текст» как таковой – это *абстрактная грамматическая структура произнесенного*. «Дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как «текст» – это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности». (Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. Приводится по: <http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>). Уточним, однако, что мы все время будем говорить (или иметь в виду, что говорим) о продукции средств массовой информации (как выделенного сегмента средств массовой коммуникации): подразумевая под «текстом» *отдельную публикацию* – как готовый, приготовленный и предложенный потребителю или пользователю *продукт СМИ* (совсем не обязательно при этом, что речь идет о продукте собственно журналистском), а под «текстами» – конкретный, выделяемый тематикой и подходами к обсуждаемым темам *поток* публикаций.

³ По мнению автора статьи, на такое развитие событий может работать, в том числе, спонтанно возникающий «эффект гипертекста», способный проявлять себя в социальных группах, активно обменивающихся информацией как в интернет-режиме, так и в режиме «сарафанного радио». (Одной из таких групп, например, могут являться пожилые люди, в кругу которых обрывочная, несистематизированная информация, почерпнутая из различных источников СМИ, «систематизируется» в процессе сложения и наложения на определенную групповую, связанную с определенным жизненным опытом, а не только с возрастом как таковым, интенцию ожидания худшего, – «мы никому не нужны» – и «нас все равно обманут»).

минимум, существенную часть тематического потока информации – предопределяя проецирование на массовое (или же групповое, профессиональное и т.д.) сознание *определенного*, как правило, *не нейтрального* интенционально, но при этом как бы не нуждающегося в проверке на соответствие истине, образа *заведомо спорного* предмета, явления, события, процесса и т.д.

Разумеется, автор никому не навязывает своего взгляда на дискурс и логику его бытования. Простой конструкт «линза-фокус», конечно же, - всего только лабораторная модель заведомо сложного и при этом малопрозрачного *сгустка*, возникающего в глубине текстов. Напоминая, что *сгусток* этот определяли и коммуникативным событием, и вербальным продуктом коммуникативного действия (Т. ван Дейк⁴), и формой социального поведения, которая служит для репрезентации социального мира (Л.Дж. Филипс, М.В.Йоргенсен⁵), и центральным моментом движущегося потока человеческого опыта (Ю.Л. Качанов и Ю.В. Маркова – с отсылкой к работе Ж. Гийому и Д. Мальдидье⁶). По разнесенности *систем координат* этих - нескольких из огромного множества – определений можно судить о многообразии накопившихся видений, прочтений образа дискурса. Автор хотел бы привести ссылки на те работы исследователей дискурса, которые помогают заметить признаки и точнее понять характер, смысл и направленность того *фокусирующего* усилия, которое обнаруживает себя актуальным речевым действием⁷ дискурса.

⁴ См.: *Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach.* (Приводится по: <http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>).

⁵ *Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ. Теория и метод/ Пер. с англ. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2004. Приводится по: Русакова О.Ф.Основные разновидности современного политического дискурса: опыт классификаций (<http://politex.info/content/view/232/40/>)

⁶ *Качанов Ю.Л., Маркова Ю.В.* Структурный изоморфизм социологического дискурса. Приводится по: <http://www.sages.isras.ru/RUS/publ/TXT/KaMa2.pdf>. Отсылка в статье к тексту: *Мальдидье Д.* О новых проблемах интерпретации, или Проблема смысла с точки зрения анализа дискурса// Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с франц. и португал. / Общ. ред. и вступ. ст. П.Серио; Предисл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс. 1999. С. 125-126.

⁷ Термин «речедействие», который вводится некоторыми российскими исследователями как национальный аналог заемному термину «дискурс», не кажется автору даже и отчасти покрывающим поле, занимаемое собственно дискурсом. В том числе и поэтому здесь повторена формула Т. Ван Дейка: как важная, но частность описываемого явления, строка из его «визитной карточки», но не вся карточка.

В содержательном обзоре О.Ф.Русаковой⁸, дающем представление об основных методологических подходах, заложенных в классификации теорий дискурса Т.А. ван Дейка, Я. Торфинга, М.В. Йоргенсен и Л.Филипс, Э.Лакло и Ш.Муфф, обратим внимание на обстоятельство, отмеченное Я. Торфингом: теория дискурса появилась в 70-х годах как интеллектуальный ответ на кризис теоретических исканий «новых левых», кризис марксизма, который уступал позиции набирающим силу неолиберализму и неконсерватизму. Главной целью теории дискурса, по Торфингу, было предложение новой аналитической перспективы в исследовании способов конструирования социальной и политической идентичности.

Удержим в поле зрения это самое *«конструирование социальной и политической реальности»*. И обратим внимание на то, что Норман Фрэкло, основной разработчик «критического дискурс-анализа» (КДА), относимого Торфингом ко второму поколению теорий дискурса, рассматривает дискурс как *один из способов властвования, регуляции отношений субординации социальных акторов*. Дискурсивная практика, как представляется исследователю КДА, вносит вклад не только в воспроизводство социального и политического порядка, но и в *процесс социальной трансформации*. Дискурс обнаруживает, таким образом, *внятный властный эффект*.

И еще одно замечание по части трактовок дискурса - со ссылкой на обзор О.Ф. Русаковой, в котором рассматривается (наряду с классификацией теорий дискурса Я.Торфинга) классификация теорий дискурса Марианне В.Йоргенсен и Луизы Филлипс. В работах Лакло и Муфф, которых Йоргенсен и Филипс называют авторами дискурсивной теории (это один из трех социально-конструкционистских подходов к дискурсивному анализу; два других подхода, по классификации Йоргенсен-Филлипс, это КДА и дискурсивная психология), дискурсы рассматриваются как *способы понимания, конкурирующие между собой за придание социальному миру*

⁸ Русакова О.Ф. Основные разновидности современного политического дискурса: опыт классификаций (<http://politex.info/content/view/232/40/>)

определенных значений. Дискурсы постоянно вовлечены в борьбу за достижение превосходства: так выглядит повседневная ситуация поиска социальной (и политической) идентичности.

К превосходству, как и к идентичности, можно идти разными путями - и совсем не обязательно, что самым продуктивным из них будет предъявление лучшего понимания того, что же именно представляют собой общественное благо или общественный интерес. Еще сложнее дело обстоит с выбором средств, с помощью которых предлагается или, напротив, возбраняется помогать обществу перемещаться в направлении лучшей жизни.

И здесь, пожалуй, самое время обратиться к «Порядку дискурса» Мишеля Фуко. Полагая оправданным достаточно пространное цитирование этого текста, приведем выдержки из инаугурационной лекции классика теории дискурса, прочитанной в Коллеж де Франс 2 декабря 1970 года, т.е. под самый занавес 60-х – с кульминационными для них парижским маем и пражским августом 1968 года.

Вот что говорил Фуко о практике контроля за дискурсом и его носителями: «Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ними опасности, обуздать непредсказуемость его событий, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности.

В обществе, подобном нашему (...), известны процедуры *исключения*. Самая очевидная и привычная из них – это *запрет*. Нам хорошо известно, что говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, не всякому можно говорить о чем угодно. Табу на объект, ритуал обстоятельств, привилегированное или исключительное право говорящего субъекта – здесь мы имеем дело с действием трех типов запретов, которые пересекаются, усиливают друг друга или компенсируют,

образуя сложную решетку, которая непрерывно изменяется. Отмечу (...), что в наши дни областями, где решетка эта наиболее уплотнена, где растет число черных клеточек, являются области сексуальности и политика. Как если бы дискурс, вместо того, чтобы быть тем прозрачным или нейтральным элементом, в котором сексуальность обезоруживается, а политика умиротворяется, являлся как раз одним из мест, где осуществляются, причем привилегированным образом, некоторые из наиболее опасных проявлений их силы. И напрасно дискурс предстает с виду чем-то малозначительным - запреты, которые на него накладываются, очень рано и очень быстро раскрывают его связь с желанием и властью. Да и что же в этом удивительного? Дискурс (...) - а этому не перестает учить нас история - это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть».

Не углубляясь в запоздалую дискуссию о правомерности «дискурсивной» увязки «высокой» политики с «низким» сексом, разве что напоминая о том, что весной 68-го во Франции имел место – и был жестко подавлен властью – массовый выход на улицы радикально настроенной молодежи, в сознании которой представления об общественном благе, о политической революции «нового левого» толка были теснейшим образом увязаны с революцией сексуальной, с освобождением от «предрассудков» во взаимоотношениях полов. Собственно, на пересечении двух этих свобод и сформировалось на Западе «поколение 60-х»⁹: сформировав в итоге ту «Европу прав человека», с рядом ценностей которой никак не может примириться традиционная мораль. Обратим внимание в приведенном фрагменте текста на оппозицию «прятать» и «проявлять», употребленную применительно к дискурсу, во-первых. На установление (уже в самом начале формирования теорий дискурса!) - связи дискурса с *властью*, которой

⁹ Ни в Европе, ни в России в XX веке не было «поколений 30-х», «50-х», «70-х», «80-х», - далее по списку. Были же (всего-то) - 10-х-20-х («потерянное»); 40-х («войны») – и 60-х. (Символами последнего как раз и стали: «парижская весна» и «пражское сопротивление».)

стремятся завладеть, во-вторых. И, наконец, в-третьих, на выявленные и предъявленные к обозрению способы *ограничения доступа к образования общенационального дискурса* носителей дискурса, скажем так, определенной «длинны волны».

К *табуированию* Фуко добавляет такой способ *исключения из дискурса* определенных его носителей, как *разделение и отбрасывание*. Начиная со средневековья, говорит Фуко, сумасшедший - это тот, чей дискурс «не может циркулировать как дискурс других»¹⁰.

Напоминая мимоходом о старой политической традиции *назначать сумасшедшими* инакомыслящих, носителей других смыслов или других прочтений смыслов¹¹, *прерывая* таким способом образование или распространение дискурсов, представляющих угрозу принятому порядку, а потому признаваемых (или, опять-таки, *назначаемых*) «общественно опасными», перейдем, однако, еще к одной группе *процедур, позволяющих контролировать дискурсы*.

Речь идет о процедурах, призванных «определить условия приведения дискурсов в действие» - и навязать индивидам (трансляторам таких дискурсов) определенные правила: добиваясь того, «чтобы не всякий, кто захочет, получал к этим дискурсам доступ». Такой эффект достигается «прореживанием» трансляторов. «В порядок дискурса никогда не вступит тот, кто не удовлетворяет определенным требованиям или (...) не имеет на это права. (...) Не все области дискурса одинаково открыты и проницаемы; некоторые из них являются в высшей степени запретными (дифференцированными и дифференцирующими)».

¹⁰ Правда, тут же Фуко уточняет: случается, что именно слово сумасшедшего, в отличие от любого другого, «наделяют странными полномочиями: выговаривать скрытую истину, возвещать будущее, видеть, бесхитростно и наивно, то, что вся мудрость других не может воспринять».

¹¹ Классический пример такого рода в русской литературе начала XIX века – Чацкий; в российской жизни того же времени – П.Я. Чаадаев с его «Философическими письмами».

Зафиксировав роль ритуала, конституирующего самую поверхностную и зримую форму систем ограничения¹², обратим особое внимание на две другие системы такого рода и предназначения, выделяемые автором «Порядка дискурса».

Одна – «*дискурсивные сообщества*», призванные сохранять или производить дискурсы таким образом, чтобы обеспечивалось их обращение в закрытом пространстве и лишь в соответствии со строгими правилами. Приводя в качестве примера *архаической* модели такого типа группы рапсодов, обладавших знанием поэм, которые нужно было читать наизусть или, при случае, изменять и трансформировать, Фуко уточняет: при том, что подобных «дискурсивных сообществ» с «двусмысленной игрой тайны и разглашения» почти не осталось, существует довольно много других сообществ, функционирующих в соответствии с режимом ограничений и разглашений, – «вспомним о технических или научных секретах, о формах распространения и обращения медицинского дискурса; вспомним, наконец, о тех, кто присвоил себе экономический или политический дискурс».

Другая система ограничений – «*доктрины*»: религиозные, политические, философские. На первый взгляд, доктрины, изначально стремящиеся к распространению, к приобщению к своим корпусам дискурсов как можно большего числа индивидов, представляют собой нечто противоположное «дискурсивному сообществу», в основе которого лежит ограничение доступа к конкретному дискурсу или его трансляции. Но противоположность эта мнимая. Выстраивая сопринадлежность индивидов (с собой и между собой) через присвоение, обобществление ими конкретного, определенного корпуса дискурсов, доктрина связывает следующих ей с определенными типами высказываний, накладывая запрет на все остальные. Доктрина, говорит Фуко, совершает двойное подчинение: говорящих

¹² Ритуал определяет квалификацию, которой должны обладать трансляторы дискурса, и всю совокупность знаков, которые должны этот дискурс сопровождать; ритуал фиксирует предполагаемую или вменяемую действенность слов, границы их принудительной силы.

субъектов – определенным дискурсам, а дискурсов – определенной группе, по крайней мере виртуальной, говорящих индивидов.

Информационная безопасность

Сказанного о дискурсе и о связанных именно с ним способах обеспечения превосходства или даже доминирования *определенных, задаваемых образов* вещей, явлений и процессов, *определенных представлений* о добре и зле, о правильном или неверном, должном или недопустимом в различных сферах жизни общества, о прошлом, настоящем и будущем (не забудем о способности доминирующих дискурсов корректировать знания, обеспечивая «выпадение» дискурсов иной части спектра из представления и обсуждения в образовательном процессе или в общественной дискуссии, например) достаточно, на наш взгляд, чтобы развернуть, прагматизировать тему.

Дискурс – со всей его «властной» спецификой и родовыми особенностями – в данном исследовании интересует нас не сам по себе, а в своем соединении со сложной субстанцией информационной безопасности. Предмет нашего настоящего внимания – ситуация существования и взаимодействия с обществом – через СМИ, с использованием СМИ - информационной безопасности, присущего ей дискурса.

Понятно, что ровно с момента своего появления этот дискурс начинает создавать в массовом сознании определенный образ информационных угроз и информационной безопасности (как системной задачи предотвращения, блокирования, снятия этих угроз) – инфильтруя этот образ в поле СМИ, проводя через определенный корпус текстов, отличающихся заданным, именно дискурсивным подходом. Хотя и не только в массовом сознании, уточним это с самого начала: сознание политических элит, очевидно, также не может оставаться слепым и глухим ни к прямому воздействию на него транслируемого образа (через все те же СМИ), ни к воздействию отраженному: через «подавливание» или даже давление общественного

мнения, формируемого и корректируемого дискурсом информационной безопасности.

Для начала попробуем выстроить что-то вроде системы координат обсуждаемого вопроса – уточняя попутно некоторые обстоятельства, заслуживающие упоминания при обсуждении проблем информационной безопасности вообще и в ее выходе на средства массовой информации в интересующей нас частности.

Начнем с уточнения тех принципиальных позиций, которые автор намерен артикулировать и, насколько это окажется возможным в пределах данной статьи, обсудить и защитить.

Первая позиция: проблема информационной безопасности существует, она реальна и серьезна, но массовое сознание имеет дело не с ней, а с *симулякром*, призванным решать, в том числе, и крайне далекие от информационной безопасности задачи.

Вторая позиция. Дискурс информационной безопасности по определению не может быть дискурсом журналистским. На площадке массовой информации, если называть вещи своими именами, вынужденно взаимодействуют, противостоя друг другу и даже конфликтуя, два профессиональных дискурса: корпорации служб безопасности – и потенциальной профессиональной корпорации журналистов. Они предъявляют два подхода и к безопасности как таковой, и к российскому обществу, и к ценностям, на которые это общество призывают оглядываться.

Третья позиция. Настоящая информационная безопасность и общества, и государства начинается не с закрывания тем и текстов, доступа к информации определенных категорий, а с расширения доступа граждан к информации, представляющей общественный интерес, с информационной открытости власти.

Четвертая позиция. Учитывая очевидную утрату российским государством на определенном этапе готовности поддерживать сложный баланс информационной безопасности и информационной открытости, а

равно и заведомое сокращение ресурса свободы и независимости СМИ, профессиональной самостоятельности российской журналистики, ситуация в сфере реальной информационной безопасности российского гражданина обречена меняться к худшему: по крайней мере, до тех пор, пока общество не займется вплотную этой проблемой от собственного имени: «перенастраивая» некоторые установки государства – и перезапуская систему свободы и ответственности российской журналистики.

Обоснование первой позиции. Проблема безопасности (и информационной в том числе) не придумана, не занесена с Марса. В современный мир и в Россию ее «надуло», если отойти от базовых позиций дискуссии о начале и конце света (очевидно не имеющей консенсусного разрешения), «ветром» цивилизационного развития. Международное сообщество вообще, и Россия в частности, имеют дело с «пучком» (используем этот образ Юрия Левады) техногенных и иных рисков, угроз жизни и безопасности человека, характерных для второй половины XX – первой половины XXI веков. Тут и риски (угрозы), связанные с социальными проблемами, с бедностью, с нехваткой продовольствия и питьевой воды. Тут и риски, связанные с издержками глобализации. Тут и риски последствий варварского отношения государства и общества к экологии, и риски варварского отношения человека к собственному здоровью. Тут и риски, связанные с развитием научно-технической революции вообще - и с ее выходом в военную область, сферу вооружений и применения вооруженных сил. Тут и риски, связанные с этническими конфликтами и конфликтами на религиозной почве. В самом начале нового, нынешнего века едва ли не на первые позиции в этом «проскрипционном» списке переместился международный терроризм. С некоторого времени¹³ принято оглядываться еще и на риски «столкновения цивилизаций».

¹³ С 1993 года, с момента появления в Foreign Affairs статьи С. Хантингтона, утверждавшего, что центральным и наиболее опасным аспектом зарождающейся глобальной политики станет конфликт между группами различных цивилизаций.

Понятно, что не все из названного, даже и относясь к сфере международной или национальной безопасности, имеет прямой или даже косвенный выход в пространство безопасности информационной. Но также понятно, что уже и упоминания таких проблемных полей, как «вооружения», «конфликты», «терроризм» достаточно, чтобы к концепту *информационной безопасности* относиться со всей серьезностью: по крайней мере, в стране, проходящей через глубокий кризис вынужденной смены представлений о социальных и во многом моральных нормах, с повышенной затрудненностью модернизационных и трансформационных процессов, с основательно потрясенными основами само- и взаимоидентификации граждан, включая идентификацию себя со своей нынешней страной, с поставленными под вопрос былыми, очевидно упрощенными представлениями о неизбывной, естественной прочности основ исторически сложившихся полиэтничности и многоконфессиональности, и т.д.

«Со всей серьезностью» означает, как нам представляется, не с придыханием и не навтыжку, а с сознательным отстранением. С выбранным умом (и по уму) рациональным и достаточно корректным отношением: как к *специализированной* области наработки, накопления, применения задач и знаний, связанных со снятием и предотвращением угроз гражданину, обществу и государству (если перечислять приоритеты в порядке примата прав человека), возникающим или способным возникнуть в определенной сфере жизни общества и деятельности человека. В нашем случае речь идет об угрозах, возникающих, способных возникнуть, прирасти или снизиться, обратим внимание, по факту публикации (или не публикации) средствами массовой информации каких-то определенных текстов. Через трансляцию содержащихся в этих текстах определенных, противоречащих безопасности или подрывающих ее устои дискурсов. Через прохождение к гражданам (или, напротив, в силу непрохождения) существенно важной для этих граждан и общества в целом информации, способной определенным образом повлиять на характер, состояние, уровень *национальной безопасности*. (Объединим в

рамках этого понятия-концепта, не слишком широко распространенного в России, безопасность отдельного человека, семьи, социальной группы, общества и, наконец, государства, - с непременным включением в прочтение этого концепта фактора будущего времени, защиты интересов будущего страны и ее граждан¹⁴).

Надеясь, что принципиальная позиция автора по этому вопросу понятна, перейдем к концепту информационной безопасности, каким он обнаруживает себя в базовом документе: Доктрине информационной безопасности¹⁵, подписанной Президентом РФ 9 сентября 2000 г.

Автор не считает полезным обсуждать в рамках настоящей статьи важные, но в значительной мере специальные, в том числе и ориентированные на специалистов сугубо «безопасного» профиля, положения Доктрины. Обратим внимание, однако, на саму попытку доктринально сформулировать содержание понятия национальная безопасность, определить, в чем же именно состоят интересы гражданина, общества и государства в информационной сфере – и попытаться предложить прочтение того, что можно было бы называть «национальными интересами» в информационной сфере¹⁶ - и на самый первый пункт, где строгий документ начинает, что называется, «плыть». Вот он, этот пункт:

¹⁴ Предлагаемый подход заметно усложняет и постановку, и решение задач, в том числе, в области информационной безопасности. Но также и предохраняет (что важнее, весомее) от постановки и разрешения задач, пусть и дающих выигрыш во времени, но ведущих, по большому счету, в социально-политический тупик.

¹⁵ При том, что Доктрина не принадлежит к числу документов с внятным правовым статусом, не является она и документом, предложенным обществу на согласование. Согласно преамбуле этого официального документа, Доктрина развивает Концепцию национальной безопасности Российской Федерации применительно к информационной сфере и представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Доктрина, как поясняется, служит основой для формирования государственной политики в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, для подготовки предложений по совершенствованию правового, методического, научно-технического и организационного обеспечения информационной безопасности Российской Федерации и, наконец, для разработки целевых программ обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

¹⁶ Вот как эти позиции представлены в разделе «Информационная безопасность Российской Федерации» (Ст.1. Национальные интересы Российской Федерации в информационной сфере и их обеспечение:

«Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Интересы личности в информационной сфере заключаются в реализации конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, на использование информации в интересах осуществления

«Первая составляющая национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере включает в себя соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и свободы пользования ею, обеспечение духовного обновления России, сохранение и обновление нравственных ценностей общества, традиции патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны».

Уточним, что сама по себе попытка разделить «национальные интересы в информационной сфере» на составляющие (да еще и изложить их - в логике школьных прописей, готового, а не дискуссионного, обратим внимание, директивного по характеру набора) могла бы быть сочтена заслуживающей внимание инновацией, каким-никаким, но опытом артикуляции государством понятного гражданину, а не только специалисту, образа информационной безопасности и своего подхода к постановке и решению задач в этой сфере. По факту же ее придется определять как урок урона, наносимого благим целям неверным выбором средств.

Не предполагая, на самом деле, что безымянные авторы Доктрины ставили целью размыть те самые конституционные права и свободы, на которые Доктрина не один раз ссылается¹⁷ (но все же обращая внимание на

не запрещенной законом деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития, а также в защите информации, обеспечивающей личную безопасность.

Интересы общества в информационной сфере заключаются в обеспечении интересов личности в этой сфере, упрочении демократии, создании правового социального государства, достижении и поддержании общественного согласия, в духовном обновлении России.

Интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры, для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и правопорядка, развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества».

¹⁷ В числе требуемого для достижения «первой составляющей национальных интересов» значатся, в частности, следующие позиции:

обеспечить конституционные права и свободы человека и гражданина свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, получать достоверную информацию о состоянии окружающей среды;

обеспечить конституционные права и свободы человека и гражданина на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на защиту своей чести и своего доброго имени;

то, что некоторое число положений доктрины дают основания и для такого толкования, в том числе), зададимся вопросом: а какой, собственно, смысл, какое содержание вкладывается Доктриной в словосочетания «духовное обновление России», «сохранение и укрепление нравственных ценностей общества», «традиции патриотизма», «духовное возрождение» народа Российской Федерации?

Вопрос не праздный, если иметь в виду, что безусловно не благополучное, кризисное российское общество трансформируется и модернизируется в условиях очевидного отсутствия консенсуса о том, что же должны представлять эти процессы на выходе (а равно и: на какие ценности они должны ориентироваться, какую именно цену обществу придется заплатить и за модернизацию, и за задержку с ней, и за усиление «отклоняющихся», сдерживающих модернизацию силовых линий, в том числе политических, в том числе излишне или ложно «безопасных»), общество даже и не дискутирует на все эти темы. Почему это не просто плохо или очень плохо, но опасно? Да потому, что понятия «патриот» и «патриотизм», например, могут с равной степенью серьезности (но с совершенно разными смыслами, в них вкладываемыми, и совершенно различными, противостоящими по природе представлениями о том, какой же должна стать Россия – и каким образом к этому «стать» продвигаться) использовать по отношению к себе и носители суперлиберального комплекса ценностей, и носители архаичных, феодальных в основе (в лучшем случае - восходящих к пониманию этого термина в СССР времен «холодной войны») представлений о стране, ее желаемом образе, а равно и о том, какую роль и при соблюдении каких условий в этом могут сыграть средства массовой информации. И разве одинаково прочитывают содержание понятия «гуманизм» носители «открытого» и «закрытого» взгляда на мир, сторонники сильной

укрепить механизмы правового регулирования отношений в области охраны интеллектуальной собственности, создать условия для соблюдения установленных федеральным законодательством ограничений на доступ к конфиденциальной информации;

гарантировать свободу массовой информации и запрет цензуры;

демократической России и «великой державы», которую должны бояться, уважая?

Употребляя термин «симулякр» применительно к сугубо почтенному по статусу документу, автор исходит из его скверной специфики: предъявлять соединенным несоединимое, задавать директивную директорию, в том числе тому, что нуждается, как минимум, в полемике экспертов, в общественных дискуссиях, в основательной научной проработке каждого слова в отдельности и групп слов в совокупности.

Можно, как представляется, спорить, на каком основании Доктрина информационной безопасности вообще забирается на крайне деликатную территорию *духовной жизни*, - даже и не пытаясь объяснить, какой из смыслов (или какие именно смыслы) ею вкладываются в это словосочетание¹⁸. Но с какой стати, на каком основании и, что принципиально важно, по какому праву в Доктрине, которая относит - по тексту - к числу «основных объектов» обеспечения информационной безопасности в сфере духовной жизни «свободу совести, включая право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, свободу мысли и слова (за исключением пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду)», ровно двумя десятками строчек ниже обнаруживается следующее положение:

«Наибольшую опасность в сфере духовной жизни представляют следующие угрозы информационной безопасности Российской Федерации: (...)

¹⁸ Придется признать что сфера «духовной жизни» если и не трактуется, то понимается Доктриной неоправданно широко: «Обеспечение информационной безопасности Российской Федерации в сфере духовной жизни имеет целью защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, связанных с развитием, формированием и поведением личности, свободой массового информирования, использования культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, с сохранением культурного достояния всех народов России, реализацией конституционных ограничений прав и свобод человека и гражданина в интересах сохранения и укрепления нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, здоровья граждан, культурного и научного потенциала Российской Федерации, обеспечения обороноспособности и безопасности государства».

возможность нарушения общественной стабильности, нанесение вреда здоровью и жизни граждан вследствие деятельности религиозных объединений, проповедующих религиозный фундаментализм, а также тоталитарных религиозных сект;

использование зарубежными специальными службами средств массовой информации, действующих на территории Российской Федерации, для нанесения ущерба обороноспособности страны и безопасности государства, распространения дезинформации;

неспособность современного гражданского общества России обеспечить формирование у подрастающего поколения и поддержание в обществе общественно необходимых нравственных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности за судьбу страны».

Появление фантома «тоталитарных сект» (закономерно отсутствующего и в Конституции Российской Федерации, и в Законе РФ «О свободе совести и религиозных объединениях», но возникающего вдруг в документе за подписью Президента России) и совершенно фантастического призрака «использования зарубежными специальными службами средств массовой информации, действующих на территории Российской Федерации, для нанесения ущерба обороноспособности страны» - признаки симулякра, А объявление уж вовсе недееспособным гражданского общества, очевидное выделение из всех категорий российских СМИ в качестве объекта особой защиты и патронажа СМИ именно государственных, попытка явочным порядком за столбить идею формирования общественного контроля «за формированием в обществе духовных ценностей, отвечающих национальным интересам страны»¹⁹ - это все как раз и есть: фокус с разоблачением «фокуса» симулякра, в том числе – фокуса обнаруживаемого им властного дискурса.

¹⁹ Общественный контроль за формированием функциональных, соответствующих национальным интересам духовных ценностей (!!) – это, конечно же, абсолютное по непониманию природы ценностей ноу-хау Доктрины, напоминающее сказанное известным баснописцем о пирогах и сапожниках . Его можно было бы признать новым словом в моральном нормотворчестве (в кавычках, разумеется), когда бы не явный привкус «советизма» в подходе, ощущение очевидной вторичности «сверхпрагматичного», на самом деле - достаточно циничного в основе подхода к морали как к девушке по вызову.

Все по Фуко, строго говоря: и присутствие «доктрины», и выраженность интересов «дискурсивного сообщества». И готовность ограничивать «неправильный» дискурс, прореживая его «трансляторов», даже готовность привычно подравнивать чужой, сложный профессиональный порядок под привычное равнение на грудь четвертого человека²⁰.

Полагая тему дискурса Доктрины информационной безопасности фактически исчерпанной (к одной из ее позиций нам, правда, еще предстоит вернуться), уточним два принципиальных момента. Как представляется, Доктрина информационной безопасности, как и сама концепция информационной безопасности, формировалась под определенный государственный заказ: «на вырост» новой державности, готовой если и не совсем тотально, то по отечески плотно контролировать общество (и новой готовности общества подлежать отеческому контролю). Основы «доктринального» подхода были заложены в середине 90-х годов: до ударов захваченных самолетов по Близнецам, предъявившего всему миру серьезность разговоров экспертов о переходе бывшего «твердого» мира в «жидкий»²¹, но аккуратно на этапе выхода из «первой чеченской» войны²².

²⁰ «Основными направлениями информационной безопасности... в сфере духовной жизни являются: (...) разработка специальных правовых и организационных механизмов недопущения противоправных информационно-психологических воздействий на массовое сознание общества, неконтролируемой коммерциализации культуры и науки, а также обеспечивающих сохранение культурных и исторических ценностей народов и народностей Российской Федерации, рациональное использование накопленных обществом информационных ресурсов, составляющих национальное достояние».

²¹ О том, что авторство метафоры «жидкий мир» принадлежит серьезному исследователю проблем глобализации Зигмунду Бауману, напомнил некоторое время назад (в интервью Сергею Бунтману и радиостанции «Эхо Москвы») французский философ Оливер Монжен, автор книг по интеллектуальной истории и редактор журнала «L'Esprit» (<http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot/51751/index.phtml>). Не оспаривая авторства Баумана, уточним, что у метафоры «жидкий мир», замечательно плотно ложащейся едва ли не на любой современный дискурс по проблемам безопасности/небезопасности, есть образ-предшественник: коварный «студень» из всевременного «Пикника на обочине» братьев Стругацких. Вспомнить о нем полезно еще и потому, что добровольно и даже невольно, в силу обстоятельств, заходящему на территорию «информационно-безопасного» дискурса, хорошо бы изначально осознавать себя *сталкером*, рискующим, стоит заметить, не только собственной репутацией, но, может, даже и головой.

²² Автор употребляет именно это словосочетание применительно к боевым действиям на территории Чеченской республики и в силу устойчивой традиции правозащитного словоупотребления, и с оглядкой на язык значительной части российских СМИ того периода. А еще потому, что дискурс спецслужб (и не только в России, надо заметить) давно уже распознается именно по специально сконструированным специалистами «нейтральным» эвфемизмам: «предотвращение гуманитарной катастрофы», «антитеррористическая операция», «наведение конституционного порядка». Интересующимся этой стороной проблемы автор рекомендует небольшой, но емкий материал И.В. Жукова (Жуков И.В. Война в дискурсе современной прессы. Приводится по: http://teneta.rinet.ru/rus/ii/iliazhukov_war.htm). Вот несколько

«Информационное оружие как угроза национальной безопасности России», «угрозы информационного воздействия на информационные ресурсы Российской Федерации», «угрозы информационно-психологической безопасности», «эффективность систем национальной безопасности»: аналитическими записками и справками такого рода были буквально завалены, как помнится, участники парламентских слушаний «Угрозы и вызовы в сфере информационной безопасности Российской Федерации» (Москва, 16.06.1996 г.)

В Рекомендациях этих слушаний, надо заметить, еще нет упоминания о Доктрине информационной безопасности, но есть оценка: информационная безопасность России находится на критическом уровне. И есть пакет рекомендаций Президенту и Правительству Российской Федерации, начинающийся с подготовки в рамках Концепции информационной безопасности «классификатора основных внешних и внутренних угроз и вызовов интересам личности, общества и государства в этой области, а также разработку понятийного аппарата и методологии уровня угроз и последствий их реализации».

И словосочетание «общественный контроль» в Рекомендациях обнаруживается, - правда, в совершенно ином контексте и с другим смыслом, чем в подзадержавшейся на четыре года и принятой уже во времена второго президентства Доктрине информбезопасности. Третьим пунктом в рекомендациях Президенту значится: «формирование федеральной системы

полезных и для нашего обсуждения выводов И.В. Жукова, касающихся дискурса военного. «Элиты, контролирующие основные информационные потоки, а соответственно и дискурсы СМИ, общественные, политические и образовательные дискурсы, несомненно, играют важную роль в ориентации военного дискурса, влияют на общественное сознание, ориентируют предрассудки. (...) СМИ – основной инструмент распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание. Можно выделить две основные функции дискурса СМИ: ориентирующую и манипулятивную. (...) СМИ фактически контролируют культуру, пропуская ее через себя, как через «фильтр», выделяя отдельные элементы из общей массы, придавая одним особый вес, снижая ценность других. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в современном мире почти не оказывает влияния на развитие общества. В этом заключается ориентирующая функция дискурса СМИ. Появление любой темы в прессе обусловлено интересами правящих элит, которым выгодна определенная ориентация общественного мнения и сознания. В этом заключается манипулятивная функция дискурса прессы».

обеспечения информационной безопасности России для защиты законных интересов граждан, общества и государства; содействие формированию системы общественного контроля за функционированием этой системы; определение эффективности и способности государства и его органов выявлять источники, парировать и нейтрализовать основные угрозы и вызовы для жизненно важных интересов личности, общества и государства». Имеющий глаза...

«Команда»

Говоря о том, что же так сильно изменилось в России (не в мире) за эти самые четыре года, что так заметно изменило ориентиры и акценты в сфере информационной безопасности, остановимся на трех позициях, обозначая их пунктиром.

В стране состоялась «вторая чеченская» война, и в качестве одной из характерных ее информационных особенностей обнаружилось резкое истончение слоя тех СМИ и тех журналистов, которые стремились освещать события не с одной, официальной российской, стороны.

Дискурс СМИ оказался в значительной мере приближенным к дискурсу той части российского общества, которая разочаровалась в демократии, не успев очароваться ею, устав от экономической, политической, моральной ситуации 90-х годов и фактически сформулировав не очень четкий, размытый, но понятный по знаку запрос на снижение энтропии, укрепление порядка и увеличение безопасности во всех сферах жизни России. Дилемма «свобода или безопасность» была фактически снята именно запросом на безопасность, пусть и с ограничением свобод.

К власти в России пришла не просто другая президентская команда, но другая кадровая идеология: собирать дряблую, «разжиженную» Россию по призыву и поручению нового президента было доверено военным, силовикам: с выраженным присутствием в этом призыве людей из спецслужб.

И, наконец, «команда порядка» с самых первых шагов положила под сукно прообраз концепции *информационной открытости*, обещавшей власти не просто множество «лишних» забот и хлопот, но риски «гражданского контроля», раздражающего спецслужбы даже и в странах с устойчивой демократией. Начав «двусмысленные игры тайны и разглашения», если вернуться к одной из формулировок М.Фуко, российская бюрократия «второй волны» оставила в поле зрения граждан древко от флага информационной открытости, сосредоточившись на информационной безопасности и даже попытавшись напрямую связать ее с одной из «информационных угроз»: с тем самым пугалом «использования зарубежными специальными службами средств массовой информации, действующих на территории России, для нанесения ущерба обороноспособности страны и безопасности государства».

Автор не считает разумным каким-то специальным образом расшифровывать или подтверждать первую из названных позиций; ситуация с состоянием российского общества, с настроением и психологическим самочувствием российских граждан во второй половине 90-х у всех на памяти, - как на памяти и перемены в информировании читателей о войне в Чечне российскими СМИ, прежде всего электронными: НТВ и «Эхо Москвы» были, пожалуй, последними электронными СМИ, пытавшимися минимизировать издержки информации, поступающей с одной стороны, для своих зрителей и слушателей.

Что касается другой команды и другой идеологии: Ольга Крыштановская в своем исследовании российских элит относительно «модернизации верховной власти» времен первого президентского срока В.В. Путина дает такие четкие определения, как «милитаризации власти» и «милитократизация» России²³. Обсуждая предпосылки этого процесса, его

²³ «Новая власть (...) усиленно работает над тем, чтобы создать не только управленческую вертикаль, направляя доверенных людей в погонах на все этажи федеральной власти в регионах, но и *«управленческую горизонталь»*, рассаживая высших офицеров на вторые и третьи этажи властных структур, чтобы обеспечить контроль над всеми направлениями политики и экономики. Насыщение военными экономических и политических ведомств при Путине становится основной тенденцией кадровой политики.

развитие и состояние, исследователь не демонизирует путинскую элиту в погонах, пусть и не всегда выставляемых напоказ, но и не считает возможным облегченное отношение к тому, что же именно она привносит во власть²⁴. Возвращаясь к теме дискурса той части путинской элиты, которая наиболее естественным образом осуществляет себя в режиме «установка – приказ – исполнение приказа» (с той или иной степенью профессионально-моральной нагруженности – присяга! - проблемой личной ответственности, за безопасность в том числе), то вот еще одна цитата, по сути, исключаящая (как кажется автору) возможность появления в сфере безопасности вообще, и информбезопасности в частности, какое-то иное представление о взаимоотношениях массовой информации и информационной безопасности, чем нынешнее, ограничительно-манипулятивное. Ольга Крыштановская: «*Нео-авторитаризм* Путинской милитократии соседствует с плюрализмом мнений, с существованием частной собственности, с гражданскими свободами. Демократические свободы формально соблюдаются. Но (...) управленческая сеть, созданная Путиным, базу которой составляют военные, восстановила контроль практически над всеми ключевыми процессами в обществе. Началось выхолащивание демократии, приобретение ею имитационного характера. Образцом такой квазидемократии было советское общество, в котором существовали три ветви власти (независимые только на бумаге), и выборы (хотя и безальтернативные), и конституционно закрепленные демократические свободы граждан. Не та ли самая опасность

Происходит диверсификация агентов влияния Кремля, их рассеяние по всему политическому пространству. Кремль расширяет зоны своего контроля, встраивая на ответственные посты всех ветвей власти офицеров, приказы которым отдаются не военным, а политическим ведомством. Осуществлена масштабная мобилизация военных на государственную службу. (...) Задача усиления Российского государства решалась параллельно с задачей укрепления личной власти президента. Необходимо было сформировать не только команду президента, но и группы его поддержки. И здесь роль военных была экстраординарной». (Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 281)

²⁴ «(...) Военные Путинского призыва прошли школу демократизации, поработали в коммерческих структурах или за границей, их внутренний авторитаризм подвергся модернизации, трансформировался, стал условнее. Стремление к тотальному контролю теперь было ограничено рамками закона, нормами западных стандартов жизни, оглядкой на реакцию мирового сообщества. Но все же, примиряясь с существованием институтов, которыми она не может руководить открыто, Путинская милитократия не оставляет самого стремления к контролю. Контроль принимает скрытые формы: внедрение «комиссаров при командирах», использование административного ресурса на выборах, инициация создания институтов квазигражданского общества, внедрение агентов влияния в бизнес, в средства массовой информации и проч». (Крыштановская О. Цит. Соч. С. 283)

подстерегает современное российское общество, в котором произошла мобилизация военных в политику?» И далее: «Другой опасностью милитаризации власти является *клановость*, основу которой будет составлять не родственно-финансово-криминальные связи так называемой *Семьи* (как было при Ельцине), а корпоративный дух единения, присущий сотрудникам безопасности. Сети агентов влияния, специфические каналы обмена информацией, методы манипулирования людьми - эти навыки делают офицеров, работающих или работавших в КГБ/ФСБ особой кастой, «братством», в котором господствует дух взаимопомощи. Когда человек, развивший в себе эти навыки, получает власть, вся страна становится ареной оперативной работы. Сам Путин говорил, что «бывших чекистов не бывает - это на всю жизнь». Корпоративный дух спецслужб цементирует власть. Милитократическая элита становится общностью, в которой главенствует *солидарность*. Такая власть вдвойне устойчива, тем более что она скреплена идеологией патриотизма, разбавленного, правда, либеральными экономическими идеями. Новая *клановость* режима Путина - это корпоративный дух спецслужб»²⁵.

Надо ли объяснять, что «клановость» и «открытость» несовместны? Понимая, что риторические вопросы не приветствуются, зададим другой: надо ли всерьез беспокоиться о том, что «информационная открытость», продолжающая оставаться в России нереализованным конструктом, имеет объективно немного шансов вернуться и обнаружиться реальностью?

Информационная открытость

Ответ на этот – прагматичный – вопрос начнем с уточнения, о чем, собственно, разговор. Президентский Указ от 31 декабря 1993 г. (№ 2334) «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию»²⁶ содержал п. 3,

²⁵ Крыштановская О. Цит. соч. С. 284.

²⁶ Обратим внимание: Указ подписан Б.Н. Ельциным на третьей неделе по принятии Конституции России. И что речь в нем идет уже и поэтому именно о «дополнительных правах»: о переводе в практическую плоскость закрепленного Конституцией права свободно искать и получать информацию - и о существенном дополнении (переводом взаимоотношений государства с гражданином по поводу официальной информации

который, собственно и составил «ядро» того, что можно назвать, пусть и достаточно условно, концепцией «информационной открытости» времени и имени первого российского президента. Вот этот пункт:

«3. Деятельность государственных органов, организаций и предприятий, общественных объединений, должностных лиц осуществляется на принципах информационной открытости, что выражается:

в доступности для граждан информации, представляющей общественный интерес или затрагивающей личные интересы граждан;

в систематическом информировании граждан о предполагаемых или принятых решениях;

в осуществлении гражданами контроля за деятельностью государственных органов, организаций и предприятий, общественных объединений, должностных лиц и принимаемыми ими решениями, связанными с соблюдением, охраной и защитой прав и законных интересов граждан».

Через пять лет, в Послании Президента Российской Федерации «Общими силами – к подъему России (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» представление об информационной открытости было существенно углублено и расширено. Вот как выглядела в Послании соответствующая позиция:

«Полноценное взаимодействие власти с институтами гражданского общества невозможно без *информационной открытости*. Задачи здесь таковы:

- радикальное обновление функций, методов, критериев деятельности существующих информационных служб органов исполнительной власти;
- сужение области ведомственных тайн;
- уточнение с помощью общественных организаций гарантий

в режим прямых взаимоотношений) сохраняющегося подхода работы государства с гражданином в информационной сфере через квалифицированного посредника в лице СМИ. (Согласно ст. 38 Закона РФ «О средствах массовой информации», «Граждане имеют право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов и организаций, объединений, их должностных лиц».)

предоставления общественно значимой официальной информации;

- обучение государственных служащих практической работе в условиях информационной открытости;

- установление каналов двусторонней связи государственных органов с общественными организациями, занимающимися аналогичными проблемами (экологическими, социальными и др.)»).

Если добавить к сказанному, что предвзяло новое прочтение информационной открытости положение об общественной экспертизе, переворачивавшее представление о степени свободы власти в выборе одних, а не других решений («Особое внимание должно быть уделено законодательно оформленному институту *общественной экспертизы*. Каждое социально значимое решение органа государственной власти или органа местного самоуправления необходимо пропускать через механизмы общественного согласования»), то не будет преувеличением сказать: в стране – гипотетически, по крайней мере, - намечались сугубо мирные, но при этом и сугубо революционные по смыслу, характеру и последствиям подвижки во взаимоотношениях власти с обществом.

Через десять лет после только что процитированного мы, однако, находимся там, где находимся. Как один из разработчиков формулы Послания-1998, член рабочей группы экспертов, которая готовила раздел «Подъем для людей. Подъем силами общества», автор безусловно жалеет о том, что «информационная открытость» так и осталась концептом.

Ситуация конкретного времени в конкретной стране сложилась так, как сложилась.

Информационная открытость не то чтобы была объявлена неверной или ненужной стране, гражданам и власти, но скорее она была удушена в объятиях власти: трансформировавшись во «вторую составляющую национальных интересов Российской Федерации» Доктрины информационной безопасности, с одной стороны. С другой же - пройдя многолетний бесславный путь – с постепенным выхолащиванием смысла и

содержания информационно открытого подхода, характерного для проекта Федерального закона, поначалу называвшегося «О праве граждан на доступ к информации»²⁷, к информационно безопасному проекту Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»...

Предпоследний, исторический штрих к позиции информационной открытости – возвращение к сказанному о попытке напрямую связать журналистику с одной из «информационных угроз». Примерно в то же время, когда подписывалась Доктрина информационной безопасности, Фонд защиты гласности (ФЗГ) представлял книгу «Дело №19. Григорий Пасько против ФСБ»: документальную историю попытки обвинить в разглашении тайны и государственной измене военного журналиста Григория Пасько. В конце девяностых «дело» против него, достаточно грубо сшитое, не выдержало солидарного давления извне, развалилось. Удалось ли бы добиться такого эффекта сейчас, когда против слова журналиста, обязанного исследовать и расследовать сложнейшие конфликтные ситуации, принимая на себя риск профессионально-морального выбора, и зачастую и всю полноту ответственности личной, индивидуальной защиты общественного интереса, работают, в том числе, Федеральные законы «О борьбе с терроризмом», «О противодействии терроризму», «О противодействии экстремистской деятельности», на основании которых едва ли не любое СМИ может быть объявлено преступившим закон? Чтобы не ходить далеко, сошлемся на известный пример, когда предупреждение за статью «Чингисхан, открой личико»²⁸ было объявлено куда как аккуратной в выражениях и образе мыслей газете «Известия»: именно с отсылкой к Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности». Не обсуждая обоснованность вынесения предупреждения, обратим внимание на саму

²⁷ Около десяти лет назад автор принимал участие в содержательном споре экспертов о том, как все же точнее называть проект закона: «О праве граждан на доступ к информации» – или «О праве граждан на информацию». «Доступ» в экспертном (сугубо штатском) сознании тогда еще никак не ассоциировался с «заступом»; прыжок российского общества к информационной открытости большинству из занимавшихся этой проблематикой с правозащитных позиций казался успешным, исторически зачтенным.

²⁸ Известия, 18 мая 2007..

практику поиска и обнаружения «признаков экстремизма» в текстах издания такого типа и масштаба.

Право «применять меры профилактического и пресекающего характера» (так в тексте предупреждения) у Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия, конечно же, есть. Но есть ли право на свободу слова в ситуации, о которой писали «Известия», у журналиста и СМИ?

Дискурс журналистского сообщества

И здесь, пожалуй, последняя реплика публикации: о дискурсе журналистского сообщества. Автора серьезно беспокоит то обстоятельство, что нынешняя российская журналистика практически не обсуждает вопросы информационной закрытости и информационной открытости, не ведет учет проблемных ситуаций, не анализирует вовлеченность в них самих журналистов, не апеллирует в конфликтных ситуациях к экспертному сообществу и обществу.

Клановости и корпоративности, о которой писала Крыштановская, не противостоит другой клан – и слава богу, как говорится, потому что «клановая» журналистика – нонсенс. Но ведь не противостоит и корпоративность профессионалов, которые – сошлемся в данном случае на обязательный для членов Союза журналистов России Кодекс профессиональной этики российского журналиста – обязаны прилагать все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было неполнотой или неточностью информации, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сообщений.

Автор должен признаться в том, что не считает Кодекс российских журналистов документом эталонного качества. Вот и по только что сказанному возникает почти неизбежный вопрос: а где самообязательство прилагать все силы к тому, чтобы добыть эту самую общественно значимую

информацию, не останавливаясь, в том числе, перед выстраиваемыми на его пути барьерами и ловушками и не поддаваясь на уловки манипуляторов? И почему огорчаться нужно только распространению заведомо ложных сведений журналистом? А опасность тех сведений, которые он поленился, а то и испугался проверять на необходимую глубину?

Информационная открытость, какой она начинала выстраиваться, как раз и обеспечивала наилучшим образом национальную безопасность – формируя тип гражданина России времен информационного общества: умеющего найти информацию, распорядиться ею, принять ответственное, компетентное решение.

Информационная безопасность в том виде, в каком она сложилась и продолжает оставаться, формирует знакомый тип человека-«винтика»: бери, что дают, думай, что рекомендуют, делай, что скажут, живи, как предпишут.

Осторожно относясь к формуле «это мы уже проходили» (повторяемость событий, конечно же, метафора; внешняя, по отдельным признакам, схожесть ситуаций - обманчива) автор напоминает известную старую и возможную новую ситуацию предотвращения поворота северных рек²⁹ - со ссылкой на очень полезную во многих смыслах публикацию В. Захарько³⁰. Канва этой истории была известна давно: после принятия в 1976 году решения о переброске на юг части стока рек Сибири и Европейского Севера страны на публикации по этой теме был наложен запрет; запрет удалось прорвать журналистам, реки вспять не потекли, экологической катастрофы, которая могла или должна была быть связанной с этим самым поворотом, стать его итогом, в СССР не случилось.

Вспомнить эту историю полезно как минимум по трем причинам. Первая: журналистская профессия должна иметь достойные ориентиры, - а это как раз тот случай. Вторая: тоскующим по прежней великой державе

²⁹ Мэра Москвы, похоже, недостаточно «согревают» собственные изобретения, вроде круглого улья или макрокапсулирования: деятельный градоначальник всерьез заговорил о необходимости возвращаться к проекту поворота северных рек, подводя под этот проект теперь уже не солидаристские мотивы, которые работали в СССР, а выгоду от продажи водных ресурсов.

³⁰ Захарько В. Политковская А. Ни дня без грифа «секретно»// Известия, 30 января 2008. С.12

стоит все же, хотя бы время от времени, напоминать, что страна эта легко могла погубить миллионы соотечественников в годы достаточно благополучные: просто потому, что решения в ней принимались келейно, а гриф «секретно», который за ними следовал, замечательно и повсеместно скрывал правду, искажал реалии, насаждал массовый страх, как напоминает Захарько. И третья: от принятия решения по проекту до его остановки прошло десять лет. Кто даст гарантию, что новые планы поворота рек или схожие с ними – возникающие так же тайно, но уже не находящие своих расследователей и борцов против произвола тайны в журналистском сообществе, не будут реализовываться, что называется, с колес?

Ситуация драматически осложнена ситуацией и на стороне тех, кто нашел замену грифу «секретно» запрещенной цензуры в скромной информбезопасности: им больше (уже? еще? пока?) нет нужды ни на кого оглядываться. И в журналистике, разучившейся определенно находить себя на стороне гражданина, читателя или зрителя, сплошь и рядом продолжающей если и не идентифицировать себя со властью, то ожидать разрешающего, подтверждающего, одобряющего кивка с ее стороны.

В тексте, который редакция «Новой газеты» предпослала посмертному сборнику статей Анны Политковской, есть строчки, которые должны быть процитированы здесь, в завершающей части статьи, как оценка и предостережение, которые никому не дано оспорить в прямом обращении к автору: «Вертикаль власти» - это такое состояние государственного устройства, при котором с руководящего поля удалены все, кто способен мыслить по-другому, чем вышестоящий начальник. У нас с подачи администрации президента Путина, фактически являющейся главным управляющим звеном страны, это состояние называется «НАШИ». «Наши» - это те, кто с нами. «Не наши» - если не с нами, то враги. Подавляющее большинство СМИ, собственно, и описывают этот дуализм: как «наши» хороши – как отвратительны враги». И далее – о ситуации даже и в лучшей части журналистского цеха: наступила пора умственного и

профессионального застоя в профессиональном кругу: «превратившего профессию опять из журналистики в пропаганду»³¹.

Вот оно и названо: место контакта, схода или даже совпадения двух дискурсов: информационно-безопасного – и уже не журналистского, но ведь прикрытого журналистским удостоверением.

Строго говоря, эта точка – крайняя. Далее – или вверх (не назад!), к профессии, к информационной открытости как способу защитить и обеспечить права и интересы граждан и общества. Или?

Приложение.

Пояснение члена ПФ «Комиссия по свободе доступа к информации».

Предлагаемый текст Рекомендаций комиссии – документ архивный; по времени рождения он – ровесник Доктрины информационной безопасности. В отличие от Доктрины, однако, текст этот вряд ли устареет в обозримом будущем. Вопрос только – будет ли востребован?

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗАКРЫТОСТЬ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Рекомендации экспертов Правозащитного фонда «Комиссия по свободе доступа к информации»

Комиссия по свободе доступа к информации:

- предлагает положить настоящие Рекомендации в основу решений, принимаемых различными органами власти по поводу обеспечения информационной открытости их деятельности;
- призывает использовать эти Рекомендации при разработке информационной политики и при создании, использовании, распространении и сохранении общественно значимой информации.

1. Открытый и беспрепятственный доступ к общественно значимой ин-

³¹ За что. М.: АНО «РИД “Новая газета”», 2007. С. 9-10.

формации является гарантом справедливого управления и свободного общества. Öffentlich значимая информация способствует просвещению народа, стимулирует прогресс и помогает решению стоящих перед нами сложных экономических, научных и социальных проблем.

2. Мы определяем общественно значимую информацию как информацию, которая создается, собирается и/или хранится органами власти всех ветвей и уровней. Мы утверждаем, что общественно значимая информация - это информация, принадлежащая народу, который доверил ее хранение органам власти и имеет право доступа к ней за исключением оговоренных в законе ограничений.

3. Органы власти должны гарантировать полноту и сохранность общественно значимой информации независимо от формы ее хранения. Сохраняя общественно значимую информацию перед лицом меняющегося времени и развивающихся технологий, государственные ведомства гарантируют подотчетность обществу и возможность доступа общественности к информации об их работе.

4. Органы власти должны гарантировать распространение, размножение и перераспределение общественно значимой информации. Любое ограничение распространения или любое другое действие в отношении общественно значимой информации должно быть строго определено законом.

5. Общественность имеет право доступа к общественно значимой информации. Государственные ведомства должны гарантировать открытый, своевременный и беспрепятственный доступ к общественно значимой информации. Гражданам должна быть предоставлена возможность доступа к общественно значимой информации, независимо от формы ее хранения, без специальной подготовки или опыта.

6. Органы власти должны обеспечить широкое разнообразие источников доступа, как частных, так и государственных, к общественно значимой информации. Несмотря на то, что источники доступа могут

видоизменяться со временем и в связи с развитием технологий, государственные ведомства имеют обязательство перед обществом поощрять их разнообразие.

7. Органы власти не должны допускать, чтобы стоимость препятствовала допуску граждан к общественно значимой информации. Стоимость создания, сбора и обработки информации в собственных целях правительства не должна перекладываться на граждан, которые хотят пользоваться общественно значимой информацией.

8. Органы власти должны обеспечить легкий доступ к информации относительно правительственной информации в едином указателе с возможностью доступа к нему в различных регионах. Правительственный указатель общественно значимой информации должен существовать в каждом государственном ведомстве наряду с самими информационными материалами.

9. Органы власти должны гарантировать доступ граждан к общественно значимой информации независимо от места их проживания и работы, через национальные сети и программы типа программы депозитарных библиотек. Государственные ведомства должны периодически пересматривать подобные программы, а также используемые технологии для того, чтобы обеспечить такое положение, при котором доступ к общественно значимой информации оставался бы недорогим и удобным для общественности.

10. Органы власти должны соблюдать конфиденциальность лиц, пользующихся или запрашивающих информацию, а также соблюдать право невмешательства в частную жизнь в отношении лиц, информация о которых имеется в правительственной документации.

11. Мы поддерживаем всеобщее право человека быть полностью информированным, право, которое требует свободного распространения информации и мнений. Мы категорически возражаем против какого бы то ни было посягательства на это основное право. Мы считаем, что ограничения в

отношении распространения новостей и информации противоречат интересам международного понимания, означают нарушение Всеобщей декларации прав человека, Устава ЮНЕСКО и Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и не совместимы с Уставом ООН. Мы утверждаем, что свободный доступ людей и печати ко всем официальным и неофициальным источникам информации должен быть гарантирован и расширен. Отказ в свободе печати означает отказ в свободе личности вообще.

12. Мы считаем, что в любом обществе существование множества независимых средств массовой информации больше всего отвечает его интересам. В тех случаях, когда по какой-то причине в регионе нет большого числа независимых средств массовой информации, существующие информационные каналы должны отражать разные точки зрения.

13. Доступ журналистов к различным источникам новостей и мнений - официальным и неофициальным - не должен подвергаться никаким ограничениям. Этот доступ неотделим от доступа людей к информации. Мы считаем также, что не должно быть никакой цензуры над печатью, какие бы формы произвольного контроля над информацией и общественным мнением она ни принимала. Право людей на доступ к новостям и информации не должно ущемляться. Во всех законах и решениях, относящихся к праву получения информации, в первую очередь необходимо учитывать общественный интерес к получению этой информации.

14. Органы власти обязаны принять соответствующие меры для обеспечения права на получение информации. Эти меры должны предусматривать, чтобы властные структуры в случае отказа от предоставления информации указывали причину в письменном виде в разумно короткое время, а также предоставляли право рассмотрения обоснованности и законности отказа независимым органам, в том числе юридическое рассмотрение в том или ином виде.

15. Каждое ограничение свободы самовыражения или информации

должно быть предписано законом. Закон должен быть общедоступным, определенным, конкретным и ясным, с тем, чтобы позволить каждому отдельному лицу предвидеть, является ли то или иное действие противоправным. Закон должен предусматривать адекватные гарантии против нарушения его требований, в том числе оперативное, полное и эффективное юридическое рассмотрение обоснованности ограничения независимым судом или органом правосудия.

16. Каждый имеет право получать информацию от властных структур, в том числе, информацию, относящуюся к государственной безопасности. Любые ограничения этого права под предлогом национальной безопасности не могут вводиться, если только правительство не продемонстрирует, что такое ограничение предписано законом и необходимо в демократическом обществе для защиты законных интересов национальной безопасности.³²

³² Местное телевидение, власть, население: информационная открытость как основа социального партнерства. М.: Комиссия по свободе доступа к информации, 2001. С. 133-135.

Дискурсивные практики журналистики: в чем опасность информации?

1. Может ли информация быть вредной?

Как определяет В.Н.Лопатин, под информационной безопасностью следует понимать «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере от внутренних и внешних угроз» (Лопатин. Концепция развития законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности РФ (проект). М., 1998).

Информационная безопасность граждан тесно связана с информационным обеспечением основных прав – свободы слова, печати, собраний, вероисповедания.

Предполагается, что существует такая информация, которая может представлять собой угрозу интересам государства, общества, гражданина – ее называют вредной или вредоносной. На наш взгляд, следует уточнить, что чаще всего можно говорить о потенциально вредоносной информации, так как лишь адресат информации может сделать вывод, причинен ли ему вред.

Тем не менее В.Н.Лопатин и вслед за ним ряд других специалистов выделяют несколько разновидностей вредной информации: 1. Возбуждающая социальную, расовую, национальную, религиозную ненависть и вражду; 2. Призывы к войне; 3. Пропаганда ненависти, вражды и превосходства; 4. Распространение порнографии; 5. Посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию; 6. Ненадлежащая реклама; 7. Информация, которая оказывает деструктивное воздействие на психику людей.

Относительно перечисленных видов информации надо сказать, что помимо деструктивно действующей информации, все остальное запрещено законом. Каковы бы ни были проблемы соответствующей правоприменительной практики, эти правовые нормы не являются предметом дискуссий.

Методологически важно отметить, что вред информации для адресата может быть определен только с его точки зрения (См.: Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М., 2002, с. 254). Сложен и вопрос о границах манипулирования адресатом СМИ, о его возможностях сопротивляться попыткам манипулирования. Манипуляция – это не воздействие, а взаимодействие (2. Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М., 2002, с. 252). С.Кара-Мурза также отмечает, что если адресат «усомнился, уперся, защитил свою духовную программу, он жертвой не становится. Манипуляция – это не насилие, а соблазн» (Кара-Мурза С. Манипулирование сознанием. М., 2000, с.22).

В свете сказанного выше еще раз отметим, что единого подхода к проблемам информационной безопасности в сфере СМИ сегодня не существует. Представляется важным обсудить наиболее актуальные проблемы и дискуссионные вопросы, а также то, какие уроки можно из всего этого извлечь для журналистской практики.

Большая часть проблем информационной безопасности лежит вне закономерностей построения дискурса СМИ. Это проблемы экономического, политического, правового характера. Наша задача – рассмотреть проблему информационной безопасности именно в связи с дискурсивными практиками журналистики. В поле нашего внимания – как негативные аспекты влияния СМИ, так и их положительный опыт в этой сфере.

2. Актуальность анализа дискурсивных практик для журналистики.

Внимание к практикам журналистов дает возможность более адекватно оценить взаимосвязь между обликом журналистских текстов и механизмами их порождения, влияние условий и механизмов работы журналиста на то, в каком виде информация доходит до адресата. Здесь видится путь более тесной связи изучения журналистских текстов, в том числе

лингвистического, и нужд практической журналистики, нужд тех, кто находится внутри журналистской профессии.

Определим понятия, в рамках которых собираемся вести разговор.

Дискурс – социально упорядоченный механизм порождения речи, организации коммуникации. Главное здесь – социальная заданность: есть правила общения (создания и передачи смыслов), которые субъект не изобретает. Эти правила объединяются в рамках дискурсивных практик и отличаются стабильностью, в том числе потому, что каждый владеющий практикой воспроизводит ее многократно, а также потому, что практики доступны внешнему наблюдателю, так как оседают, фиксируются в текстах.

Дискурсивная практика

Практики – формы сохранения опыта. Дискурсивные практики – лишь часть многообразных социальных практик.

Дискурсивные практики – это практики порождения смыслов, т.е. они фиксируют не только правила создания завершенного, отдельного текста, но и вообще способы передачи смыслов, актуальных для журналистики, вне зависимости от того, в одном тексте или в серии текстов могут эти смыслы воплощаться. Анализ дискурсивных практик позволяет выявить интертекстуальные, не замкнутые в границах отдельных сообщений закономерности развертывания смыслов.

Определяющей для дискурсивной практики является позиция, которую может и должен занять любой индивид, чтобы быть субъектом данного высказывания или его адресатом. На позиции, сформированной дискурсом, субъекты высказывания могут быть взаимозаменяемы. Важно учитывать, что дискурсивная практика является повторяющейся. Она постоянно воспроизводится различными коммуникантами. Наш анализ сосредоточен на практиках субъекта речи, адресанта, которые выявляются через анализ журналистских текстов.

Методика анализа дискурсивных практик журналистики.

Каждая дискурсивная практика в журналистике нацелена на передачу некоторого смысла. Смысл передается и считывается с помощью системы знаков, за которыми данный смысл закреплён. Любая система значащих единиц имеет правила комбинации и трансформации этих единиц. Знание системы обеспечивает передачу определенных сообщений и моделирует наше восприятие (Лотман Ю. М. *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. М., 1999). Такие системы принято называть кодами. Следы дискурсивных практик в текстах также являются системами порождения и передачи смыслов, их можно анализировать аналогично анализу кодов (см.: Чепкина Э.В. *Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды*. Екатеринбург, 2000). Однако чтобы избежать удвоения терминологии, мы будем в дальнейшем говорить просто о дискурсивной практике, представленной в текстах, не называя следы этой практики кодами.

Чтобы понять механизм передачи смыслов, связанных с той или иной дискурсивной практикой, обратимся к понятию знака в широком смысле, как его трактует семиология. Термином *знак* мы обозначаем совокупность трех составляющих: 1.означающее, 2.означаемое и 3.значение как отношение связи между означающим и означаемым.

Принципиально важно то, что связь означающего и означаемого в основе своей *произвольна*, но в силу закреплённости для каждого участника коммуникации она, как правило, выглядит *обязательной*.

В знаках естественного языка, как правило, означающее обретает значение только в связи с означаемым и вне этой связи оказывается бессмысленным набором звуков или букв. Однако во многих других семиотических системах знаки принципиально отличаются от языковых знаков тем, что у них означающее всегда само по себе уже является полноценным знаком. У такого знака можно говорить о буквальном значении (“прямом”) и о косвенном значении. В этом случае наша схема обретает следующий вид: $\text{знак} = (\text{означающее } 1 + \text{означаемое } 1 + \text{значение } 1) +$

означаемое 2 + значение 2 (Женетт Ж. Изнанка знаков // Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Т.1. М., 1998, с. 195). Например, золотые часы известной торговой марки могут указывать на уровень доходов их владельца и быть знаком его социального статуса (косвенное значение), в то же время часы – это механизм, показывающий время (прямое, буквальное значение). То обстоятельство, что косвенное значение сопутствует прямому, не отменяя это прямое значение, дает возможность такому знаку быть незаметным, воздействовать на адресата скрыто, на бессознательном уровне.

Косвенные значения, развертывающиеся на базе знаков естественного языка, образуют различные системы передачи культурно значимых смыслов, организующие речевое общение. Знаки таких систем, следовательно, тоже имеют два значения: первое — прямое, или буквальное — совпадает с понятийным содержанием лексического значения слова, второе — косвенное — сопутствует первому значению и может быть воспринято только в рамках той или иной коннотативной, дополнительной системы смыслообразования. Так, имя и фамилия человека в современном обществе указывают на конкретную биографическую личность, никак ее дополнительно не характеризую. Точное указание на имя и фамилию героя журналистского текста придают этому тексту качество достоверности, а это важный именно для журналистики дополнительный смысл сообщения.

Набор смыслов, которые несет дискурсивная практика, может быть описан в традиционных терминах семиотики: семантика, синтактика, прагматика.

Семантическая, вертикальная организация знаков дискурсивной практики включает в себя набор символов-означающих, способных нести нужные значения. Так, для указания на достоверность сообщения в журналистике годятся любые точные указания на место и время события, имена людей, участвовавших в событии, и т.д. Для каждой практики, в принципе, можно составить перечень таких знаков. В процессе функционирования дискурсивной практики эти элементы

противопоставляются друг другу в смысловом отношении. Чтобы понять значение элемента, надо включить его в некоторый смысловой ряд, определяющий наборы его синонимов и антонимов (возможна и омонимия знаков), то есть установить отношения сходства и различия с другими элементами (См.: Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994, с. 417 — 430). Функционирование знаков дискурсивной практики допускает и нулевое означающее — значимое отсутствие элемента. Так, отсутствие указания на точное время и место происшествия (*«рассказывают, что прошлой зимой возле Перми несколько раз появлялись НЛО»*) заставляет сомневаться в достоверности такого сообщения, даже если оно опубликовано в прессе.

Набор элементов, которые *потенциально* могут выступить следами дискурсивной практики в тексте, всегда относительно неупорядочен. Это виртуальная структура, как набор слов в словаре: вне конкретного текста слова из словаря не образуют законченных сообщений.

Составить полный, закрытый перечень единиц для какой-либо дискурсивной практики невозможно: “Полностью стабильных, не изменяющихся семиотических структур, видимо, не существует вообще”, — пишет Ю.М.Лотман (Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992, с. 127).

Горизонтальная организация следов дискурсивной практики в текстах — синтактика — включает в себя правила сочетаемости знаков-следов. Синтактические правила могут существенно различаться для разных практик. Так, правила представления событий в журналистике предполагают, что изложены они будут либо в хронологическом порядке, либо так, что реальную хронологию адресат легко восстановит сам. А практики организации идеологических смыслов в журналистике таковы, что отдельные смыслы обычно рассеяны, неупорядочены и образуют смысловое единство только на уровне группы текстов или даже издания в целом. Иногда использование одного-двух знаковых слов в тексте журналиста позволяет адресату безошибочно угадать, на какую идеологию (например, либеральную

или коммунистическую) опирается автор, средство массовой информации в целом – при условии, что адресат хорошо знаком с данной идеологической системой.

Дискурсивная практика имеет также прагматический компонент, определяющий, в каких условиях ее семантические и синтаксические правила применимы. Условия применимости правил определяют, с каким социальным контекстом они связаны. Коммуниканты, владеющие одними и теми же правилами, образуют семиотическое сообщество (Fokkema D. *Literary History, Modernism and Postmodernism*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publ. Comp., 1984). Такое сообщество образуют, например, постоянные зрители и журналистский коллектив одного телевизионного канала.

Обязательно ли понимание смыслов, воплощенных с помощью дискурсивных практик, должно быть основано на предшествующем соглашении между участниками коммуникации? Считается, что коннотативные смыслопорождающие системы обычно укоренены в длительной истории социального поведения, воспринимаются в общем потоке культурного опыта и не нуждаются в предварительных соглашениях, понимать и передавать эти смыслы можно научиться в процессе практики, можно даже транслировать их без понимания значительной части коннотаций, как это происходит при воспроизводстве социальных мифов, стереотипов, ритуалов поведения (Эко У. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. Спб., 1998; Fokkema D. *Literary History, Modernism and Postmodernism*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publ. Comp., 1984). Этими практиками овладевают непосредственно в процессе коммуникации, так же, как учатся в детстве говорить на родном языке.

Смыслы дискурсивных практик журналистики большинство адресатов осваивает практически – в ходе просмотра телепрограмм, чтения газет и т.д., без специального обучения. Однако есть точка зрения, что школьникам необходимо медиаобразование, то есть в рамках получения среднего

образования следует преподавать правила чтения газет и просмотра новостей, чтобы адресат мог противостоять попыткам манипулирования его поведением со стороны СМИ.

Текст как носитель знаков дискурсивных практик.

Текст рассматривается как материализация дискурсивных практик, их продукт. При этом нельзя считать, что все дискурсивные практики нацелены именно на построение текста. Текст – это способ обеспечить членение информации, ее дискретность. Не всякая дискурсивная практика в такой дискретности нуждается – процесс смыслообразования бесконечен. Но текстовая форма со специально выработанными правилами начала текста и его завершения удобна для восприятия именно в качестве дискретной единицы, и эту дискретность передачи смысла обеспечивает отдельная группа дискурсивных практик.

Дискурсивная практика никогда не представлена в отдельном тексте полностью. Следы практики – это чаще всего знаковая система, структурированная по законам, отличным от законов построения завершенной структуры отдельного текста. Тот или иной текст эти структуры лишь частично представляет, отсылая к множеству других текстов.

В каждом журналистском тексте мы можем обнаружить следы многих дискурсивных практик. Если выполнять анализ следов какой-либо отдельной практики в тексте, то для осуществления этой задачи вся текстовая информация, которая является незначимой с точки зрения данной практики, отсеивается.

Поясним, что именно понимается как след дискурсивной практики в тексте. След — знак присутствия и одновременно отсутствия чего-то, оставившего этот след. След “обозначает первоначальное прослеживание и стирание” (Современный философский словарь / Под общ. ред. проф. В.Е.Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск, 1998, с.799). Жак Деррида говорит, “что наилучшая парадигма следа... это не... охотничья дорожка следов, протор

пути, бороздка в песке, любовь к шагу за его отпечаток, но зола...” (Деррида Ж. Зола угасший прах // Искусство кино. 1992. № 8, с. 85 — 86). Зола остается как напоминание о том, чего нет, она — и память, и забвение об огне и о том, что в этом огне сгорело. Знак практики — это всегда след, в котором сама практика осталась и одновременно исчезла.

Для того чтобы показать функционирование следов дискурсивных практик, требуется специальная методика, отличная от традиционных приемов текстового анализа. Обозначим ее основные принципы.

Следы дискурсивных практик могут быть представлены в тексте эксплицитно и имплицитно, на уровне содержательной и композиционной структуры текста и в отборе языковых средств. При этом, помимо анализа в пределах отдельных текстов, необходимо рассматривать и интертекстуальные смыслы, например, связанные с одной тематической линией, фрагментарно, пунктирно представленной в разных текстах журналистского дискурса. На уровне интертекста важны как повторы, совпадения (одни и те же события, персонажи, повторяющиеся концепты), так и разрывы, различия (игнорирование одних событий и персонажей и упоминание других, разные способы концептуализации одного и того же дискурсивного объекта). Именно игра повторов и различий в дискурсе позволяет отчетливее увидеть следы практик формирования смыслов, актуальных для журналистики.

3. Некоторые проблемы информационной безопасности в контексте основных практик журналистского дискурса.

Для классификации основных проблем, которые могут возникнуть для адресата СМИ с точки зрения информационной безопасности, можно оттолкнуться от потребностей, лежащих в основе обращения человека к текстам СМИ: когнитивные (в информации о мире, понимании происходящего); аффективные (эмоциональные и эстетические переживания, потребности в удовольствии); потребности в личностной интеграции

(самоидентификация, стабильность личностного статуса); в социальной интеграции; в уменьшении напряжения (отвлечение, рекреация). (См.: Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М., 2002).

Соответственно в числе проблем возможного дисфункционального воздействия СМИ на аудиторию можно назвать следующие.

Относительно *практик формирования объектов дискурса* – неполное недостоверное, манипулятивное информирование, например, тенденциозный отбор фактов для создания оценочно окрашенного образа политика. Реализация *практик функционирования концептов* может рождать проблемы в социальном ориентировании аудитории – так, фрагментарная подача информации, без установления закономерных, сущностных связей между понятиями и явлениями может разрушать целостную картину мира, мешать ее созданию в сознании аудитории. *Практики формирования ролей коммуникантов* в журналистском дискурсе могут провоцировать негативные аффективные реакции, переживания, увеличение психологической напряженности, по крайней мере, у части аудитории. Так действует, например, трансляция негативного стереотипа неполной семьи на членов таких семей.

3.1. Практики формирования объектов журналистского дискурса (события и персонажи)

Ключевыми для построения текстов дискурса журналистики являются практики достоверности (в связи с этим возникает проблема указания на источник информации, проблема непредвзятого отбора фактов), практики драматизации (преувеличения напряженности социальных противоречий, опасности некоторых общественных явлений). Также важным с точки зрения безопасности является объективное информирование граждан о важных решениях власти разных ветвей и уровней.

Требования к достоверности входят в базовые условия дискурса. А вот правила интерпретации, представления разных мнений гораздо более вариативны.

Отбор и интерпретация событий в СМИ

В России отсутствует, в отличие от Западной Европы, законодательное установление требований обеспечения беспристрастности и сбалансированности, что открывает широкие возможности манипулирования общественным мнением (см.: Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М., 2002, с. 102). Сбалансированность обеспечивается плюрализмом мнений, представленных в СМИ, открытыми дискуссиями по актуальным проблемам.

Недостаток информации, особенно относительно жизненно важных сфер, серьезных вопросов политического, экономического, социального характера – тоже благоприятный фактор для манипуляций.

Еще одна проблема – безопасность в качестве навязчивой идеи, к которой СМИ постоянно возвращают аудиторию. Это и ежедневные сообщения о многочисленных опасностях, и публикация полудостоверной информации, которая способна вызвать панические слухи и подозрения.

Другие дисфункции СМИ в отношении объектов дискурса – сознательное искажение информации, например, снижение разнообразия субкультур через их игнорирование или искаженное представление в журналистских текстах. Показательная иллюстрация – основанная на предубеждениях информация о новых религиозных движениях в большинстве СМИ для широкой аудитории.

Заслуживают особого внимания *практики освещения журналистами некоторых тем: кризисные ситуации, военные конфликты, борьба с терроризмом*. Здесь сталкиваются, во-первых, ценности адекватной и полной информации о кризисе и – соображения безопасности, в том числе необходимость избежать нагнетания драматизма; во-вторых, ценности

конфиденциальности персональных данных, достоинства тех, кто страдает, и – ценности передачи достоверной информации о социально значимой проблеме; в-третьих, право общества знать об опасностях для здоровья и безопасности общества и – так называемые соображения государственной безопасности, требование соблюдать государственную тайну.

Это объективно существующие конфликты, которые несут вызовы, требующие индивидуального, точечного уравнивания в каждом конкретном случае. Здесь важна опора на существующие этические документы, выработанные журналистским сообществом. Так, относительно *репортажей о насилии* выработаны следующие рекомендации:

А) главная задача журналиста – информировать общественность.

Б) принципиально важна адекватность освещения кризиса: причины, контекст событий, последствия.

В) драматизм кризисной ситуации имеет для СМИ существенную коммерческую ценность, но важно при этом не раздувать сенсационность, осторожно употреблять соответствующую лексику и образы.

Г) необходима проверка источников информации: каковы их задачи, источники финансирования, политические и экономические интересы.

Д) необходима аналогичная проверка экспертов. (см.: Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы. М., 2004, с. 404).

Практики отбора и характеристики персонажей.

Существуют практики информирования о персонажах, запрещенные правовыми нормами: диффамация, посягательство на честь, достоинство, деловую репутацию, оскорбление, клевета. Однако есть целый ряд проблем, которые невозможно решать всегда одинаковым образом.

Сложен для журналистики вопрос о защите приватности человеческой жизни (персональные данные, личная тайна). Так, например, с точки зрения социального ориентирования аудитории, обобщения позитивного опыта разных людей журналистам всегда интересны судьбы тех, кто преодолел

тяжелые испытания, не пал духом, сохранил оптимизм. В то же время «люди, которые сумели справиться со своей физической или душевной болезнью, заслуживают того, чтобы в повседневной жизни различные доброжелатели не напоминали им постоянно об этом» (Гарфинкель 2004: 184). Необходимо помнить, что достоинство страдающих людей не должно унижаться неоправданно натуралистичными описаниями (Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы. М., 2004, с. 393). Это же справедливо для фотографий пострадавших с мест военных действий или катастроф.

С проблемой информационной безопасности связаны и некоторые собственно речевые практики описания персонажей, например, проблема расстановки акцентов при выборе номинации, обозначающей конкретного персонажа или какой-то социальной группы (мигранты: чужаки или рабочие-иммигранты; образ бизнеса: предприниматели или богатеи). Следует избегать эмоциональных слов и описаний, в т.ч. слов *террорист*, *экстремист*, *тоталитарная секта*, *деструктивный культ* (о террористах см. - Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы. М., 2004, с. 400).

3.2. Практики формирования и функционирования концептов (идеологические и другие символические смыслы)

Идеология присутствует в СМИ в узком смысле – как публикуемый журналистами набор предлагаемых обществу программных положений государственной власти, какой-либо партии, общественного движения, и в широком смысле – как система бытовых неосознанных воззрений и предпосылок, транслируемых журналистами отчасти сознательно, отчасти неосознанно.

Одна из проблем современной журналистики в том, что консенсус на основе обладания общей истиной больше невозможен: «...притязание на

окончательную истину, свободную от мифов и идеологических шор, само является мифом и идеологическим представлением» (Ваттимо Д. После христианства. СПб., 2007, с. 193). Это еще один аргумент в пользу представления в СМИ разных точек зрения. Ориентация на господство одной, «истинной» точки зрения – утопична.

Проблема социальной ответственности СМИ.

СМИ влияют на степень информированности, гражданскую позицию, жизненные ценности аудитории. На СМИ нередко возлагают ответственность за формирование политических взглядов и верований, пропаганду приемлемых или неприемлемых ценностей и норм поведения. Предполагается, что они задают адресатам категории для оценки событий общественной жизни, выполняют наравне с другими социальными институтами функцию социализации индивидов. Здесь желательным видится формирование рациональных представлений о политике, утверждение ценностей «высокой» культуры в противовес банальным и вульгарным стандартам многих текстов культуры массовой.

В числе проблем возможного дисфункционального воздействия СМИ можно назвать для практик формирования и функционирования концептов – **проблемы в социальном ориентировании аудитории** – практики, которые должны обеспечивать понимание происходящего, влияющее на самоидентификацию и социальную интеграцию адресата. Современные СМИ критикуют за то, что они не формируют целостную картину мира: происходящее вокруг выглядит бессмысленным и непонятным. Это ведет к социальной дезадаптации. Некоторые ученые предупреждают об эпидемии гипофории – потери смысла жизни. Опасно и формирование с помощью СМИ такой модели мира, где доминируют опасности и угрозы, а именно такой предстает реальность в криминальной хронике и вообще публикациях о преступности. Считается, что такая информация в больших количествах

может способствовать формированию агрессивного, неустойчивого, невротизированного типа личности.

СМИ могут распространять негативные социальные стереотипы: коррупция – это нормально, взятка следователю – хороший способ спасти напрасно обвиненного или просто хорошего человека. Сегодня в СМИ распространена циничная интерпретация разнообразных человеческих поступков исключительно мотивами выгоды, расчета, корысти, что также деформирует картину мира аудитории. Деструктивное влияние оказывает и разъяснение «неизбежности» (заданности якобы национальными корнями, традициями) «незаконопослушного образа жизни, повседневного и повсеместного нарушения законов» (Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М., 2002, с. 71). Обыденность преступности, как это часто следует из сообщений СМИ, работает на укрепление этого стереотипа. Романтизация насилия – также один из негативных стереотипов, транслируемых сегодня в СМИ: агрессивное поведение мужчин на экране, как правило, носит героический характер (См.: Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М., 2002, с. 195).

Здесь важно укрепление правосознания и гражданской ответственности самих журналистов.

3.3. Практики формирования ролей коммуникантов

В целом адресат не ждет от СМИ переворота картины мира. Журналистские сообщения обрабатываются в основном с использованием стереотипных представлений о мире, а запоминание информации происходит в интерпретативном ключе с использованием привычных категорий и логических схем мышления. СМИ предлагают обществу готовые ценностно-смысловые и поведенческие модели, в том числе образцы идентификации

«своего» сообщества. Аудитории предоставляют модели поведения, и посредством их наблюдения возможно научение некоторым способам разрешения конкретных жизненных коллизий. Благодаря ток-шоу и реалити-шоу «человек может выработать у себя новое качество – гибкость ролевой позиции личности» (Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М., 2002, с. 143).

Однако у этого процесса есть и обратная сторона: провоцирование негативных аффективных реакций – увеличение психологической напряженности, поощрение пассивности и конформизма, когда ролевая позиция телезрителя – «коллекционирование разного рода впечатлений» (там же).

Для развития личности большую роль играет диалогическое общение. Поэтому разные формы дискуссий, диалогов в СМИ – важный фактор формирования навыков самостоятельного мышления у аудитории. Известно, что противоречивая информация создает когнитивный диссонанс, его преодоление требует усилий, это и развивает навыки самостоятельного мышления, умения делать выбор из нескольких вариантов. Важно мотивировать молодых людей «на принятие осознанных решений по собственному выбору» (Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М., 2002, с. 10).

Важна и проблема защиты аудитории от манипуляций, от проявлений речевой агрессии (нарушение норм политкорректности, этническая и религиозная интолерантность). «СМИ воспринимаются российским обществом, в особенности политической элитой, как инструмент манипулирования электоратом, как средство формирования необходимого для политической и финансовой элит общественного мнения. Это вызывает у российской аудитории, привыкшей верить СМИ, противоречивые чувства –

от возмущения и протеста до растерянности, от политической апатии до полного отказа от пользования СМИ» (там же, с. 12)

Впрочем, напомним еще раз, что не стоит преувеличивать манипулятивные возможности СМИ. Исследования С.Холла и других социологов Бирмингемской социологической школы показали, что аудитория может сопротивляться и сопротивляется манипулятивным технологиям в средствах массовой информации. Вплоть до отказа от информации, поставляемой СМИ.

**Проблема информационной безопасности в прецедентном праве
Европейского суда по правам человека
(лингво-правовой аспект).**

Развитие информационной индустрии, ее неоднозначное воздействие на жизнь общества привели к необходимости определить отношения между государством, гражданином и средствами массовой информации, так как информационные технологии, с одной стороны, открывают блестящие перспективы развития общества, но с другой стороны, могут обострить социальные противоречия. Избежать появления новых сфер конфронтации позволит решение проблемы информационной безопасности: разработка ее теоретических и практических основ; юридического фундамента; структуры; определение внеязыкового и языкового обозначения. Наша задача – рассмотреть данную проблему на основе взаимовлияния международной правовой базы информационной безопасности и журналистского дискурса.

Государства, имеющие развитую правовую базу и стремящиеся обеспечить безопасность информационных инфраструктур, столкнулись с феноменом «глобальной взаимозависимости национальных информационных пространств и вынуждены были признать, что успех их национальных усилий по охране своего информационного ресурса будет, в конечном счете, зависеть от уровня защищенности и «неагрессивности» информационных пространств других, и не обязательно соседних, государств, а всех тех, с которыми их информационные ресурсы объективно связаны» (Поляков Ю.А. Информационная безопасность и средства массовой информации. М., 2004, с.15). Таким образом, проблема информационной безопасности не имеет территориальных границ, ее решение требует объединения усилий мирового сообщества. Одним из путей решения проблемы является унификация законодательства.

4 ноября 1950г. в Риме государствами-членами Совета Европы была подписана Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция), которая вступила в силу 3 сентября

1953г. Европейскую конвенцию ратифицировали 40 государств-членов Совета Европы. Одной из основных свобод определена свобода массовой информации. Информационное правоотношение между гражданином, государством и СМИ регулирует статья 10 Европейской конвенции.

Данная статья посвящена свободе самовыражения и информации, в ней провозглашаются не только обеспечение прав и свобод гражданина в информационной сфере, но и ограничения в их осуществлении:

«1. Каждый имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Эта статья не препятствует государствам вводить лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступности, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Таким образом, статья 10 гарантирует свободу выражения мнения и свободу информации без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ; является «основой как для деятельности СМИ, так и для формирования и функционирования права массовой информации в Европе, причем не только в рамках Совета Европы, но и в европейском Союзе, а также непосредственно в государствах-членах этих международных образований» (Брагина А. Самый гуманный в Европе? // Законодательство и практика масс-медиа, 1996, №5, с.15).

В первом пункте статьи 10 определены основные гарантии и меры защиты права на выражение мнения (в сферу защиты статьи 10 включаются практически все выражения мнения независимо от их содержания). Однако эти права не являются абсолютными (пункт 2). Осуществление прав может войти в противоречие с другими интересами, которые выражены в форме фундаментальных прав, гарантированных согласно иным положениям Европейской конвенции, или в форме законных прав, признанных в договаривающихся государствах. Чтобы определить правомерность любых ограничений, наложенных на свободу самовыражения или информации, необходимо установить, что такое ограничение соответствует трем условиям: «предписано законом», преследует «правомерную цель», является «необходимым в демократическом обществе» для достижения такой цели.

Правоохранительным органом в рамках Европейского союза, призванным обеспечивать соблюдение и исполнение государствами-участниками норм Европейской конвенции, является Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский Суд, Суд). Европейский Суд был сформирован в 1959г. в соответствии с Европейской конвенцией. В ЕСПЧ может обратиться частное лицо, группа лиц, неправительственная организация, если были нарушены их права, перечисленные в Европейской конвенции. При этом должно быть соблюдено следующее условие: пострадавшие использовали все возможности для защиты нарушенного права, предоставленные судебной системой их государства, в том числе обращение в высший судебный орган. Правовая система Европейского Суда является *living system* («живой системой»), так как она основана на прецедентах и изменяется с принятием каждого нового решения.

Свобода самовыражения и информации, согласно Европейской конвенции, не абсолютна. Государство может вмешиваться в осуществление этой свободы независимо от средства, при помощи которого выражаются мнение, информация или идеи, но только с ограничениями, установленными во втором параграфе статьи 10.

ЕСПЧ постановил, что свобода прессы требует определенной защиты, чтобы обеспечить средствам массовой информации возможность «играть жизненно важную роль «общественного стража» и «распространять представляющую общественный интерес информацию». Те страны, в которых свобода выражения мнения защищена конституцией, провозглашают специальную защиту СМИ. В Германии и Испании считается, что представители СМИ обладают большими, чем кто-либо, правами собирать и распространять информацию. Эти права являются следствием особой роли СМИ в формировании общественного мнения и служении общественным интересам. В некоторых странах (Нидерланды, Швеция, Франция, Германия) на правительство возложена обязанность поддерживать свободу печати и плюрализм мнений (в дополнение к традиционной обязанности воздерживаться от вмешательства).

К правовым методам обеспечения информационной безопасности относится разработка положений, регламентирующих отношения в информационной сфере. В результате рассмотрения конкретных дел Европейский Суд разработал ряд принципов, которыми он последовательно руководствуется при принятии решений.

Свобода выражения мнения – необходимое условие существования демократического общества. ЕСПЧ определил, что свобода выражения мнения представляет собой одну из несущих опор демократического общества и одно из основополагающих условий прогресса общества в целом и самореализации каждого его члена. В Европейском Суде было рассмотрено обращение гражданина по поводу запрета заниматься издательской деятельностью за то, что ранее он опубликовал справочное издание для школьников, содержащее советы по вопросам, запрещенным законом. Суд констатировал, что государство действовало в пределах предоставленной ему свободы усмотрения, ссылаясь на положение о защите нравственности, но заявил, что «свобода выражения своего мнения представляет собой одну из основных опор демократического общества, представляя собой одно из

главных условий его прогресса и самореализации каждого из его членов...она применима не только к «информации» или «идеям», которые встречают благожелательный прием или рассматриваются как безобидные или безразличные, но также и к таким, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство государству или части населения. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества» (Handyside v. United Kingdom, 1976г.).

СМИ – средство реализации целей демократического общества. Долг прессы, по мнению Европейского Суда, состоит в том, чтобы сообщать – любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес. Кроме того, ЕСПЧ отдает себе отчет в том, что «журналистская свобода включает также возможность прибегнуть к некоторой степени преувеличения или даже провокации» (Судебная практика Европейского Суда по правам человека по статье 10 Европейской Конвенции. СПб., Т.3, 2004, с.299). Эта важнейшая роль характеризует не только права СМИ, но и право общества получать информацию и идеи, распространяемые СМИ.

Суд установил высокий уровень защиты печати, исходя при этом из того, что общественные интересы будут обеспечены наилучшим образом в том случае, если население будет иметь доступ к максимально большому объему информации. Так, в деле «Лингенс против Австрии» главный редактор журнала опубликовал две статьи, в которых содержалась критика австрийского канцлера Крайского и ставилось под сомнение то, что он подходит для осуществления политических функций. Канцлер возбудил два гражданских иска и в обоих случаях выиграл. Редактор же утверждал, что решения австрийских судов ущемляют его право на свободу выражения мнения. Европейский Суд согласился с этим и отметил, что «свобода печати...предоставляет публике одно из лучших средств узнавать и оценивать идеи и действия политических руководителей. В более широком

смысле, свободное проведение политических обсуждений является основой концепции демократического общества, которое занимает главенствующее место во всей Конвенции» (Lingens v. Austria, 1986г.).

Обязательство поощрять право на свободу СМИ требует от правительства создать такую правовую, организационную и экономическую среду, которая является оптимальной для деятельности средств информации. Как отметил ЕСПЧ, «государство является верховным гарантом» принципа плюрализма, который необходим для успешного выполнения общественных задач, стоящими перед СМИ.

Принципы пропорциональности и эффективности. Принцип пропорциональности означает, что каждая формальность, условие, ограничение или штрафная санкция должны быть пропорциональны преследуемой цели. Пропорциональность подразумевает, что достижение целей, указанных во второй части статьи 10, должно быть важнее защиты той ценности, которую представляет собой открытое обсуждение вопросов, представляющих общественный интерес. Например, приговор к двум годам тюремного заключения за два памфлета, распространение которых среди солдат явилось нарушением Закона о подстрекательстве к розни, был признан пропорциональной санкцией. Присуждение суммы возмещения ущерба в полтора миллиона фунтов стерлингов за выдвижение серьезных, однако не подтвердившихся, обвинений (историк написал памфлет, в котором обвинял директора колледжа в военных преступлениях) было признано непропорциональным. При этом Комиссия установила, что указанная сумма в три раза превышает размер самой высокой суммы возмещения ущерба из когда-либо назначавшихся к выплате судом в Великобритании (Tolstoy Miloslavsky v. United Kingdom, 1995г.).

ЕСПЧ учитывает эффективность конкретных принятых государственными органами мер. В деле «Обсервер и Гардиан» Европейский суд принял во внимание, что с 30 июля 1987 года ситуация с запретом определенной секретной информации в Великобритании изменилась, так как

к тому времени информация была опубликована в книге П.Райта «Ловец шпионов». С этого момента информация перестала быть конфиденциальной, она стала доступна из другого источника, причем британское правительство не пыталось запретить ее импортирование. Конфискация и последующее уничтожение тиража еженедельника не явились эффективными мерами предотвращения дальнейшего распространения, предпринятыми в интересах национальной безопасности, потому что информация уже стала доступной из других публикаций, причем сделанных без препятствий со стороны государственных органов (Observer/Guardian, 1991г.).

В деле «Вебер против Швейцарии» журналист и активист движения по защите окружающей среды были осуждены и приговорены к наказанию за то, что на пресс-конференции нарушили конфиденциальность судебного расследования. Хотя ЕСПЧ согласился с тем, что наказание являлось «предусмотренным законом» и что обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия является законной целью в соответствии с пунктом 2 статьи 10, тем не менее Европейский Суд усмотрел нарушение статьи 10 в том, что заявитель сообщил факты, которые уже были оглашены на момент проведения пресс-конференции. Суд постановил, что в силу этого швейцарское правительство не может утверждать, что заявитель пытался оказать давление на судебного следователя, а также постановил, что вмешательство в свободу выражения мнения данного лица не могло быть признано «необходимым в демократическом обществе».

Принцип равновесия. Суть данного принципа заключается в том, что необходимо устанавливать равновесие между заинтересованностью прессы в распространении информации и заинтересованностью государства в ограничении доступа граждан к информации. Как утверждает Ю.А.Поляков, анализ зарубежного законодательства показывает, что оно развивается по двум путям. С одной стороны, многие законодательные акты, международные правовые документы утверждают снятие либо сокращение ограничений на информационную деятельность, поощрение конкуренции,

создание условий, направленных на бóльшую свободу в работе СМИ и журналистов, развитие информационной индустрии. С другой стороны, эти свободы и открывающиеся возможности необходимо соотносить с интересами общества и государства. А это предполагает введение ограничения на содержание и направленность чьей-то информационной деятельности, защиту прав на неприкосновенность личной жизни, интеллектуальной собственности, защиту не подлежащей оглашению информации, коммерческой тайны, государственных секретов, запрет на информацию или информационную деятельность, направленные на подрыв жизни общества и государства (Поляков Ю.А. Информационная безопасность и средства массовой информации. М., 2004, с.19).

Показательным в плане реализации принципа равновесия является дело «Санди Таймс против Великобритании». В нем речь идет о подготовке к печати репортажа, в котором рассказывалось о методах научных исследований и экспериментов фармацевтической компании с болеутоляющим средством «Талидомид». До момента публикации распространилось мнение, что много детей рождалось с врожденными дефектами, поскольку матери во время беременности принимали это лекарство. Получив сигнальный экземпляр газеты со статьей, компания в судебном порядке потребовала запрета на публикацию. Публикация была запрещена. Европейский Суд постановил, что запрет представляет собой вмешательство в осуществление газетой своей функции – распространять информацию и идеи, представляющие общественный интерес, и свободно выражать свое мнение. Британское правительство не смогло обосновать то, что выполнение запрета на публикацию соответствовало «наущной общественной необходимости», «соответствовало законно преследуемой цели» или что основания, указанные органами государственной власти, были «соответствующими и достаточными по пункту 2 статьи 10». ЕСПЧ постановил, что «поскольку средства массовой информации не должны преступать границы, установленные в интересах должного осуществления

правосудия, они несут ответственность за распространение информации и идей в отношении вопросов, которые рассматриваются в судах, причем в той же мере, как и в отношении других областей, вызывающих общественный интерес. Таким образом, перед средствами массовой информации стоит задача распространять такую информацию и идеи. У общественности же есть право на то, чтобы их получать» (Sunday Times v. UK, 1979г.). Европейский Суд указал, что семьи, ставшие жертвами трагедии с «Талидомидом», были жизненно заинтересованы в том, чтобы знать о связанных с этим фактах и возможных решениях.

Как показывает практика ЕСПЧ, средствам массовой информации предоставляется сильная защита, если публикуемая информация касается деятельности органов государственной власти и управления. Например, в деле «Коломбани и другие против Франции» редактор и журналист национальной газеты опубликовали статью с выдержками из конфиденциального отчета Европейскому Союзу о производстве и торговле наркотиков в Марокко. Статья ставила под сомнение желание марокканских властей, главным образом короля, прекратить торговлю наркотиками в этом государстве. Король направил французскому министру иностранных дел официальное требование об уголовном преследовании издания, и заявители были признаны виновными в нанесении оскорблений главе иностранного государства. Европейский Суд считает, что «...придать главам государства привилегированный статус, ограждая их от критики только ввиду их положения или статуса, не обращая внимания на то, обоснована критика или нет...означает предоставление главам иностранных государств чрезмерной привилегии, которая несовместима с практикой и современными политическими концепциями...» (Colombani and others v. France, 2002г.).

Ограничения или санкции, налагаемые органами власти, могут быть оправданы, если высказанное по ходу еще не оконченного уголовного процесса мнение содержит жесткую критику правосудия или существует вероятность того, что репортаж о судебном процессе повлияет на мнение

присяжных. Признаются недопустимыми публикации мнений богохульственного характера, оскорбительных для религиозных чувств человека; в демократическом обществе необходимо ограничение нацистской и фашистской пропаганды, антисемитских высказываний; выражение антидемократических, расистских мнений не защищено статьей 10.

Согласно пункту 2 статьи 10, «обязанности и ответственность», которыми сопровождается осуществление права на свободу выражения мнения сотрудниками редакций СМИ, обретают особое значение в напряженных и конфликтных ситуациях. Особую осторожность следует соблюдать при публикации мнений, которые содержат подстрекательство к насилию, направленному против государства, с тем, чтобы СМИ не стали средством для разжигания розни, нетерпимости, пропаганды насилия. В то же время, если подобные взгляды не подпадают под указанные категории, договаривающиеся государства не могут, под видом защиты территориальной целостности или национальной безопасности, или предотвращения преступлений или беспорядков, ограничивать право общественности быть информированной об этих взглядах путем возложения уголовно-правового бремени на СМИ (*Erdogdu and Ince v. Turkey*, 1999г.). В деле «Сенер против Турции» ЕСПЧ анализировал содержание статьи, написанной представителем интеллигенции, который выразил свои взгляды на курдскую проблему в Турции. В оспариваемой публикации остро критиковалась политика правительства и действия государственных сил безопасности в отношении населения курдского происхождения. Автор призывал применить мирные методы для возможного урегулирования курдской проблемы, вместо обращения к военным действиям. Он выражал свое неодобрение всем проявлениям шовинизма, в том числе шовинизму по отношению как к курдам, так и к туркам. Европейский Суд обращает внимание на то, что статья в целом не восхваляет насилие, не подстрекает людей ни к ненависти, ни к мести или взаимным обвинениям, ни к вооруженному сопротивлению. ЕСПЧ далее отметил, что редактор был

признан виновным не в подстрекательстве к ненависти или вооруженному сопротивлению, а в сепаратистской пропаганде, поскольку в статье говорилось об определенном регионе Турции как «Курдистане» и утверждалось, что население курдского происхождения, проживающее в этом регионе, подвергается притеснениям. В этом отношении Европейский Суд полагает, что власти страны в данном случае не придали достаточного значения праву общества быть информированным о различных перспективах ситуации на юго-востоке Турции, вне зависимости от того, насколько горькими эти перспективы могут быть для них (*Sener v. Turkey*, 2000г.).

ЕСПЧ приходится решать вопрос о наличии или отсутствии дисфункционального воздействия СМИ на читателей, учитывая разные стороны организации журналистского текста. В зависимости от того, какая дискурсивная практика связана с объектом судебного разбирательства, можно говорить о конкретных случаях решения проблемы информационной безопасности. Одной из актуальных практик, анализируемых в Европейском Суде, является практика формирования объектов журналистского дискурса. «Выбор и описание объекта, которому придается статус события или персонажа журналистского текста, и есть «конструирование действительности»... «Действительность» в журналистском дискурсе – это результат сложившихся практик означивания» (Чепкина Э.В. *Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000)*, Екатеринбург, 2000, с. 104). Как только появляются сомнения в достоверности и объективности сообщения, становятся расплывчатыми хронологические и смысловые границы текста, возникают проблемы с характеристикой персонажа, можно говорить о появлении проблемы информационной безопасности в контексте практики формирования объектов журналистского дискурса. Способы решения данной проблемы Европейским Судом представлены в делах о диффамации - «распространении порочащих, но не обязательно лживых сведений» (Рихтер А.Г. *Правовые основы журналистики*. М., 2002, с. 332).

В деле «Лингенс против Австрии» журналист и редактор венского журнала «Профиль» г-н Лингенс опубликовал две статьи, в которых обсуждалось участие австрийцев в преступлениях, совершенных во время Второй Мировой войны. Публикации появились после всеобщих выборов. Автор резко критиковал покидающего свой пост канцлера г-на Крайского за защиту бывших нацистов. Австрийские суды сосредоточились, прежде всего, на выяснении вопроса, являются ли те выражения в адрес Крайского, которые ставятся в вину г-ну Лингенсу, объективно диффамационными. Было определено, что некоторые из использованных выражений и в самом деле носят порочащий характер: «низкопробный оппортунизм», «аморальный», «недостойный» (Ср.: «Если бы они (критические нападки. – О.К.) прозвучали из уст кого-либо еще, их можно было бы назвать низкопробным оппортунизмом»; «В действительности, поведение г-на Крайского нельзя критиковать с рациональных позиций. Его можно осуждать только с иррациональной точки зрения: оно аморально и недостойно» (Lingens v. Austria, 1986г.)). Таким образом, в рассматриваемых статьях постоянно действующее лицо текстов СМИ, которым является федеральный канцлер Крайский, предстает как человек, недостойный заниматься политикой в Австрии. Более того, коннотативные смыслы, связанные с характеристиками поведения г-на Крайского, вводят в текст символические значения более общего плана: Австрия, породившая Гитлера, Эйхманна и множество других военных преступников, так и не смогла примириться со своим прошлым - она его просто игнорирует. Это рискованная политика, которая может привести к тому, что страна окажется в руках нового фашистского движения. Во втором тексте встречается обращение к дискурсивной практике разделения разума и неразумного, безумного в речи и с ее помощью: «В действительности, поведение г-на Крайского нельзя критиковать с рациональных позиций. Его можно осуждать только с иррациональной точки зрения...» (Lingens v. Austria, 1986г.). Как отмечает Э.В. Чепкина, «безумие – популярная в современных российских СМИ

метафора для оценки положения дел в политике, экономике, жизни государства в целом» (Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000), Екатеринбург, 2000, с. 66). То же можно сказать и о зарубежных СМИ: австрийский журналист переносит безумное, иррациональное в поступках канцлера на состояние всего общества («много людей «уже» смогло закрыть глаза на существование гор трупов (жертв нацизма – О.К.)» (Lingens v. Austria, 1986г.)). В своей жалобе в Европейский Суд Лингенс утверждал, что замечания, о которых идет речь, представляли собой оценочные суждения, сделанные им в осуществление права на свободу выражения мнения. ЕСПЧ разделил эту точку зрения. В решение по делу «Лингенс против Австрии» Суд сказал, что «следует проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддается доказыванию... В отношении оценочных суждений выполнить это требование невозможно, и оно нарушает саму свободу выражения мнений, которая является основополагающей частью права, гарантированного статьей 10 Конвенции» (Lingens v. Austria, 1986г.).

Анализируя американскую судебную практику, А.Г. Рихтер выделяет следующие критерии отделения мнения от факта: стиль статьи (использование в журналистском материале точного языка или туманных выражений и напыщенного слога: если материал состоит из точных выражений, которые говорят о конкретных вещах, статью можно охарактеризовать как содержащую факты; если же автор изъясняется напыщенным языком или прибегает к туманным выражениям, то, скорее всего, в статье подается субъективное мнение); проверяемость (факт соответствует истине, мнение характеризуется по принципу «справедливое или несправедливое»); критерий контекста (выяснение того, в какой части издания помещена статья); понимание читателем того, что в материале использованы художественно-изобразительные средства речи, присущие

выражению мнения, а не факта; наличие политических обвинений, которые квалифицируются как выражение мнения; «нейтральность репортажа» (в статье журналист не высказывает свою точку зрения, не проводит собственного расследования и не становится на чью-либо сторону) (Рихтер А.Г. Правовые основы журналистики. М., 2002, с.277-278).

В деле «Дичанд и другие против Австрии» заявители опубликовали статью, в которой утверждалось, что национальный политический деятель, занимавшийся юридической практикой, выступил в парламенте с законодательным предложением, целью которого была достижение личной выгоды для его частной клиентуры. В статье говорилось, что адвокат «не намеривается подчиняться нравственным принципам», его взгляды названы «недостойными уважения», а сам политик – «явно толстокожим». ЕСПЧ заключил, что утверждение в публикации является оценочным суждением, а не утверждением о факте, соответственно, от заявителей нельзя было требовать доказательства истинности подобных заявлений для возможности опубликовать их. Европейский Суд обратил внимание на то, что критерий, примененный национальным судом, в соответствии с которым заявители должны были доказать, что предложенная политиком-юристом поправка к Акту об исполнении решений отвечала исключительно интересам клиентов адвоката, наложил «чрезмерное бремя» на заявителей. В отношении резкости утверждений, высказанных авторами статьи, Европейский Суд отметил: «Действительно, на слабом фактическом основании заявители опубликовали статью, в которой содержалась резкая критика с использованием крепких выражений и полемичного языка. Однако следует помнить, что статья 10 защищает также информацию и идеи, которые оскорбляют, шокируют или беспокоят» (Dichand and others v. Austria 2002г.).

ЕСПЧ проявляет более высокую степень терпимости в отношении «сильных выражений», если они высказываются в адрес политиков, правительства или органов власти. Пресса играет важную роль в тщательном рассмотрении действий политических деятелей, которые благодаря своей

роли в обществе должны выдерживать более сильную критику, чем обычный человек.

Автор высказывания, которое выражено в грубой и оскорбительной форме, должен нести определенную ответственность. Но такая ответственность не должна наступать в зависимости от того, в состоянии ли лицо, использовавшее такие выражения, доказать справедливость своего мнения, и степень оскорбительности слов должна оцениваться с учетом всех обстоятельств дела. В деле «Обершлик против Австрии» г-н Обершлик был признан виновным в нанесении оскорбления австрийскому политическому деятелю г-ну Хайдеру, которого он назвал «идиотом», употребив это слово в заголовке («P.S.: «Идиот» вместо «Нацист») и в тексте статьи, напечатанной в журнале. Региональный суд счел слово само по себе оскорбительным, поэтому лишь его использования было достаточно, чтобы счесть привлечение к уголовной ответственности оправданным. Апелляционный суд Вены выразил мнение, что для нанесения оскорбления достаточно было того, что это слово появилось в заголовке статьи, поскольку читатели, не знакомые ни со статьей, ни с выступлением г-на Хайдера, станут ассоциировать это слово не с выступлением политика, а с его персоной. ЕСПЧ не принял эту точку зрения. Он обратил внимание на то, что судебные решения должны рассматриваться в свете всего дела в целом: Европейский Суд интересовали само выступление г-на Хайдера, которое носило провокационный характер (политик заявил, что пользоваться свободой мнения могут лишь те, кто рисковал своей жизнью во Второй Мировой войне), статья и комментарий г-на Обершлика, в которых он объяснил, почему высказывания г-на Хайдера натолкнули его на использование слова «идиот». Суд решил, что журнальная статья и слово «идиот» «были частью политической дискуссии, вызванной речью г-на Хайдера, и сводились к выражению определенного мнения, правдивость которого не требует доказательств» (Oberchlick v. Austria, 1997г.).

Европейский Суд указал, что касается «спорного тона статьи, который Суд не одобряет, то следует напомнить, что статья 10 предусматривает защиту не только содержания идей и информации, но и способа их передачи» (*Oberchlick v. Austria*, 1997г.). Таким образом, ЕСПЧ распространяет защиту свободы выражения мнения не только на содержание, но и на форму высказывания.

Европейский Суд учитывает, была ли у оскорбительных утверждений фактическая основа, которая, однако, может быть относительной. В соответствии с решением по делу «Торгер Торгерсон против Исландии» оскорбительные заявления могут быть основаны на «историях» или «слухах», если их источники достаточно многочисленны, а сами они настолько единообразны, что можно им доверять (*Thorgeir Thorgeirson v. Iceland*, 1992г.).

С проблемами достоверности информации и декодирования сообщений адресатом Европейские судьи могут столкнуться уже на уровне заголовка. Показательным является дело «Гавенда против Польши», в котором ставятся вопросы истинности передаваемой информации и верного считывания данной информации читателями. Так, польские суды отклонили требование Й.Гавенды о регистрации двух периодических изданий, которые он намеревался издавать. Национальный суд посчитал, что название периодического издания должно соответствовать его содержанию. Предложенное заявителем название «Общественно-политический Ежемесячник – Европейский Моральный Суд» подразумевало бы, что в городе Кети находится некое учреждение европейского масштаба, что не соответствует действительности, таким образом, название ввело бы в заблуждение предполагаемых покупателей. Данное название было бы неадекватным по отношению к фактической важности этого периодического издания и его читателям, так как едва ли возможно предположить, что периодическое издание общеевропейского масштаба могло издаваться в Кети. Заявителю было предложено изменить название, убрав выражение

«Европейский Моральный Суд», но он отказался это сделать. Несколько месяцев спустя польский суд вновь отклонил просьбу заявителя о регистрации периодического издания «Германия – тысячелетний враг Польши». Суд посчитал, что регистрация издания с предложенным названием будет пагубной для урегулирования польско-немецких отношений и хороших международных отношений в целом. Апелляционный суд посчитал, что это название не будет соответствовать действительности, и, таким образом, даст искаженную картину соответствующих фактов.

ЕСПЧ решил, что польские суды допустили ошибку, истолковав норму национального законодательства так, что закон дает им полномочия отказывать в регистрации печатных изданий в том случае, когда название не удовлетворяет критерию достоверности: «...требовать, чтобы в названии журнала была воплощена правдивая информация...недопустимо с точки зрения свободы печати. Название периодических изданий – не утверждение как таковое, поскольку, по существу, его функция – идентифицировать данное периодическое издание на рынке прессы для его фактических и предполагаемых читателей» (Gaweda v. Poland, 2002г.).

Об информационной безопасности государства в лице национальных судов говорят тогда, когда в журналистских текстах начинают усматривать социальное дезориентирование аудитории, которое может привести к необратимым последствиям самоидентификации как отдельной личности, так и общества в целом. Например, в деле «Коломбани и другие против Франции» национальный суд определил в действиях журналистов «Le Monde» отсутствие установки на формирование истины, что подрывало межгосударственные отношения и дезориентировало читателей. Предысторией события является обращение государства Марокко с заявлением о принятии его в Европейское Сообщество. Чтобы оценить кандидатуру, Европейской Комиссии понадобилась полная информация о производстве марихуаны в этом государстве и о мерах по борьбе с этим злом. По данному делу Геополитическая обсерватория наркотиков передала свой

отчет Комиссии в феврале 1994 года. Чтобы более эффективно использовать документ на переговорах, проводимых с марокканскими властями, Комиссия попросила у Геополитической обсерватории наркотиков составить новую версию отчета, изъяв из текста имена торговцев наркотиками. Первоначальная версия оставалась конфиденциальной. Оригинальный отчет «Le Mond» осветила осенью 1995 года. В своих статьях «Le Mond» продемонстрировала парадоксальную логику развития событий: в 1992 году королевское правительство объявило разрекламированную «войну наркотикам», а к 1994 году Марокко стало основным экспортером гашиша в мире и ведущим его поставщиком на европейский рынок. Журналисты сделали вывод: коррумпированные чиновники обеспечивают поддержку и защиту торговой сети наркотиков. На уровне макротекста анализируемая информация является центральным событием: короткая статья была напечатана на первой полосе под названием «Марокко – ведущий мировой экспортер гашиша» и подводила итог выводам из отчета Геополитической обсерватории наркотиков. На второй полосе была опубликована развернутая статья под названием «Конфиденциальный отчет обвиняет марокканскую власть в торговле гашишем». Заголовки публикаций и подзаголовков ко второй статье («Согласно этому документу, заказанному Европейским союзом у Геополитической обсерватории наркотиков, Марокко является основным мировым экспортером и ведущим поставщиком гашиша на европейский рынок. Этот документ указывает на прямую ответственность королевского двора за участие в этом прибыльном бизнесе» (Colombani and others v. France, 2002г.)), в частности слова «конфиденциальный отчет», «обвиняет», «согласно этому документу», «Марокко является» передают модальность достоверности. Объективность информации подчеркивается стилем изложения: безоценочное изложение фактов, отсутствие субъективных комментариев и экспрессивной лексики.

Парижский Апелляционный суд признал журналистов виновными в нанесении оскорбления главе иностранного государства. Как отметил суд,

поскольку журналист не предпринял «попытки проверить точность комментариев Геополитической обсерватории наркотиков», поскольку он односторонне придерживался версии этой организации, «делая себя официальным представителем позиции, содержащей серьезные обвинения», не позволив выразить ни малейшего сомнения в серьезности этого информационного источника, - все эти обстоятельства представляют собой злоупотребление доверием читателей. Кроме того, Апелляционный суд подчеркнул, что журналист не попытался проверить, оставались ли осенью 1995 года результаты исследований, проведенных в 1994 году, по-прежнему актуальными.

Европейский Суд не согласился с тем, что журналисты должны были проверять факты, изложенные в отчете Европейской Комиссии. «...Пресса в норме должна иметь право, в ситуациях, когда она вносит свой вклад в общественную дискуссию по вопросам, представляющим законный интерес, полагаться на содержание официальных отчетов, не предпринимая независимых расследований. В противном случае, печать не будет в состоянии выполнять необходимую роль «сторожевого пса»» (Colombani and others v. France, 2002г.). Важно, чтобы СМИ не опасались уголовных и других санкций и вследствие этого не воздерживались от передачи мнений по вопросам общественного значения.

Практики формирования объектов журналистского дискурса всегда тесно связаны с идеологическими позициями органов СМИ и отдельных журналистов, так как «...события, персонажи – служат означающими для идеологических коннотаций» (Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000), Екатеринбург, 2000, с. 186). Собственная идеология создается и государством, которое «может взять на себя роль катализатора происходящих перемен, координатора действий различных субъектов общества, сформировать такую экономическую, правовую и нормативную базу, которая направит их в русло, благоприятное для развития общества и личности» (Поляков Ю.А.

Информационная безопасность и средства массовой информации. М., 2004, с.5). Когда в журналистских текстах появляются сигналы критики в адрес государства, отдельных его структур и чиновников, указания на отступления государственной практики от декларируемых целей и принципов, государство в лице национальных судов нередко поднимает вопрос об информационной безопасности. В ответ на обвинения местных властей Европейский Суд по делам «Обершлик против Австрии», «Лингенс против Австрии» признал, что свобода прессы есть лучшее средство формирования общественного мнения о личности и поведении политических лидеров; по делу «Торгер Торгерсон против Исландии» ЕСПЧ принял во внимание, что статьи, сообщающие о фактах жестокости со стороны полиции, затрагивали вопросы, касающиеся всего общества. В деле «Лопеш Гомеш да Сильва против Португалии» рассматривалось обвинение в диффамации: менеджер ежедневной газеты жестко критиковал кандидата Сильву Резенде, принявшего участие в муниципальных выборах. В отличие от Уголовного суда г.Лиссабона, который оправдал заявителя, Апелляционный суд счел выражения «нелепый», «потешный» и «ярый» оскорбительными по отношению к кандидату и выходящими за рамки свободы выражения мнения. Апелляционный суд установил, что эти выражения могли быть истолкованы не только как нападки на политические взгляды г-на Сильвы Резенде, но и применительно к нему лично. ЕСПЧ признал, что статья Лопеш Гомеш да Сильва и, в частности, выражения, которые он использовал, носят спорный характер, но не представляют собой необоснованные личные нападки, так как автор подкрепляет их объективными пояснениями. Европейский Суд в этой связи обратил внимание, что зачастую политическая брань переливается в личную сферу – таков риск политики и свободного обсуждения идей, выступающих гарантами демократического общества. Соответственно журналист высказал мнение, сформированное в отношении политических убеждений г-на Сильвы Резенде, который сам регулярно выступал в прессе в качестве комментатора. Если бы подобное мнение не

имело под собой фактической основы, оно могло бы считаться неуместным, но в свете установленных фактов таковым не является. Суд считает, что высказанные г-ном Сильвой Резенде мнения, которые были опубликованы наряду с редакционной статьей, носили озлобленный, провокационный характер и выходили за рамки простой полемики, например: «Лысый еврей [г-н М.Лоран Фабиус – премьер-министр Франции], который тратит свою жизнь...на болтовню в поддержку атеизма и Республики...», «Прошлое семейства Клинтонов...и сам стиль их предвыборной кампании в Белый дом являются ключом для понимания новой конспиративности левых, которая имеет максимальный уклон в сторону войны на чужой собственности, культа агностицизма, нравственного релятивизма, социального лицемерия, нечеловеческого атеизма жизни», «Масонская ложа и еврейская синагога, хотя и не настаивают на инициации своих прав и деятельности, постоянно заигрывают с властями предержащими» и т.п. (Lopes Gomes da Silva v. Portugal, 2000г.). Таким образом, стиль статьи журналиста был обусловлен стилем статей г-на Сильвы Резенде. Кроме того, напечатав наряду со своей редакционной статьей многочисленные отрывки из недавних публикаций политика, Лопеш Гомеш да Сильва действовал в соответствии с правилами журналистской профессии. Он не только высказал свое мнение относительно этих комментариев, но и позволил читателям сформировать самостоятельное мнение о кандидате.

Пункт 2 статьи 10 Конвенции допускает весьма узкие рамки ограничений в отношении политических выступлений или дискуссий по вопросам общественной значимости. Пределы допустимой критики более широки в отношении правительства, чем в отношении частного лица или даже политического деятеля. В демократическом государстве действия правительства должны быть предметом пристального внимания со стороны общества. Главенствующее положение правительства само по себе требует от него проявления сдержанности в применении уголовного наказания, особенно в тех случаях, когда доступны другие средства для ответа на

необоснованные нападки и критику со стороны его противников. Однако в компетенции государственных властей остается возможность принятия мер, даже на уровне уголовного законодательства, целью которых является адекватное реагирование на подобные высказывания («Инкал против Турции», 1998г.; «Сенер против Турции», 2000г.).

В деле «Обершлик против Австрии» г-н Обершлик обратился с жалобой в отношении Генерального секретаря Либеральной партии г-на Грабхер-Мейера, который предложил на 50% увеличить семейные пособия женщинам, имеющим австрийское гражданство, - с тем, чтобы у них не возникало оснований прибегать к абортam по финансовым причинам, - и уменьшить на 50% размер таких пособий у женщин-иммигранток. Австрийский журналист и ряд других лиц обратились в прокуратуру с требованием привлечь политика к уголовной ответственности. Одновременно с обращением в прокуратуру заявитель опубликовал содержание жалобы в журнале, сравнивая выдвигаемое г-ном Грабхер-Мейером предложение с нацистскими методами в политике. Журналист в тексте акцентирует внимание на том, что политический деятель использует оппозицию «свои/чужие». Противопоставление базируется в первую очередь на этнической принадлежности персонажей, о которых идет речь. «Свои» – это австрийские женщины, финансовое положение которых предлагается улучшить; «чужие» - матери из семейств рабочих-иммигрантов и их еще не рожденные дети. С точки зрения г-на Обершлика, такая оппозиция представляет рабочих-иммигрантов как «худший, бесполезный или менее ценный сектор населения в целом», изображает их «не заслуживающими или недостойными уважения со стороны окружающих их людей» (Oberchlick v. Austria, 1991г.). Национальные суды обратили особое внимание на жанр публикации и постановили, что публикация в форме жалобы по поводу совершения уголовного преступления была направлена на то, чтобы содержащееся в ней обвинение в отношении политического деятеля оказало особенно яркое впечатление на среднего читателя. В своем решении

австрийский суд нашел, что в рассматриваемой публикации, «несмотря на то, что ее назначение обозначено как «уголовное обвинение», тем не менее, создается впечатление, что имело место уголовно-наказуемое деяние, и это «порочит» репутацию политика» (Oberchlick v. Austria, 1991г.).

ЕСПЧ не согласился с такой трактовкой. Опубликованная г-ном Обершликом «жалоба» начиналась с изложения фактических обстоятельств дела, то есть с репортажа о заявлениях г-на Грабхер-Мейера. Затем следовал анализ этих заявлений, на основании которого авторы сообщения делали вывод, что политический деятель осознанно выражает идеи, аналогичные тем, которые проповедовались нацистами. Последнюю часть сообщения Европейский Суд рассматривает как оценочное суждение, выражающее мнение авторов по поводу предложения, сделанного г-ном Грабхер-Мейером. В основу этого мнения было положено сопоставление указанного предложения с отрывками из Манифеста национал-социалистической партии. По мнению Суда, ввиду важности обсуждаемой проблемы нельзя сказать, что, выбрав данную форму публикации, г-н Обершлик преступил пределы свободы слова.

Европейский Суд по правам человека в своих решениях затрагивает еще один аспект проблемы информационной безопасности, который связан с практиками формирования ролей коммуникантов. Нарушения дискурсивных правил с позиций адресанта и адресата способны провоцировать негативные реакции в обществе, увеличивать психическую напряженность публики. Приведем в качестве примера дело «Йерсилд против Дании», в котором нарушение запрета на объект высказывания повлекло за собой аффективную реакцию. Журналист Йенс Олаф Йерсилд провел интервью на радио с группой молодых людей, называвших себя «зеленые куртки», речь шла об их расистских взглядах. Интервьюер группировал комплекс вопросов вокруг социальной проблемы (расистские настроения молодых людей, социальное происхождение и окружение «зеленых курток»), стремясь максимально полно раскрыть ее для аудитории. Вопросы журналиста («Ты расист?», «Что

случилось с тобой?», «Что для тебя значит Ку-клукс-клан?», «Вы бросали шарики с краской в окна семей иммигрантов?», «Хотелось ли бы тебе, чтобы твой ребенок рос так же, как ты?» и т.п.) давали возможность услышать то, что говорит первоисточник, узнать его мнение, увидеть реакцию. Однако после телевизионного эфира Йенс Олаф Йерсилд был осужден и признан виновным в оказании пособничества и подстрекательстве к выражению расистских заявлений: во время интервью члены указанной группы отпускали оскорбительные замечания в адрес иммигрантов и некоторых этнических групп в Дании: чернокожие - «это вылитые гориллы»; «Ниггер не человек, это животное. То же самое можно сказать и о других иностранных рабочих...» и т.п. Национальный суд заявил, что журналист поощрял «зеленых курток» к выражению расистских взглядов (что преследуется законом), в эфире не прозвучали уравнивающие замечания, не смотря на то, что после съемки видеозапись подверглась редактированию. Таким образом, данное интервью, по мнению судей, способствовало широкому распространению расистских высказываний.

Европейский Суд отметил особую важность борьбы с расовой дискриминацией. Важно то, что сам журналист не делал предосудительных заявлений. Интервью предшествовал сюжет, в котором была определена цель передачи – показать лиц, придерживающихся расистских взглядов, описать их образ мыслей и социальное происхождение. С помощью интервью были показаны и проанализированы взгляды группы молодых людей, затронуты отдельные аспекты проблемы, вызывающей большой общественный интерес; очевидно, что пропаганда расистских взглядов не являлась целью репортажа. «Репортажи, основанные на интервью,...представляют собой одно из важнейших средств, при помощи которых пресса может играть свою исключительно важную роль «стража общественных интересов». «Наказания журналистов за содействие в распространении заявлений, сделанных другим лицом в ходе интервью, могли бы серьезно помешать прессе вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих общественный интерес, если

только речь не идет об особо серьезных ситуациях» (Jersild v. Denmark, 1994г.).

Сходная проблема была рассмотрена Судом в отношении журналиста из Люксембурга. В одной из радиопередач журналист процитировал отрывки из газетной статьи, где говорилось, согласно источнику, хорошо знакомому с этой сферой промышленности, что все восемьдесят чиновников Комиссии Водного и Лесного хозяйства Люксембурга, за исключением одного, коррумпированы. Национальным судом журналист был обвинен в диффамации на том основании, что формально не дистанцировал цитируемое утверждение от собственного, чем фактически поддержал изложенную точку зрения. ЕСПЧ посчитал, что заявитель понес наказание за утверждения, сделанные другим лицом, в связи с чем данный вопрос затронул важную проблему свободы выражения мнения: «Общее требование к журналистам систематически и официально дистанцироваться от содержания цитаты, которая может оскорбить или спровоцировать других людей, или нанести вред их репутации, несовместимо с ролью прессы предоставлять информацию по текущим событиям, мнениям и идеям» (Thoma v. Luxembourg, 2001г.). Было установлено: журналист указал, что начинает цитату, и назвал имя автора статьи. В дополнение, он охарактеризовал статью коллеги как написанную «жестким языком». Журналист также обратился за комментариями к третьей стороне – владельцу лесных угодий.

Сформулированные Европейским Судом принципы и положения, основанные на содержании статьи 10 Европейской конвенции, представляют, на наш взгляд, основные направления обеспечения информационной безопасности: наделение гражданина свободой производить, передавать и распространять информацию; запрет цензуры; соблюдение гарантий свободы массовой информации; возможность ознакомления с различными оценками событий в обществе. Дискурсивные практики, рассмотренные в юридических делах, позволяют выявить языковые механизмы декодирования

журналистского текста разными адресатами и определить наличие или отсутствие дисфункционального воздействия СМИ.

Вопросы:

1. Кратко охарактеризуйте основополагающие принципы, разработанные Европейским Судом по правам человека, которые влияют на деятельность СМИ.

2. Назовите проблемы возможного дисфункционального воздействия СМИ, которые рассматриваются в практике Европейского Суда по правам человека.

3. Каково значение статьи 10 Европейской конвенции и судебной практики ЕСПЧ для решения проблем информационной безопасности в России?

Задания:

1. Прочитайте отрывки из открытых писем исландского писателя Торгера Торгерсона министру юстиции, в которых рассказано о жестокости полиции. Т. Торгерсон национальным судом был признан виновным в диффамации. Писатель обратился за помощью в Европейский Суд.

Определите практики журналистского дискурса, которые, по мнению исландского суда, нарушили информационную безопасность.

Как вы думаете, к какому решению пришел Европейский Суд: усмотрел ли нарушение права на свободу выражения мнения или нет? Ответ аргументируйте.

«...В данном случае несчастье случилось с одним из ваших политических миссионеров, журналистом Скафти, попавшим в жизнь

ночного города. Конечно, нас потрясли фотографии его израненного лица, занявшие четыре газетных колонки.

Мы отказываемся принять факт того, что наши полицейские так изуродовали привлекательное лицо этого журналиста. Он говорит, что все, что он делал – это невинным образом искал свое пальто, когда, в вышеупомянутых джунглях, на него напали звери в униформе...

...Я практически не сомневаюсь в том, что есть нечто в высшей степени неправильное в системе, где люди, на которых лежит ответственность, похоже, пренебрегают всем смыслом правосудия и неверно понимают свои обязанности, позволяя скотам и садистам давать волю своим извращениям – вне зависимости от того, кто является жертвой...» (Thorgeir Thorgeirson v. Island, 2001г.).

2. Определите в приведенных ниже примерах противоречие сложившемуся толкованию статьи 10 Европейской Конвенции о защите прав человека, которая приоритетна перед российским законодательством.

Один из российских чиновников, возбудивший уголовное дело по статье 130 Уголовного Кодекса российской Федерации («Оскорбление») в отношении главного редактора газеты, счел оскорбляющим заголовок статьи: «Един в трех лицах: депутат, глава администрации, политик», указав в заявлении в прокуратуру, что «из заголовка статьи следует, что я отношусь к нечисти». Журналисты одной тамбовской газеты, за большое количество исков и бесконечные судебные тяжбы со стороны упомянутого выше главы районной администрации, присудили ему звание «Заслуженного сутяги», о чем написали в газете, за что он вновь подал иск, а суд признал это «звание» не соответствующим действительности, оскорбляющим и умаляющим честь и достоинство истца, возложив на редакцию обязанность опровергнуть данное оценочное суждение. Высказывание «он совесть и элементарный стыд, видно, давно сдал в гардероб вместе с формой офицера Советской Армии» было расценено как порочащее, поскольку «представитель ответчика не предоставил в суд доказательств, подтверждающих соответствие этих

сведений действительности» (Примеры приведены из: Й.Грозев, М.Андрук, Г. Арапова. Стандарты Европейского Суда по правам человека. Комментарий российского законодательства и практики//Судебная практика Европейского Суда по правам человека по статье 10 Европейской Конвенции: Т.3. СПб., 2004, с.304-305).

3.Какие из нижеприведенных выражений вы могли бы использовать в статье без опасения судебного наказания, следовательно, нарушения принципов информационной безопасности: «Человеком, который отдавал все приказы и организовал все нюансы лжи и зверства, которые привели к этой резне, был лорд Алдингтон»; «Имеются исчерпывающие доказательства того, что он организовал крупное военное преступление при полном знании того, что наиболее варварские и гнусные из его действий совершаются в отсутствие одобрения командования»; «Лорд Алдингтон неоднократно обвинялся в том, что является крупным военным преступником, чьи действия могут сравниться с действиями самых грязных мясников нацистской Германии или советской России».

Приложение

Йонко Грозев, Маргарита Андрук, Галина Арапова. Стандарты Европейского Суда по правам человека. Комментарий российского законодательства и практики // Судебная практика Европейского Суда по правам человека по статье 10 европейской Конвенции: Т.3, СПб., 2004, с. 290 - 300 (пункты 69 – 91)

ПРАКТИКИ ОСВЕЩЕНИЯ В СМИ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: аспект информационной безопасности

Практически в любой демократической стране мира деятельность парламента обязательно освещается в общественно-политических СМИ. И это вполне логично, ведь парламент – это высший представительный орган, выполняющий, как правило, законодательную функцию, а значит, устанавливающий правила игры, по которым живет общество.

В России практика освещения парламентских событий начала формироваться сравнительно поздно – в XX веке, когда в соответствии с Высочайшим Манифестом от 17 октября 1905-го года приступила к работе I Государственная Дума. 4 созыва этого законосовещательного органа проработали в общей сложности 12 лет. Затем появившееся на руинах Империи Советское государство приступило к формированию собственных парламентских структур: по Конституции 24-го года высшим представительным органом стал Съезд Советов (собиравшийся сначала раз в год, а затем раз в два года), а в 36-м был сформирован Верховный Совет СССР, действовавший на постоянной основе и уже более походивший на традиционный парламент. Верховным Советом назывался и первый парламент Российской Федерации постсоветского периода. В 1993 г. ему на смену пришло Федеральное Собрание, состоящее из двух палат: верхней – Совета Федерации – и нижней – Государственной Думы.

Настоящая глава посвящена практикам освещения деятельности Государственной Думы (ГД) в современных российских СМИ. Мы говорим именно о нижней палате российского парламента в связи с тем, что ее деятельность более публична, что объясняется прежде всего порядком формирования ГД: депутатов избирают по спискам политических партий на прямых всенародных выборах, поэтому и депутаты, и политические партии, и избиратели заинтересованы в том, чтобы информация о работе ГД, фракций и

их членов была общедоступна. В результате представление о российском парламенте в сознании массовой аудитории формируется преимущественно на основании материалов о работе Государственной Думы, а не Совета Федерации.

Итак, от освещения деятельности ГД в СМИ зависит образ законодательной власти, фракций и политических партий, а также самих парламентариев, формируемый в сознании массовой аудитории, а значит, *картина парламентского мира*, существующая в обществе. Деформация этой картины может нанести серьезный вред информационной безопасности демократического общества. Мы исходим из того, что парламент как высший представительный орган законодательной власти, формируемый на общенациональных конкурентных и свободных выборах, является неотъемлемым институтом демократического государства; ограничение прав парламента, а также ограничение политической конкуренции внутри или вовне его – например, на этапе формирования, т.е. проведения парламентских выборов – способны нанести значительный вред основам демократии и поставить под угрозу демократический статус государства.

Основная проблема, влияющая на информационную безопасность и возникающая при освещении парламентской деятельности в СМИ, связана с полнотой и адекватностью той информации о деятельности Государственной Думы, которую СМИ доносят до массовой аудитории. Таким образом, угрозой информационной безопасности представляется как распространение искаженной информации и тенденциозная подача фактов, так и замалчивание тех или иных событий (аспектов событий), т.е. предоставление неполной информации.

Представляется возможным выделить три аспекта этой проблемы:

- 1) освещение деятельности ГД и депутатов в целом;
- 2) освещение деятельности фракций ГД и соответствующих им политических партий;
- 3) освещение деятельности отдельных депутатов.

Отметим, что третий аспект оказывается составной частью второго, если речь идет о депутатах как о представителях той или иной фракции либо политической партии, представленной в ГД. Объединению данных аспектов способствуют и последние изменения в избирательном законодательстве, установившие новый порядок формирования ГД: отмена выборов по одномандатным округам и усиление роли политических партий привели к тому, что основными парламентскими игроками стали не конкретные депутаты, а фракции, представляющие в ГД политические партии, победившие на выборах. При этом конкретные депутаты представляются функциями соответствующих фракций (политических партий), осуществляющими от их лица те или иные действия, в том числе речевые. Кроме того, распространение искаженной информации, тенденциозная подача фактов, а также замалчивание информации о конкретном депутате, хоть и имеют отношение к проблеме информационной безопасности, но напрямую не угрожает парламенту как институту демократического общества, а значит, не являются предметом настоящей главы. В связи с этим мы рассмотрим первый и второй аспекты сформулированной проблемы.

1. Освещение деятельности Государственной Думы в целом.

Основная опасность заключается в том, что СМИ могут повлиять на реципиентов таким образом, что в сознании последних значительно снизится оценка той роли, которую играет ГД (и парламент в целом) в политическом процессе, сформируется устойчивый негативный образ ГД (и шире – парламента) как политического института. Подчеркнем: речь не идет о формировании негативного образа ГД определенного созыва (т.е. некоторой совокупности конкретных депутатов), что, на наш взгляд, – в некоторых условиях – представляется вполне естественной, обоснованной критикой. Ситуация может быть опасна в том случае, если негативная оценка будет распространена на сам институт ГД (парламента) и будет укоренена в сознании большинства граждан. В таких условиях последние могут согласиться поддержать преобразования, направленные на фактическое, а может, и

юридическое вытеснение высшего представительного органа законодательной власти из сферы государственного управления. Опасность также представляет тотальное замалчивание информации о деятельности парламента, однако ввиду отсутствия в настоящий момент подобной практики не будем заострять на ней внимание.

Можно сказать, что специфическая природа парламента в некотором смысле способствует созданию его негативного образа. Обратимся к этимологии слова «парламент»: оно образовано от французского «parler» – «говорить». Действительно, парламент – это место, где в ходе **обсуждения** происходит согласование политических интересов. Но в сознании части россиян деятельность, связанная с говорением, не вызывает симпатий или вообще не воспринимается в качестве продуктивного труда. Соответствующие стереотипы глубоко укоренены в национальном сознании и зафиксированы в форме пословиц и поговорок: *По разговорам всюду, а по делам никуда; Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит; Кто языком штурмует, не много навоюет; Языком и лаптя не сплетишь*. Аналогичные оценки воспроизводятся и в материалах СМИ:

С депутатами, предположим, все ясно. Говорят они много, но от них мало что зависит – как в Кремле скажут, так они и проголосуют. А откуда недоверие к министрам? (Евгений Анисимов. Министры играют в молчанку // Комсомольская правда. 14.07.2005).

Первое в новой сессии заседание Госдумы было горячим, но не очень продуктивным. Депутаты много говорили: видимо, соскучились за зимние каникулы по думским микрофонам. Но приняли только два законопроекта во втором чтении. Остальные - в повестке их было около двух десятков - отклонили или перенесли (Тамара Шкель. Нефтяное пятно // Российская газета. 11.01.2007).

«Депутаты много говорят, но мало делают, от них мало зависит» – данный смысл появляется во многих материалах СМИ. И как показывают социологические опросы, значительная часть аудитории с этим согласна.

Причем результаты подобных исследований – обычно критические по отношению к депутатам и ГД – широко представлены в СМИ, что, естественно, лишь укрепляет существующие стереотипы. Широкий резонанс вызвал, к примеру, опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение» летом 2007-го года:

«Бездельники, жулики и вруны» – такими эпитетами наградили депутатов Госдумы россияне, как следует из опубликованных в минувшую пятницу результатов опроса фонда «Общественное мнение» <...> Почти половина респондентов (45%) оценили работу депутатов Госдумы как «плохую и очень плохую». Самые популярные эпитеты, которые россияне нашли для родных народных избранников, были: «бездельники, которые много говорят, мало делают»... (Надежда Красиловa. Плохо и очень плохо. Россияне оценили работу депутатов // Новые известия. 23.07.2007).

Как отмечают эксперты ФОМ, респонденты по-разному оценивают понятие «депутат Госдумы». Чаще всего (14%) они называли законодателей «бездельниками», «балаболами», «брехунами» и «дармоедами» (Половина россиян не довольна работой Госдумы // РИА «Новости». 20.07.2007).

Примечательны слова «балабол», т.е. «человек, любящий заниматься пустой болтовней, пустомеля» [Ожегов, Шведова 1999: 34], и «брехун», т.е. «враль, пустобрех» [там же: 59]. Таким образом, деятельность ГД ассоциируется с *пустой болтовней*, которая оценивается негативно.

Следует также учитывать, что значительная часть деятельности ГД является публичной. В Регламенте нижней палаты сказано, что заседания ГД «проводятся открыто, гласно и освещаются в средствах массовой информации» [Регламент 37.1]. Ориентация на массового «адресата-наблюдателя» усиливает тенденцию к театрализации парламентской деятельности [подробнее см.: Демьянков 2002: 37; Шейгал 2000: 66]. Депутаты стремятся привлечь потенциальных избирателей. Для этого используются различные методы, такие как повышенная эмоциональность речи, ораторские приёмы, выразительные средства, эпатаж, языковая игра, агрессия и др. Всё это должно заинтересовать

зрителей, слушателей и читателей, но в первую очередь тех журналистов и редакторов, которые отвечают за отбор информации. Действительно, СМИ охотно тиражируют яркие и необычные выступления, но с этим связаны и некоторые негативные моменты: аудитория фиксирует связь парламентской деятельности с чем-то несерьезным, театральным и воспринимает ее как деструктивную, не связанную с осуществлением непосредственных функций парламента:

Широко и весело отмечали вчера в думских кулуарах День дурака. Депутаты развлекали друг друга SMS-ками про секс, шутили про главного «героя» последней парламентской драчки Жириновского и даже про покушение на Чубайса (Светлана Олифирова, Ольга Вандышева. В Думе может появиться резиновое чучело Жириновского // Комсомольская правда. 01.04.2005)

Госдума отклонила поправку к законопроекту, предложенную депутатом от фракции КПРФ Виктором Тюлькиным, о переезде Конституционного Суда из Москвы на Чукотку. Обосновывая свое предложение, Тюлькин отметил, что, если независимость суда зависит от удаленности от Москвы, то «я предлагаю перенести его дальше всех, у нас есть Чукотка, будет самый независимый суд» <...> Госдума также отклонила предложение Тюлькина перенести Конституционный Суд на Курильские острова, чтобы «показать японцам» силу и нерушимость российской государственности (Госдума отвергла предложение депутата от КПРФ о переезде КС на Чукотку // РИА «Новости». 15.12.2006).

Также СМИ охотно тиражируют агрессивные выступления депутатов. При этом следует учитывать, что парламентский дискурс характеризуется высоким уровнем речевой агрессии в силу вполне естественных причин. В парламенте представлены партии, имеющие различные политические взгляды. В результате возникают отношения агональности: фракции противостоят друг другу, а также исполнительной власти (если речь идёт об оппозиционных фракциях). Агональность проявляется как концептуальное столкновение аргументации при рассмотрении законопроектов и обсуждении иных вопросов. Всё это

сопровождается эмоциональными столкновениями, в ходе которых активно используются всевозможные средства речевой агрессии. Рассмотрим несколько примеров:

(1) Лидер ЛДПР Владимир Жириновский обвинил Алексея Митрофанова в предательстве за то, что тот перешел из ЛДПР в партию «Справедливая Россия». Жириновский даже поблагодарил руководителя «Справедливой» Сергея Миронова за освобождение от политического балласта. «Он никогда не был моей «правой» или «левой» рукой. Он вообще никогда веса в партии не имел. И не занимал никаких постов», – цитирует Жириновского «Интерфакс». По его словам, «теперь народ будет видеть, из чего состоит эта партия – «Справедливая Россия» – из перебежчиков и предателей» (Жириновский назвал Митрофанова предателем за переход в «Справедливую Россию»./ Новая газета. 29.08.2007).

(2) «При ближайшем выступлении Жириновский начнет мочиться на своих коллег», – предостерег депутат Ковалев и тут же предложил главе комиссии по этике Галине Стрельченко («Единство») подать на него в суд.

Депутат Стрельченко не стала ругаться <...> Зато Владимир Жириновский не остался в долгу.

– Я вынужден парировать Сергею Адамовичу. Вами должны заниматься прокуратура, МВД и ФСБ, а не комиссия по этике. Вы политический преступник. Ни один депутат не охаивал в Совете Европы свою страну так, как это делаете вы. У вас еще хватает совести говорить об этике!

– От фракции «Яблоко» я предлагаю прекратить понос сознания у некоторых депутатов, – подключился к полемике вице-спикер Владимир Лукин.

– Эту порцию оскорблений тоже нужно рассмотреть сегодня на комиссии по этике, хотя у нее и так много проблем (сегодня комиссия будет разбираться, ругался ли Жириновский перед телекамерами матом на президента Буша) (Елена Руднева, Артем Вернидуб. «Я уличный боец, я откушу ему нос» // Gazeta.ru. 07.02.2003).

Как показывает практика работы ГД, агрессия речевая порой переходит в физическую. И мимо такого информационного повода не проходит практически ни одно СМИ. Многие помнят потасовки с участием Василия Шандыбина и Александра Федулова, Владимира Жириновского и Андрея Савельева и др. Материалы об этих событиях были растиражированы практически всеми телеканалами, опубликованы во многих печатных СМИ и интернет-изданиях. Вот несколько примеров:

(1) В пятницу в Госдуме при обсуждении повестки дня случилась драка между депутатом Александром Федуловым и коммунистом Василием Шандыбиным. Этот случай - не первый мордобой в действующей Думе. Накал страстей и чесание кулаков объясняются просто: перед выборами у думцев наступает своего рода «момент истины». При том что батальные сцены явно не повышают популярность Думы в глазах избирателей, которым голосовать за ее новый состав в декабре. Что, в свою очередь, угрожает низкой явкой на выборы: чтобы убедить голосовать за таких парламентариев, воистину нужна мощная, стало быть, дорогостоящая избирательная кампания (Александр Садчиков. Настоящих буйных мало.// Известия. 07.02.2003).

(2) В зале заседаний Государственной думы в среду произошла потасовка. Как сообщает РИА «Новости», столкновение произошло в тот момент, когда зал демонстративно покидали депутаты из фракции ЛДПР, выступившие против результатов выборов в Законодательное собрание Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО).

Как рассказал позднее журналистам один из либерал-демократов Алексей Островский, у лидера фракции Владимира Жириновского на выходе из зала возникла стычка с депутатом от фракции «Родина» Андреем Савельевым.

В течение пяти последующих минут спикер Госдумы Борис Грызлов безуспешно взывал к разуму парламентариев, пытаясь их успокоить и призывая «не уподобляться другим парламентам». «Депутаты-мужчины, остановитесь!» - восклицал Грызлов.

Однако депутаты были слишком увлечены происходящим. Савельев сначала пытался использовать в качестве оружия бумаги, которые держал в руке, однако затем в ход пошли кулаки. В тот же момент Жириновского и Савельева окружили другие депутаты, которые стали помогать каждый своей стороне. Однако вскоре первые двое снова остались один на один и Савельев повалили Жириновского на пол. Тут уже все бросились спасать лидера ЛДПР, так как представитель «Родины» явно слишком увлекся. Судя по видеокадрам, серьезных повреждений ни одна из сторон конфликта не получила (В Госдуме подрались депутаты из ЛДПР и «Родины» // Lenta.ru. 30.03.2005).

Обозначенная специфика парламентской деятельности способствует негативному восприятию последней со стороны массового «адресата-наблюдателя». Тем не менее наше исследование показало, что необходимость ГД как института обычно не ставится под сомнение. Хотя бывают и редкие исключения:

Александр Гамов: Владимир Вольфович, так как быть Путину: уходить - не уходить?

Владимир Жириновский: Если бы я был на его месте, я бы объявил: вот программа на 20 лет. Прекращаем выборы. Сегодня Госдума не нужна. Распускаем.

Александр Гамов: А Совет Федерации?

Владимир Жириновский: Распустить все законодательные органы. Не тратить деньги. Общественная палата - вот наш парламент. Давайте! Там будет 126 человек. Лучшие люди страны. Путин говорит: вот закон по ЖКХ. Одобряете? Одобрям. Вводим. Не одобряют – дорабатывают. Все законы готовит Минюст. Одобрят общественная палата, и указом президента вводятся они. Зачем столько выборов? Что вы выбираете все время? (Александр Гамов. Владимир Жириновский: Госдума - это осиное гнездо, кругом враги // Комсомольская правда. 28.12.2005).

Вот пример из региональной прессы:

Напомним, сегодня в прямом эфире в 18 часов по местному времени президент Владимир Путин ответит на вопросы россиян. «АП» предложила читателям обратиться в редакцию с вопросами, которые жители области хотят задать главе государства.

<...>

Пожалуй, самым серьезным стал вопрос Николая Белоусова, участника Великой Отечественной войны из Благовещенска. Он касается устройства государственной власти. «Уважаемый президент, Владимир Владимирович! Как вы считаете, можно ли упразднить Государственную думу и Совет Федерации, где слишком много думщиков и большой расход денежных средств, а вместо этого учредить Верховный Совет РФ, подотчетный президенту. Я считаю, это будет эффективнее» (Мария Якушева. Амурчане предлагают Путину упразднить Госдуму // Амурская правда. 18.10.2007).

Обратим внимание на то, что автор вопроса предлагает не просто реформировать парламент, но, по сути, лишить его статуса высшего законодательного органа, подчинив главе государства.

Периодически похожие дискуссии возникают в интернет-форумах. Например, на историческом форуме «Istorichka.ru» с ноября 2006-го по февраль 2007-го года обсуждалась тема «Нужна ли России Государственная Дума?» Отрадно, что участники этого обсуждения (в основном студенты), в целом негативно оценивая российскую парламентскую практику текущего периода, не ставили под сомнение необходимость института парламентаризма в России:

KS: Для реального управления государством (Государственная Дума – Е.К.) – не очень нужна. Для создания видимости демократической системы – необходима, как «пропуск в клуб». Как отдушина для народных чаяний и народного гнева – необходима.

Так что все-таки нужна. Прежде всего, на мой взгляд, для второй функции – не стоит эту функцию недооценивать.

Вновь обратимся к социологическим исследованиям. Было сказано, что они фиксируют негативное отношение россиян к депутатам. Но в то же время

опросы свидетельствуют: даже в бурные 90-е, когда накал политических страстей был чрезвычайно высок, а театрализация парламентской деятельности доходила до предела, мнение о необходимости упразднить ГД не было популярным среди населения РФ. В качестве примера приведем выдержки из отчета Фонда «Общественное мнение», опубликованного 12 июня 1997 года под заголовком «Нужна ли России Государственная Дума?»:

Судя по результатам проведенного опроса, население России довольно негативно оценивает деятельность нынешней Государственной думы: 51% респондентов воспринимают эту деятельность однозначно отрицательно; каждый четвертый (25%) видит в работе Госдумы как негативные, так и позитивные стороны, и лишь 10% высказались о работе Думы определенно положительно. <...>

Тем не менее только четверть россиян (25%) не видят особой надобности в существовании Думы; в два с лишним раза чаще выражается мнение, что Госдума России нужна, что она должна быть обязательно (54%).

Необходимость существования нижней палаты российского парламента в большей степени осознают люди с высшим образованием (67%), хотя и среди лиц с неполным и законченным средним образованием такая точка зрения преобладает (52%)
(http://bd.fom.ru/report/map/projects/finfo/finfo1997/682_12717/of19972301).

В заключение хотелось бы обратить внимание на тревожную тенденцию: сомнения в целесообразности существования ГД в ее нынешнем виде (когда существует парламентское большинство, способное самостоятельно принимать парламентские решения) все чаще звучат из уст самих парламентариев:

Мы, Любовь Константиновна, вот лично я, извините, конечно, я довожу свою точку зрения, как депутат, как представитель Курской и Белгородской областей, свою позицию до «Единой России». Вы ее сейчас представляете, вы большинство. Уже и так во всех кулуарах говорят: «Зачем нам здесь собираться? Давайте все эти кнопки на один пульт выведем – «Единой России», и пусть они... Что в зал-то ходить?» Мы занимаемся тут самой

натуральной профанацией. Ни у кого нет желания принимать участие вот в этом мероприятии, потому что все заранее предрешено, все всё прекрасно понимают, и поэтому действительно некоторых депутатов в зале не увидишь: они занимаются своими делами, на жизнь зарабатывают (С.В.Иванов, фракция ЛДПР. 18.02.2005).

В данном выступлении, прозвучавшем на заседании ГД 18 февраля 2005-го года, депутат от ЛДПР С.В.Иванов дает развернутую оценку ситуации, сложившейся в ГД. Оратор называет работу депутатов на пленарном заседании (все то, что принято называть парламентскими дебатами, в том числе рассмотрение законопроектов) *профанацией*. Таким образом, утверждается, что смысл парламентской полемики искажен, извращен [см.: БСИС 2002: 549; Ожегов, Шведова 1999: 626]: вместо аргументированного спора, нацеленного на достижение взаимоприемлемого решения, она превратилась в ритуальную риторику. С помощью ссылки на неформальную часть парламентского дискурса говорящий дает понять, что такое мнение широко распространено в ГД: *...во всех кулуарах говорят: «Зачем нам здесь собираться?»*

2. Освещение деятельности фракций Государственной Думы и соответствующих им политических партий.

Парламентская деятельность – это еще и деятельность политическая. А политика всегда связана с соперничеством, с борьбой за власть (см., например: Шейгал 2000; Шмитт 1992). Основными участниками этой борьбы традиционно считаются политические партии. В соответствии с изменениями, внесенными в избирательное законодательство в 2007-м году, ГД теперь формируется исключительно по партийному принципу. Представительство партии в ГД называется фракцией. Таким образом, фракция – основной участник политической борьбы в парламенте.

Отметим, что образ фракции формируется, во-первых, на основе материалов СМИ, в которых в том или ином контексте говорится о фракции вообще – без упоминания конкретных ее членов, во-вторых, на основе материалов, в которых упоминаются депутаты-члены данной фракции (если

при упоминании депутата обозначается его фракционная принадлежность или она и без того известна реципиенту, то упомянутый депутат воспринимается как часть фракции и соответственно данная информация участвует в формировании образа не только данного депутата, но и фракции в целом).

Основная опасность, связанная с освещением деятельности фракций в СМИ, – «информационное неравенство», т.е. отсутствие равного доступа фракций к коммуникации с массовой аудиторией посредством СМИ. В такой ситуации одни фракции находятся в привилегированном положении, а другие подвергаются дискриминации.

Проблема становится особенно актуальной в условиях современной России, когда одна из фракций ГД имеет большинство, позволяющее обеспечивать принятие решений без участия других фракций. В иных условиях фракции вынуждены согласовывать свои интересы и находить консенсус, чтобы обеспечить принятие парламентских решений. Если же одна фракция может самостоятельно принимать решения, в т.ч. законодательные акты, то необходимость в согласовании интересов с оппозицией отпадает.

В условиях отсутствия возможности повлиять на процесс принятия парламентских решений депутаты от оппозиции рассчитывают на иную форму реализации существующей у них власти, а также на иной способ борьбы за власть. Их действия ориентированы непосредственно на массовую аудиторию. Будучи депутатами, представители оппозиции могут обращаться к потенциальным избирателям через СМИ – это одна из форм реализации существующей у них власти. А борьба за власть проявляется в борьбе за своего избирателя: именно к нему, а не к политическим оппонентам в ГД часто обращены аргументы ораторов-оппозиционеров. В таких условиях СМИ становятся институтом, гарантирующим права оппозиции и возможность смены правящей фракции в результате выборов. Другими словами, именно СМИ обеспечивают возможность свободной и равной конкуренции парламентских фракций. Но, с другой стороны, именно СМИ могут

способствовать установлению однопартийного режима в том случае, если не справятся с выполнением своих функций.

Таким образом, информационная безопасность российского общества (его демократических институтов) в во многом зависит от того, как СМИ освещают деятельность фракций ГД (и соответствующих им партий): уделяют ли они равное внимание всем фракциям или акцентируют внимание лишь на деятельности одной из них – фракции парламентского большинства.

В связи с этим представляется интересным посмотреть, насколько адекватно СМИ освещают деятельность фракций ГД. В качестве материала для анализа возьмем стенограммы заседаний ГД с одной стороны и материалы СМИ, повествующие о соответствующих заседаниях, с другой. Чтобы избежать политизации анализа, рассмотрим деятельность ГД прошлого созыва, принимая во внимание, что отмеченная нами специфика (наличие парламентского большинства) характерна и для ГД того периода (отличием является иной фракционный состав и наличие депутатов, не состоящих во фракциях, в том числе депутатов, представляющих партии, не прошедшие в ГД по партийным спискам).

Начнем с количественных показателей, характеризующих упоминаемость политических партий в СМИ:

Статистика упоминаемости политических партий по всем категориям СМИ в 2005 г.				
Партия	Всего сообщений СМИ	Сообщений, в которых объект играет главную роль	Сообщений негативного характера	Сообщений позитивного характера
«ЕДИНАЯ РОССИЯ»	50796	8396	4812	2032
КПРФ	33281	5271	1094	892
«РОДИНА»	18143	2841	1384	233
«СОЮЗ	16116	2542	603	112

ПРАВЫХ СИЛ»				
ЛДПР	15807	948	773	110
«ЯБЛОКО»	15441	1974	546	76
«НАРОДНАЯ ВОЛЯ»	2547	106	21	6

В таблице представлены результаты анализа информации из более чем 2700 открытых источников (печатные СМИ, радио, ТВ, информационные агентства и интернет-ресурсы) на основе информационно-аналитической системы «Медialogия» (www.medialogia.ru).

Перейдем к анализу содержания материалов СМИ, повествующих о деятельности ГД и формирующих образ тех или иных фракций.

Одно из самых громких парламентских событий 2005-го года – рассмотрение Государственной Думой вопроса о вотуме недоверия Правительству Михаила Фрадкова. С соответствующей инициативой выступили представители оппозиционных фракций – КПРФ и «Родина». Поводом послужили серьезные просчеты исполнительной власти, допущенные при реализации федерального закона № 122, известного широкой аудитории как «закон о монетизации льгот», и повлекшие рост социальной напряженности среди так называемых «льготников» – ветеранов войны и труда, тружеников тыла, инвалидов и др.

Названный закон был принят по инициативе Правительства РФ при активной поддержке парламентского большинства и вступил в силу 1 января 2005-го года. Но уже через несколько месяцев Государственная Дума была вынуждена внести изменения в уже действовавший закон (снова по инициативе Правительства РФ), что также свидетельствует о явных недоработках первоначально принятого документа.

Отметим, что вотум недоверия поддержали не только фракции-инициаторы, но и отдельные депутаты от ЛДПР и даже от «Единой России». Вообще представители парламентского большинства достаточно активно критиковали действия правительства и особенно отдельных министров, в

частности М.Ю.Зурабова, однако от поддержки вотума фракция отказалось. Соответствующие заявления были сделаны руководителем фракции спикером Думы Б.Грызловым, а также вице-спикером О.Морозовым, выступавшим от имени фракции при обсуждении данного вопроса на пленарном заседании. Особый интерес, на наш взгляд, представляют результаты голосования:

Проголосовало за 112 человек (24,9 %).

Проголосовало против 20 человек (4,4 %).

Воздержалось 4 человека (0,9 %).

Голосовало 136 человек.

Не голосовало 314 человек (69,8 %).

Результат: не принято.

Мы видим, что против вотума проголосовали лишь 20 человек, в то время как за его поддержку высказались 112 депутатов. При этом большинство парламентариев попросту не участвовало в голосовании, хотя, если верить системе регистрации, в зале присутствовали 429 народных избранников.

Теперь посмотрим, как данное парламентское событие освещалось в СМИ.

Информационный портал «Vesti.ru» опубликовал 9 февраля два отчета об этом событии (сюжеты аналогичного содержания вышли в программе «Вести» на телеканале РТР). В каждом из них авторы попытались дать слово всем основным участникам дискуссии. Так, в материале Игоря Кожевина и Петра Ровнова «Фрадкова покритиковали, но услышали» содержатся выдержки из выступлений председателя правительства М.Е.Фрадкова, зампреда Госдумы от фракции «Единая Россия» Олега Морозова, зампреда Госдумы от фракции «Родина» Сергея Бабурина, руководителя фракции КПРФ Г.А.Зюганова, лидера ЛДПР В.В.Жириновского. Таким образом, представлено мнение не только парламентского большинства, но и оппозиционных партий. В результате текст воспринимается как непредвзятый отчет о событии. При этом он не лишен экспрессии: авторы приводят фрагмент из весьма эпатажного выступления лидера ЛДПР, но отбирают цитируемый материал так, чтобы в тексте присутствовали и рациональные предложения, высказанные оратором:

Сегодня вечером проведите аресты руководителей левых организаций, если вы сильный министр, у вас же есть ФСБ и прочие структуры, финансовые структуры, – посоветовал Фрадкову Жириновский. – Надо нам обязательно критиковать и правительство и нас самих, но должны быть три приоритета: максимум денег на оборону, как в США, второй приоритет – наука, без нее прогресса не получится. Нам нужно обязательно на науку дать как можно больше, и средняя зарплата ученых в семь тысяч не годится. В-третьих, образование.

Как видим, авторы не акцентируют внимание аудитории исключительно на «перлах» В.В.Жириновского. Информация подается достаточно сдержанно, что, впрочем, не мешает созданию интересного и яркого журналистского материала.

Мнение оппозиции представлено и в материале Ивана Родина «Блистательно умыли руки» (подзаголовок: «314 депутатов Думы смело выразили свое отношение к правительству и экономической политике»), опубликованном в «Независимой газете» 10 февраля 2005 года. Более того, автор и сам не прочь поиронизировать над позицией парламентского большинства, о чем свидетельствуют заголовок и подзаголовок материала, смысл которых в полной мере проясняется лишь в заключительной части текста, где автор рассказывает об итогах голосования:

За вынесение вотума недоверия кабинету министров проголосовали 112 парламентариев. Против высказались 20, воздержались 4. Остальные депутаты – 314 человек – не приняли участия в голосовании. В рядах ЕР нашлись 5 «смельчаков», предложивших уволить Фрадкова.

Несмотря на наличие критики в адрес парламентского большинства, мы не можем сделать вывод о том, что журналист выступает за выражение вотума недоверия правительству. Его позиция сходна с мнением оппозиционеров в другом: они одинаково бесперспективно оценивают всякую попытку противостоять парламентскому большинству в действующей ГД. Рассмотрим, как это выражено в тексте:

Большинство депутатов «Единой России» вообще не стали участвовать в голосовании <...> сделав таким образом долгожданное обсуждение социального кризиса с главой правительства нарочито **бессмысленным мероприятием**. Тем не менее премьер Михаил Фрадков **изображал**, что весьма серьезно относится к происходящему: он выступал долго и эмоционально.

Заведомо **бесперспективная** процедура длилась три часа. И все это время Фрадков покорно ждал своей участи на Охотном Ряду, хотя итоги голосования ему **были известны** не хуже, чем руководству «Единой России». Ощущение **театра абсурда** усиливалось весьма комичными репликами самого «виновника торжества».

Но итог заседания все равно **был предрешен**.

Из 20 независимых депутатов «за» проголосовали 16. Против высказался лишь известный телеведущий Александр Невзоров – который на заседание вообще не приходил (голосовали его карточкой). Что было вполне в духе вчерашнего **абсурдного мероприятия**.

Журналист указывает на то, что итоги голосования **были известны, были предрены**, что позволяет ему оценить все мероприятие (рассмотрение вопроса о выражении вотума недоверия правительству) как **бессмысленное, бесперспективное и абсурдное**. Использование фразеологизма **театр абсурда** позволяет подчеркнуть, что все происходящее носит имитационный характер. Это лишь театр, то есть «представление» [Ожегов, Шведова 1999: 791], которое разыгрывают известные политики. Отсюда еще одно слово из соответствующей тематической группы: **Фрадков изображал...** Согласно Словарю С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой, «изобразить» значит «воспроизвести в художественном образе, а также вообще показать, представить», например, «изобразить на сцене скупца» [Ожегов, Шведова 1999: 242]. Получается, председатель правительства делал вид, что участвует в серьезном мероприятии.

Таким образом, автор текста, как и некоторые депутаты ГД, фиксирует, что в условиях наличия парламентского большинства, которое не нуждается в

согласовании интересов с представителями других фракций, исход голосования по тому или иному вопросу известен заранее. В результате обсуждение вопросов повестки дня на заседаниях ГД превращается в своеобразный ритуал, содержание которого не влияет на конечный результат. Однако этот ритуал необходим в силу того, что без его соблюдения легитимное принятие парламентских решений становится невозможным. При этом важно, что содержание обсуждения в данном случае, хоть и не повлияло на итоги голосования, но оказалось доступным для читателей «Независимой газеты» и других СМИ, аудитория которых на основе представленной информации сможет сформировать свое мнение по поводу действий депутатов и фракций. Но, к сожалению, журналисты, освещая парламентские события, не всегда доносят до аудитории всю палитру мнений.

10 февраля 2005 г. «Российская газета» опубликовала материал Елены Лашкиной «Ума хватило – вотум не прошел» (подзаголовок: «Правительство Фрадкова продолжает работать»). Автор дает негативную оценку действиям депутатов, инициировавших и поддержавших выражение вотума недоверия Правительству, непосредственно в заголовке. Имплицитно противопоставляются те, у кого «ума хватило» (противники вотума; отметим, что конкретные политические силы в тексте не названы), и те, у кого ума не хватило (сторонники вотума; в тексте к ним отнесены члены фракций КПрФ и «Родина»). Далее названы мотивы сторонников вотума:

Как бы то ни было, но главная цель депутатов была все же показать избравшим их россиянам собственную активность, пусть даже слегка покритиковав кабинет Фрадкова.

То есть, по мнению автора, действия депутатов (речь идет, напомним, о представителях двух оппозиционных фракций) направлены на то, чтобы повлиять на электорат. Казалось бы, в этом нет ничего плохого, особенно если учесть, что у парламентского меньшинства нет возможности эффективно влиять на принятие решений в ГД. Однако приведенный фрагмент текста, так же как и заголовок, показывает негативное отношение автора к действиям

сторонников вотума. Они лишь *хотят показать собственную активность*. Учитывая смысл заголовка, читатель невольно воспринимает эту информацию в негативном свете: инициатива оппозиционеров – нечто показное, «рассчитанное на внешнее впечатление, притворное» [Ожегов, Шведова 1999: 549]; депутаты только делают вид, что активны, а сделать вид – то же, что «притвориться» [там же: 81] – «принять какой-н. вид с целью ввести в заблуждение, повести себя неискренне» [там же: 601].

Интересно, что журналист, тезисно представив в тексте содержание выступления премьер-министра, не снабжает его своими критическими замечаниями. При этом выступления оппозиционеров автор стремится оспорить:

Но коммунисты, настроившись определенным образом, в штыки восприняли новую экономическую политику кабинета и язвительно сожалели о том, что главе кабинета министров потребовался целый год для извлечения этих уроков. Депутат от КПРФ Нина Останина пыталась обвинить правительство в том, что оно, не увеличивая размер пособий на детей, фактически выступает против здорового общества. Кабинет Фрадкова можно обвинять во многих недоработках, но, пожалуй, не в этом. Правительство недавно поддержало предложение депутатов по увеличению пособий, правда, признав, что это лишь малая толика необходимого. "Нужна комплексная политика по работе с молодежью", - согласился Фрадков.

Даже в том случае, если мы согласимся с мнением автора и признаем критику депутата Останиной безосновательной, остается вопрос: почему из нескольких десятков депутатских выступлений, критических по отношению к Правительству, было выбрано для представления читателям столь несостоятельное?!

Перейдем к другой теме и рассмотрим материал Тамары Шкель «Комод от дедушки бесплатно» (подзаголовок: «Отменив налог на наследство, депутаты занялись законотворческой экзотикой»), опубликованный в «Российской газете» 16 июня 2005 г. Композиционно текст делится на две части, содержание

и тональность которых различны, в результате чего возникает контраст. Первая часть, полная иронии и юмора, посвящена необычным инициативам депутатов – «законотворческой экзотике», как выражается автор в заголовке. Во второй – уже серьезно – повествуется об одном из принятых законопроектов, предполагающем отмену налога на наследство. Приведем эту часть полностью:

Депутаты Госдумы вчера избавили россиян от налога на наследование и признали права ближайших родственников – родителей, детей, супругов, бабушек, дедушек и внуков, а также братьев и сестер – делать друг другу подарки, не делаясь процентами от их стоимости с государством. Документ с соответствующими поправками в российское законодательство принят в окончательном третьем чтении (414 голосов "за").

«Единороссы», можно сказать, «продавили» закон, отменяющий эти налоги, своей массой. Правительство сопротивлялось до последнего, отстаивая свою точку зрения - родственники второй очереди должны платить налог на дарение, хотя бы по уменьшенной до пяти процентов ставке. Более дальние родственники и люди, не состоящие в родстве, за полученные дары, причем только те из них, что регистрируются государством, - квартиры, автомобили, земельные участки, акции, доли, паи и прочее подконтрольное имуществу, - в соответствии с принятым законом должны будут платить налог по единой ставке - 13 процентов. Против этого депутаты не возражали.

Итак, закон прошел свой думский путь. Теперь его судьба зависит от сенаторов и президента. Как предполагают эксперты, правительство попытается при рассмотрении закона в Совете Федерации воздействовать на сенаторов, чтобы они отклонили закон. Тогда может быть создана согласительная комиссия, и у правительства появится шанс все-таки внедрить в документ пятипроцентный налог за дарение для бабушек, дедушек, внуков, братьев и сестер. Однако «единороссы» предупреждают: собирать такой налог будет непросто. Построить родственную цепочку, в которой все

окажутся первоочередниками, смогут даже не искушенные в схемах ухода от налога люди.

Если Совет Федерации одобрит, а президент подпишет закон, он вступит в действие с 1 января 2006 года.

Отметим несколько показательных моментов. Во-первых, принятый законопроект оценивается журналистом положительно, так как избавляет или, другими словами, «спасает» [Ожегов, Шведова 1999: 237], россиян от некоторых налогов. Во-вторых, о поддержке законопроекта на пленарном заседании заявили представители фракций «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР, однако о позиции двух последних журналист предпочел умолчать. Хотя из выступления депутата от ЛДПР А.В.Митрофанова стало известно о том, что эта партия давно предлагала принять соответствующий закон. А депутат от КПРФ О.Н.Смолин не только сообщил о концептуальной поддержке законопроекта, но и обозначил его проблемные места:

...фракция Компартии Российской Федерации поддержит этот законопроект, поскольку он действительно касается многих-многих миллионов наших избирателей, в том числе с низкими и средними доходами. Вместе с тем наше отношение к этому законопроекту по крайней мере двойственное, уважаемые коллеги, ибо от его принятия рядовые граждане выиграют какие-нибудь, может быть, сотни или максимум тысячи рублей, а так называемые олигархи выиграют миллионы и миллиарды долларов.

Вся эта информация, на наш взгляд, была бы не лишней для создания всестороннего отчета о рассмотрении законопроекта, однако она осталась «за кадром».

В результате устанавливается прямая связь между фракцией «Единая Россия» и позитивными изменениями в законодательстве:

Депутаты Госдумы вчера избавили россиян от налога на наследование и признали права ближайших родственников <...> делать друг другу подарки, не делясь процентами от их стоимости с государством <...> «Единороссы»,

можно сказать, «продавили» закон, отменяющий эти налоги, своей массой. Правительство сопротивлялось до последнего...

Так, умалчивая о других фракциях, журналист формирует положительный образ «Единой России». Причем последняя представлена в образе почти оппозиционной фракции, которая «продавливает» решения, преодолевая сопротивление правительства. Таким образом, на фоне «плохого» правительства, не желающего облегчать налоговое бремя, парламентское большинство выглядит подчеркнуто позитивно.

Впрочем, как уже было отмечено, материал состоит из двух частей. Мы охарактеризовали вторую. А первая посвящена необычным инициативам депутатов, описывая которые журналист активно использует иронию и юмор:

Вчера депутат Сергей Иванов (ЛДПР) предложил наградить главу РАО «ЕЭС России» Анатолия Чубайса Почетной грамотой Государственной Думы в связи с его пятидесятилетием. А его коллега Алексей Митрофанов призвал Думу поучаствовать в судьбе осужденного Ходорковского и посоветовать компетентным органам определить Ходорковского для отбывания наказания не в обычную колонию, а на необитаемый остров <...>

Чем ближе окончание весенней сессии Госдумы, тем экзотичнее идеи, что овладевают депутатскими головами. То народные избранники вдруг вспомнят, что у нас в больших начальниках ходят сплошь мужчины, и потребуют - отдайте женщинам Россию, они порядок наведут. Впрочем, тут же согласятся на меньшее - всего лишь на пост вице-премьера по социальным вопросам, который, по мнению Алевтины Апаринной (фракция КПРФ), следует вернуть в правительство. И назначить на него умную, понимающую, опытную женщину <...>

Фракция ЛДПР в части экзотического законотворчества продвинулась даже дальше депутата «Родины» Александра Чуева, известного своими проектами по борьбе с абортами и попытками законодательного урегулирования пересадки человеческих органов. Тому же Алексею Митрофанову принадлежит инициатива выбирать президента России не

всенародно, а группой избранных, то есть самими депутатами Госдумы. Предложенные им поправки в Конституцию, правда, на днях были отвергнуты парламентским большинством. Однако кто знает? Ведь и обращенный к думцам призыв Митрофанова встать на защиту «великого певца Майкла Джексона», которого не любит Буш, и пригласить Джексона на постоянное жительство в Россию тоже на прошлой неделе был встречен смешками и ироничными репликами. А присяжные в американском суде как будто услышали Митрофанова и оправдали певца по всем статьям, хотя и сами не могут понять почему.

В этой части журналист сообщает об инициативах представителей всех фракций, кроме «единороссов». Вероятно, на то есть объективные причины: представители парламентского большинства редко выступают с подобными «экзотическими» инициативами. Но, сопоставив содержание обеих частей текста, читатель невольно противопоставляет оппозиционные фракции, занимающиеся непонятно чем и превращающие ГД в цирк, конструктивно настроенному парламентскому большинству. Такого эффекта можно было бы избежать, разделив текст и представив его в виде двух самостоятельных материалов. В одном – повествование об «экзотических» инициативах депутатов – об этом, безусловно, не следует умалчивать. В другом – информация о принятом законопроекте и его обсуждении, хотя упомянуть о том, как голосовали представители оппозиционных фракций, следовало бы и в этом случае.

Посмотрим, как представлена информация об этом же заседании ГД в другом журналистском материале. Текст Натальи Калининой опубликован 16 июня 2005 в «Новых Известиях» под заголовком «Борцы с "апартеидом"» (подзаголовок: «Депутаты встретили реформу образования в штыки»). Внимание автора, так же как и в предыдущем примере, привлекли две темы: уже упоминавшиеся «экзотические» парламентские инициативы («Начало утреннего заседания Госдумы прошло в жанре юмористической программы

"Аншлаг"». – говорится уже в первых строках текста) и «правительственный час», посвященный проблемам и перспективам развития системы образования.

В первой части текста журналист рассказывает о предложениях депутатов от ЛДПР:

Сначала депутат Сергей Иванов предложил наградить главу РАО ЕЭС Анатолия Чубайса почетной грамотой Государственной думы за активный вклад в работу парламента. «Если бы не Чубайс, то некоторым в зале просто нечего было бы обсуждать», – объяснил свою идею парламентарий. Выступивший следом Алексей Митрофанов предложил сослать Ходорковского и Лебедева на необитаемый остров <...> Инициатива еще одного элдэпээровца Олега Малышкина вообще сильно смахивала на бред. «У меня в деревне бабка снимает порчу, давайте я ее приглашу, – неожиданно предложил депутатам экс-охранник Жириновского. – А то у Rogozina бесы какие-то появляются, то драконы, то у нас какое-то теневое правительство появляется. А сегодня ночью я вышел на балкон, там ворона сидит и человеческим голосом говорит. Надо что-то делать, ворон пострелять или что-то еще».

Перечисленные инициативы выглядят особенно контрастно на фоне спокойной, действительно парламентской, реакции председательствующего на заседании:

Спикер Госдумы Борис Грызлов выслушал дикие идеи парламентариев совершенно невозмутимо, на его лице не дрогнул ни один мускул. Председатель парламента пообещал рассмотреть все предложения коллег.

Итак, «дикие идеи» депутатов от ЛДПР противопоставлены выдержке Бориса Грызлова, который представлен в тексте не как руководитель фракции «Единая Россия», а как председатель Государственной Думы, что позволяет избежать столкновения двух политических сил (в противном случае одна фракция воспринималась бы подчеркнуто положительно на фоне другой).

Далее повествуется о «правительственном часе», в рамках которого прозвучал доклад министра образования Андрея Фурсенко. Упоминание партийной (фракционной) принадлежности встречается здесь один раз:

Депутаты встретили инициативы министра в штыки, сочтя, что они, вопреки заявлениям чиновника, серьезно ограничат доступность образования. Например, вводимые дополнительные образовательные коммерческие услуги или же переход на двухуровневую систему, одна из которых, вероятнее всего, будет платной. Депутаты не стеснялись в выражениях. Так, представитель КПРФ Олег Смолин предлагаемую систему образования назвал системой образовательного апартеида, при которой ущемляются права выпускников из необеспеченных семей. «Именно при вашем министерстве студенты стали бросать яйца в чиновников-министров, а академики впервые за 300 лет свистят», – заметил он.

Выделенное нами определение позволяет идентифицировать Олега Смолина как члена КПРФ. То есть журналист приводит мнение представителя лишь одной политической силы, представленной в ГД. Однако это мнение не противопоставлено позиции представителей других фракций. Напротив, оно призвано проиллюстрировать настроение всех депутатов (автор предварительно сообщает: «Депутаты встретили инициативы министра в штыки; Депутаты не стеснялись в выражениях», а затем приводит мнение Олега Смолина в качестве иллюстрации к сказанному).

Таким образом, материал Натальи Калининой композиционно и содержательно коррелирует с рассмотренным ранее материалом Тамары Шкель, однако в тексте «Борцы с "апартеидом"» нет противопоставления конструктивно настроенной фракции парламентского большинства и деструктивно настроенной оппозиции.

Сделаем выводы. Проведенное нами исследование показало, что российские СМИ уделяют достаточное внимание освещению деятельности ГД. Эта деятельность оценивается по-разному: как положительно, так и отрицательно. Критических материалов достаточно много, что представляется

вполне естественным в государстве, декларирующем свободу слова и убеждений. При этом мы не обнаружили преобладания материалов, направленных на создание устойчивой отрицательной оценки самого института парламентаризма (отдельные мнения о необходимости упразднить ГД и парламент вообще представлены в СМИ, но число таких суждений крайне невелико).

Однако в некоторых материалах наблюдается тенденциозный отбор информации: освещая деятельность парламента, журналисты отдают предпочтение информации о деятельности большинства, тем самым дискриминируя оппозиционные фракции; освещая деятельность оппозиции, журналисты отдают предпочтение негативной информации, замалчивая позитивно воспринимаемые сведения, причем при освещении деятельности «правлящей» фракции наблюдается противоположный подход. Правда, подобная тенденциозность, как показывает наш материал, не носит системный характер.

В итоге, сегодня только реципиент, потребляющий продукт нескольких СМИ, имеет возможность составить адекватное представление о деятельности ГД в целом, парламентского большинства и оппозиции. Активные потребители информации могут получить максимально объективные данные о деятельности ГД посредством интернета: на официальном сайте ГД представлены стенограммы всех пленарных заседаний нижней палаты и другие сведения, способствующие формированию адекватного образа ГД, фракций и депутатов. Словом, аудитории СМИ можно дать совет, аналогичный тому, что дают финансисты гражданам, имеющим сбережения: диверсификация источников информации поможет избежать негативных последствий, в частности, связанных с формированием неадекватного образа ГД, фракций и политических партий, а также отдельных парламентариев.

Литература:

- БСИС 2002 – Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю.Москвин. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф: ООО «Полюс», 2002. 816 с.
- Демьянков 2002 – Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32–43.
- Ожегов, Шведова 1999 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- Регламент – Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Принят 22 января 1998 года [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru>.
- Шейгал 2000 – Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

Практики конструирования образа персонажа журналистского текста: возможности манипулирования

Манипулятивный эффект, оказываемый СМИ на аудиторию, очевиден. Основной силой и оружием журналистов признана информация. Именно информация, оперативное ее использование является властным ресурсом в обществе. «Рассматривая роль массовых коммуникаций и их влияние на политические процессы, российские политологи отмечают, что в постиндустриальном обществе власть знаний и информации становится решающей в управлении обществом, оттесняя на второй план влияние денег и государственного принуждения. Причем непосредственными носителями и, особенно, распространителями знаний и другой социально значимой информации являются средства массовой коммуникации» (Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию, М., 1995. С.254).

СМИ как обладатели информации (по крайней мере, в большей степени, чем другие субъекты) сыграли огромную роль в становлении новой России. Благодаря СМИ корректировалась расстановка политических сил, формировалось мнение масс о лидерах политических организаций; приемы манипулирования сознанием аудитории, используемые в СМИ, сделали много для создания определенных настроений в обществе (см об этом: Н.Р.Балынская, Ю.В.Миронов «Функционирование СМИ как субъекта политики в условиях новой России» // «Судьба России. Вектор перемен», М., 2007. – 544 с.). Роль СМИ в жизни человека подробно описана в литературе: «СМИ – условие успешной карьеры, СМИ – средство развлечения, СМИ – способ ориентации, СМИ – средство обучения, СМИ – поле для творчества, СМИ – сфера самораскрытия, СМИ – катализатор всех социальных процессов» (Е.И.Пронин, Е.Е.Пронина, «Информационная безопасность: медиатерапия против политтехнологий» // «Профессиональная культура журналиста как фактор информационной безопасности», Екатеринбург,

2008. С. 21). СМИ имеют настолько весомое положение в политической, экономической, культурной и т.д. сферах человеческого существования, что журналистов относят к едва ли не ведущим факторам влияния на будущее России. На наш взгляд, это чересчур громко сказано, однако предметом внимания исследователей журналистики становится не только воздействующая сила СМИ, но и безопасность человека, связанная с использованием информации. Появляются новые термины: информационная безопасность, информационные войны, информационная травма, информационная терапия (И. Дзялошинский, Г. Почепцов, Е.И.Пронин, Е.Е.Пронина).

Наша работа также посвящена одному из аспектов информационной безопасности (далее - ИБ) применительно к журналистике. Во-первых, под ИБ подразумевается безопасность самих журналистов. В данном случае речь идет о защите самих журналистов от манипулирования ими со стороны государственных, властных структур, о возможности получения журналистами информации.

Во-вторых, ИБ определяется как «такое состояние системы СМИ, когда все социальные субъекты: надежно обеспечены полной, достоверной, оперативно поступающей информацией, позволяющей ориентироваться в действительности и принимать оценочные и поведенческие решения; имеют доступ к информационным ресурсам и СМИ в соответствии с их стоимостью и режимом получения; могут знакомиться с различными позициями, точками зрения и оценками общественно значимых явлений и событий...» (Б.Н. Лозовский, «Журналистика: краткий словарь», Екатеринбург, 2004. С. 37)

В-третьих, ИБ – это понятие, связанное с безопасностью общества, на которое выливается из СМИ вся агрессия, весь ушат политических страстей, подчас самых грязных и низких выяснений отношений между представителями власти, между политическими деятелями и СМИ и т.п. В этом случае под расширением, развитием, поддержкой ИБ

подразумевается ограничение агрессивных текстов в СМИ, уменьшение давления на адресата, снижение манипулирования мнением и эмоциями читателей СМИ. Данное понимание ИБ ближе к целям нашей работы, его мы будем считать рабочим определением ИБ. Однако хотелось бы высказать еще некоторые соображения относительно самого термина «информационная безопасность».

На наш взгляд, термин ИБ подразумевает некий смысловой ряд: *безопасность – спокойствие – мир*, которому на понятийном и языковом уровне противопоставлен другой ряд: *опасность – угроза – война*. Применительно к человеческим отношениям понятия «мир – война», «угроза – спокойствие» понятны и верны. Но насколько правильно говорить об ИБ, а уж тем более об информационной войне применительно к СМИ? Война, информационная или любая другая, подразумевает наличие врага, наличие стратегии действий, причем сознательно разработанной и долговременной, ведь необходимо одержать победу над врагом. А кто может выступать сегодня врагом СМИ? Государство, чьи интересы СМИ в большинстве своем поддерживают? Можно ли говорить о стратегии, продуманном и долговременном плане действий всей совокупности СМИ? На наш взгляд, нельзя, поскольку СМИ не имеют четкого (да иногда даже и приблизительного) представления о том, каковы будут в ближайшее время расстановки политических или экономических сил. Журналисты отражают определенные политические, экономические, социальные интересы, очень многие издания делаются сегодня по «указке» учредителей и/или собственников. Журналисты подчас не знают, какое руководство к действию получат к обеду, будет ли оно соответствовать тому, которое было оглашено к завтраку. Отсюда, на наш взгляд, правомернее говорить не об информационной безопасности, не об информационной войне, а об управлении информацией, о факторах, влияющих на корректирование потоков информации (обсуждение границ термина ИБ см. также в работах И. Дзялошинского).

Тем не менее мы принимаем сам термин ИБ в силу устойчивости его употребления и намерены проанализировать тексты СМИ с точки зрения ИБ в следующем аспекте: показать воздействующий потенциал текста, предположить негативный или положительный эффект, который оказывает материал СМИ на аудиторию. Такой анализ журналистских текстов, текстов СМК, с точки зрения их воздействующей силы существует давно. Множество работ посвящено манипуляции сознанием и эмоциями адресата со стороны СМИ (Доценко Е.Л., Грачев Г., Кара-Мурза С., Цуладзе А., Шейнов В.П.), агрессии в СМИ (Щербинина Ю., Муравьева Н., Жельвис В.), конструированию в СМИ особой реальности для адресата (Дзялошинский И., Почепцов Г.). Близким вопросам посвящены работы: Богомоловой Н.Н., Ермакова Ю.А., Шерковина Ю.А. и других авторов. Таким образом, понятие ИБ во многом, на наш взгляд, связано с такими понятиями, как манипулирование, воздействие СМИ на аудиторию, хотя нельзя отрицать, что проблемы ИБ получают более широкое осмысление.

В рамках разработки проблем ИБ учеными вводятся новые термины «медиатерапия», «медиааналитика», «медиаобразование», даже постулируется появление науки «медиапсихология». Выработывается система медиапсихологической защиты населения от информационных атак СМИ (Е.И.Пронин, Е.Е.Пронина, «Информационная безопасность: медиатерапия против политтехнологий» // «Профессиональная культура журналиста как фактор информационной безопасности», Екатеринбург, 2008).

В рамках обозначенного нами аспекта ИБ мы рассмотрим деятельность СМИ по отношению к адресату. СМИ действительно оказывают большое влияние на представление аудитории о мире, о современной жизни, создают образ реальности, с которой адресат лично не знаком, сообщают то, что человеку помогает ориентироваться в информационных полях, потоках сведений. СМИ могут навязывать определенные мнения, создавать убеждения. Например, в глазах читателей, зрителей намеренно создается

положительный или отрицательный образ лидера какой-либо политической партии, руководителя какой-либо отрасли, области, города и т.д. Создается оценочное представление о действиях конкретного представителя руководства местного или государственного уровня, навешиваются определенные ярлыки, чтобы объект описания был не просто узнаваем, а за ним стояла целая цепочка знаний: о нем самом, о его деле, об отношении к делу, знания о том, как оценивают его окружающие и т.д. Все это навязывается адресату СМИ. СМИ активно используют различные приемы манипулирования сознанием и эмоциями адресата, а тот факт, что манипулятивный процесс широко изучается исследователями и подробно описывается в литературе, приводит к тому, что авторы СМИ все более умело применяют средства воздействия и манипулирования в своих текстах.

В качестве примера того, как журналисты меняют представление своей аудитории о политическом лидере, разберем тексты Агентства Политической Информации (далее - АПИ).

Агентство работает в Екатеринбурге уже 10 лет, оно контролируется администрацией города, т.е. в первую очередь ориентируется на интересы мэра А.М.Чернецкого. Политическая борьба между городской администрацией Екатеринбурга (мэр Чернецкий А.М.) и администрацией Свердловской области (губернатор Россель Э.Э.) велась давно, на протяжении многих лет. Эта «война» видна как в СМИ, контролируемых городскими властями, так и в СМИ, контролируемых областными властями. Тексты АПИ хорошо иллюстрируют наш тезис о том, что журналисты подчинены своему политическому руководителю: используют заданный объем информации и интерпретируют эту информацию в соответствии с указаниями «сверху». Эта зависимость напрямую влияет на характер оценок, способы подачи сведений, методы отбора фактов, языковое оформление материалов. Это видно в текстах АПИ, посвященных губернатору Свердловской области Э.Э. Росселя. Проанализируем данные тексты за период с конца 2004 года до начала 2007, чтобы показать, как АПИ, рисуя

образ Росселя, реагировало на изменение отношений между двумя политиками: Росселем и Чернецким, как менялись акценты и оценки в создании образа губернатора из-за тех политических изменений, которые происходили в регионе.

В целом картина взглядов АПИ относительно Росселя выглядит так. 2004 год – АПИ поддерживает противостояние «город-область», периодически появляются материалы, негативно характеризующие Росселя. В 2005 году ситуация накаляется, АПИ открыто дискредитирует губернатора, в адрес Росселя предъявляются нешуточные претензии, конфликт «город-область» обостряется. АПИ официально разрешено дискредитировать противника, ситуация в городе и области позволяет журналистам создавать резко негативный имидж «неудобного» политика. Можно сказать, что нет повода для перемирия, нет преград для того, чтобы игнорировать поводы для очернения губернатора. Однако уже к лету 2005 года наступает период затишья. Именно в это время политические лидеры получили сигнал из Москвы о том, что Россель будет переизбран губернатором в третий раз, а Чернецкий по-прежнему станет избираться на пост мэра народным голосованием, а не по «московскому заказу». Кроме того, город получит финансирование на строительство метрополитена и дорог – в том случае, если взаимное противостояние «город-область» прекратится. Вдобавок ко всему именно в этот период Э.Э.Россель должен был стать почетным гражданином Екатеринбурга. По сути, представителям разных властных структур было «сверху» запрещено негативно отзываться друг о друге в СМИ. В журналистских кулуарах это называлось «дружим по причине». АПИ было вынуждено реагировать на данное указание. По сравнению с уровнем агрессии, адресуемым правительству области весной 2005 года (см. АПИ, 28.04.05 «Россель потерял хватку и практически отошел от дел»), летние публикации гораздо менее агрессивны и резки по отношению к Росселю и его команде. Ситуация в городе и области стабилизируется. Тексты АПИ становятся ровнее, прямые выпады против губернатора

исчезают. 2006 год проходит относительно спокойно. Росселя назначают в третий раз на должность губернатора Свердловской области. АПИ позволяет себе редкие и не прямые выпады в его адрес, а сам Россель уже не пропагандирует активно идею создания «центрального округа Свердловской области» (идея, которая очень раздражает команду городской администрации). В конце 2006 – начале 2007 года держится зыбкий нейтралитет. Во-первых, это связано с тем, что регион более активно начинает развиваться, появляются инвесторы, которые одинаково предоставляют финансирование и городским, и областным властям. Во-вторых, в декабре 2006 года в Екатеринбурге состоялся съезд партии «Единая Россия», членами которой являются и мэр, и губернатор. Поэтому в декабре 2006 года мы видим в АПИ только краткие высказывания в адрес Росселя, данные вскользь. Кроме того, в России грядут выборы в Государственную Думу, поэтому по политическим соображениям начинается сближение Чернецкого и Росселя, что отражается и в текстах АПИ. 2007 год характеризуется спокойствием: будучи членами партии «Единая Россия», Чернецкий и Россель выражают публичное уважение друг к другу. АПИ в своих комментариях занимает нейтральное положение.

Таким образом, в результате изменений отношений между ведущими политиками меняются позиции АПИ. Меняется способ подачи образа губернатора Э.Э.Росселя. Это сказывается и на выборе жанра текстов о нем, на частоте упоминания его имени. Меняются языковые средства, создающие образ этого человека, характеризующие его деятельность и, следовательно, создающие отношение к нему со стороны адресата. Рассмотрим некоторые тексты.

Материалы 2004 года отличаются яркой эмоциональной насыщенностью, обилием прямых негативных оценок в адрес Э.Э.Росселя. Например:

Путинские тезисы о вертикали власти — каждый услышал то, что захотел/ 15.09.04/АПИ.

«В понедельник, 13 сентября, Президент России Владимир Путин провел в Москве расширенное заседание Правительства РФ, в котором приняли участие руководители всех субъектов федерации. На нем глава государства озвучил ряд действий, которые руководство страны будет предпринимать до конца 2004 года, дабы побороть терроризм. Как известно, речь, прежде всего, шла о выборах депутатов Государственной Думы РФ, которые пройдут в 2007 году на основе пропорциональной избирательной системы (все 450 депутатов будут избираться только по партийным спискам), о назначении губернаторов и об усилении влияния глав регионов на формирование органов местного самоуправления. Абсолютное большинство руководителей регионов, политологов и экспертов сразу же после выступления Президента России начали давать оценку предстоящим изменениям политической системы. Объединяет все эти мнения — абсолютное согласие с главой государства в вопросе «реконструкции» политсистемы. Учитывая то, что мы находимся в Свердловской области, то нас, в первую очередь, интересует оценка предложений Путина со стороны местного губернатора Эдуарда Росселя. Комментируя «сентябрьские тезисы» Президента России, свердловский губернатор ясно дал понять, что он видит будущего губернатора не просто главой региона, а фактически «царем» субъекта РФ. Под предлогом борьбы с терроризмом Россель «желает», чтобы Москва передала главам регионов значительные полномочия с существенным финансовым подкреплением. «...» Призыв Путина к губернаторам «усилить влияние на формирование органов местного самоуправления» Россель понял, как «теперь мэры будут зависеть именно от губернаторов, а не от народа». Хотя Президент России, по мнению политологов, скорее всего, имел в виду то, что губернаторам и мэрам придется забыть все распри и усилить взаимодействие.

В данном тексте очевидна негативная оценка губернатора, который, со слов журналистов, желает видеть себя царем Свердловской области и полностью подчинять себе руководство областной столицы. У читателя

создается образ этакого вольного интерпретатора слов президента, при этом, чтобы подчеркнуть нелепость, ошибочность и даже грубость интерпретаций Росселя, суждение Путина расшифровывается «правильно» - с позиции АПИ.

Какие здесь использованы языковые средства создания негативно оценочного образа? Во-первых, у читателя формируется уверенность в том, что Россель интерпретировал слова президента именно так, как об этом пишет АПИ: «губернатор ясно дал понять». Во-вторых, используется преувеличение, гипербола: «видит не просто главой региона, а фактически «царем» субъекта РФ». В данном случае для читателя делается акцент на желании увеличения полномочий со стороны губернатора, создается впечатление, что Россель будет обладать безраздельной властью, подчинять себе, своей личной воле все структуры. Образ Росселя-царя подкрепляется глаголом «желает», при употреблении которого кавычки не столько придают метафоричность высказыванию, сколько усиливают иронию по поводу губернатора. В-третьих, упрек, который использован в тексте, подчеркивает, что Россель заботится только о своих интересах, мало внимания уделяя серьезным проблемам, используя их только как повод получить значительную, выгоду для себя: «под предлогом борьбы с терроризмом». Главный тезис, отражающий суть отношения АПИ к Росселю, дан в конце текста: «Призыв Путина к губернаторам «усилить влияние на формирование органов местного самоуправления» Россель понял, как «теперь мэры будут зависеть именно от губернаторов, а не от народа». В данном случае читателю навязывается мысль о том, что народ, т.е. сами читатели, исключаются из процесса управления жизнедеятельностью региона, что народ не будет принимать ни малейшего участия в жизни города и области, все будет решать один губернатор.

Эдуард Россель потерял хватку и практически отошел от дел /28.04.05/ АПИ.

«В последнее время 67-летний губернатор Свердловской области Эдуард Россель, видимо, увлекся побитием рекорда «У кого больше всего отпускных

дней в году?». В течение этого года Эдуард Эдгардович практически каждый месяц уходит в отпуск, причем на 2-3 недели. А его полномочия фактически исполняет председатель областного правительства Алексей Воробьев. «...» Но если раньше губернатор проводил свой отпуск исключительно на территории, как он сам говорил, «родной Свердловской области» и призывал всех российских и иностранных туристов посетить Средний Урал, с которым по своей природной красоте не может сравниться ни одна точка мира, то в последнее время Россель-путешественник устремил свои взгляды на юг, а именно, в страны Персидского залива. Наверное, ловля рыбы в селе Хоренки, где любит проводить свой отдых губернатор и куда он построил за счет средств областного бюджета современный автобан шириной 15 метров, Росселю уже надоела. «...» Это удивляет, так как практически на всех встречах с журналистами свердловский губернатор «бил себя кулаком в грудь» и заявлял, что никогда не будет проводить свой отпуск за пределами «родной Свердловской области». Тем более что отдых в Объединенных Арабских Эмиратах, где в настоящее время греется на солнышке Россель, удовольствие достаточно дорогое — сутки проживания в отеле «Бурдж Эль Араб», где, по некоторой информации, остановился губернатор, стоит несколько тысяч американских долларов. «...» На протяжении последних двух лет губернатор в рабочее время только и делает, что встречается с различного рода деятелями культуры, космонавтами, священниками и московскими чиновниками, поздравляет их со всеми мыслимыми и немыслимыми праздниками. «...» Причем Россель принимает своих гостей на самом высоком уровне, что обходится областному бюджету «в копеечку». Также губернатор за два последних года объездил не только полстраны и большую часть ближнего зарубежья, но и побывал на всех континентах земного шара, кроме, пожалуй, Антарктиды и Африки. «...» Даже посланию Президента РФ Федеральному Собранию России Россель предпочел съездить за рубеж и передохнуть. «...» По мнению ряда

депутатов облдумы и политологов, такое поведение свердловского губернатора заставляет очень серьезно задуматься над тем, сколько же еще времени Россель продержится в своем кресле. Велика вероятность того, что в ближайшее время Россель напишет письмо Путину о том, чтобы глава государства назначил его на 4-й срок. Эксперты считают, что с вероятностью 90% Президент не внесет кандидатуру Росселя на утверждение в областной парламент и в качестве компенсации может предложить ему должность посла России в Германии. «...» Примечательно, что на всех без исключения встречах Россель рассказывает своим гостям о программе развития производительных сил Свердловской области до 2015 года. Честно говоря, если спросить среднестатистического свердловчанина, знает ли он, что это такое, то этот вопрос поставит человека в тупик. «...» Имидж Росселя-строителя и Росселя-хозяйственника уже давно «канул в Лету». Губернатор, рассказывая сказки про экономические и социальные успехи Свердловской области, оперирует «сказочными» цифрами. Например, когда Россель говорит о финансировании дорожного хозяйства и строительстве екатеринбургского метрополитена, то называет сумму в 3,5 миллиарда рублей, о которых автодорожники и метростроители даже мечтать боятся. При этом реальных денег от области в необходимом для развития количестве ни те, ни другие никогда не видели. «...» Строительство — самая любимая тема для губернатора. Об успехах в этой сфере он готов говорить часами без усталости. Слушая упоенные речи Росселя, невольно задаешься вопросом, на этой ли планете живет губернатор или нет? Все, что строится в области,— это заслуга лично Росселя? «...» В последнее время губернатор любит считать, сколько же избирателей отдали ему свои голоса на последних выборах, которые проходили в 2003 году. Если на отчетно-годовой пресс-конференции в конце 2004 года Россель заявлял, что 2 миллиона свердловчан проголосовали за него, то месяц спустя — уже 3, а в феврале этого года — уже 4(!). «...» Официальные итоги выборов губернатора-2003 свидетельствуют о том,

что на избирательные участки в день голосования пришло чуть более 31% всех избирателей или около 700 тысяч человек. Из них только 56% или 400(!) тысяч избирателей отдали свои голоса за Росселя, а не 2 и уже тем более 4 миллиона свердловчан. Видимо, чувствует Россель, что губернаторское кресло с каждым днем все дальше и дальше ускользает от него и пытается хоть как-то себя подбодрить».

В данном тексте образ Росселя негативен до крайней степени. Создается образ старого, уставшего, корыстного, властолюбивого человека, которому опасно доверять и который уже объективно, в силу возраста, не может продолжать руководить Свердловской областью, однако продолжает держаться за власть, растрачивать казну на личные цели, обманывать жителей области.

Губернатору открыто предъявляются претензии (дорогу на дачу «построил за счет средств областного бюджета»). Подача негативного образа объекта строится на языковой выразительности. Метафорические значения: «увлекся побитием рекорда», «кресло ускользает», «рассказывает сказки» приводит к созданию иронии в тексте. Ироническую и даже саркастическую оценку дополняют фразеологизмы: бил себя кулаком в грудь» и заявлял, что никогда не будет проводить свой отпуск за пределами «родной Свердловской области», принимает своих гостей на самом высоком уровне, что обходится областному бюджету «в копейку», «имидж канул в Лету». Риторический вопрос: слушая упоенные речи Росселя, невольно задаешься вопросом, на этой ли планете живет губернатор или нет? также усиливает негативную характеристику губернатора. Анализ абсурдности поведения Росселя максимально увеличивается за счет оценочной лексики: *Россель-путешественник, Россель-хозяйственник, Россель-строитель* – приложения выступают как иронические характеристики, т.к. деятельность губернатора оценивается очень негативно; *упоенные речи; сказочные цифры*. Образ губернатора-обманщика подчеркивается и доказывается примерами его откровенной лжи, в данном случае АПИ апеллирует к словам объекта и

оценивает правдивость его высказываний: *если на отчетно-годовой пресс-конференции в конце 2004 года Россель заявлял, что 2 миллиона свердловчан проголосовали за него, то месяц спустя — уже 3, а в феврале этого года — уже 4(!)*. В качестве доказательства того, что Россель не продержится долго на своем посту, используется известный прием ссылки на «скрытые авторитеты»: *эксперты считают, что с вероятностью 90% Президент не внесет кандидатуру Росселя на утверждение в областной парламент*.

В целом 2004 год и первая половина 2005 года характеризуется ярким негативным отношением АПИ к Росселю. Тексты полны отрицательных характеристик, журналисты дискредитируют образ Росселя в глазах адресата всеми способами. Видна языковая агрессия, обвинения, насмешка, наклеивание ярлыков и т.п. За удачный повод для написания негативного материала о Росселе считается неудачное высказывание губернатора на пресс-конференции, непоследовательность решений, даже внешний вид. Приведем примеры.

Свердловский губернатор в очередной раз продемонстрировал непоследовательность в своих высказываниях /25.07.05 15:02/

Губернатор Свердловской области на сегодняшнем заседании областного правительства призвал глав городов Среднего Урала привлекать к строительству социально значимых объектов индивидуальных застройщиков. По словам Росселя, предприятия, получившие от муниципалитетов строительный подряд, кроме выполнения заказа, должны также обеспечить и социально ориентированную инфраструктуру на прилегающей территории. Например, провести дороги или построить детский сад. Присутствовавший на том же заседании Аркадий Чернецкий заявил, что он разделяет взгляды Росселя по вопросу привязки застройщиков к социально значимым объектам. Однако глава Екатеринбурга назвал несколько неожиданным это губернаторское заявление. По его словам, именно Россель всегда критиковал то, что «застройщиков вынуждают выполнять лишнюю работу», а сейчас он же призывает этих застройщиков

«задействовать». Кроме того, заявление Росселя сложно назвать своевременным, считает глава Екатеринбурга: в уральской столице строительные компании давно привлекаются к возведению социально значимых объектов, в том числе и детских садов. Так, благодаря этой практике, ежегодно в городе появляется 1000 новых мест в детских дошкольных учреждениях, причем областной бюджет не выделяет на эти нужды ни копейки, рассказал Аркадий Чернецкий.

В данном тексте есть негативная оценка губернатора, которая скрывается в словах мэра Екатеринбурга А.Я.Чернецкого. АПИ в этом случае словно снимает с себя ответственность: упрекает, обвиняет, оценивает Чернецкий, а не авторы АПИ. В тексте видна негативная оценка слов и деятельности губернатора, дан намек на его непоследовательность и противоречивость. Эта мысль отражена уже в заголовке. Обращение к устойчивому знанию населения: детских садов не хватает, делает суждение Чернецкого очень сильным и воздействующим: *ежегодно в городе появляется 1000 новых мест в детских дошкольных учреждениях, причем областной бюджет не выделяет на эти нужды ни копейки*. Слова Росселя также используются в качестве аргумента: *именно Россель всегда критиковал то, что «застройщиков вынуждают выполнять лишнюю работу», а сейчас он же призывает этих застройщиков «задействовать»*. Это доказывает, что губернатор противоречит в своих выступлениях своим же словам, сказанным ранее.

Эдуард Россель ищет рецепты борьбы с бедностью /25.07.05 12:35/

На сегодняшнем заседании областного правительства Эдуард Россель решил высказаться о соотношении минимальной заработной платы и прожиточного минимума. Областной глава заявил, что «нам необходимо ликвидировать людей, которые получают зарплату ниже прожиточного минимума», при этом Россель уточнил, что такое задание дал президент. После секундной паузы, видимо все представили, как Эдуард Эдгардович получает в Кремле такое ответственное задание, весь зал зашелся в хохоте.

Между тем, в зале присутствовали главы муниципальных образований Свердловской области, депутаты законодательного собрания, представители бизнес сообщества. И хотя свердловский губернатор, никак не отреагировал ни на свой конфуз ни на хохот собравшихся, все же с минуту ему пришлось ждать пока народ досмеется. Только тогда Эдуард Россель смог объяснить, что он неудачно выразился, и разумеется имелась ввиду ликвидация мизерных заработных плат.

В данном тексте поводом для очернения образа Росселя стало его двусмысленное высказывание. Однако на одной фразе сделать образ губернатора негативным довольно сложно, поэтому к подробному описанию того, как оконфузился Эдуард Эргардович, добавляется информация, кто был в зале: представители правящей верхушки, бизнесмены... Мол, Россель не следит за речью даже в присутствии высоких чинов, да еще и сваливает все на президента. А смеялся весь зал, стало быть, и чины, и бизнесмены осмеяли Росселя, да так, что тому пришлось ждать, пока зал успокоится. Значит, над Росселем потешаются и политики, и предприниматели.

Таким образом, в качестве повода для создания негативного образа губернатора берутся даже самые незначительные и нелепые случаи.

К концу лета 2005 года ситуация меняется. По текстам АПИ видно, что противостояние город-область стало идти на убыль, то есть поменялись установки. На ленте новостей АПИ появились более спокойные тексты, в которых образ губернатора значительно отличается от того, который был создан в 2004 году. Рассмотрим примеры.

Эдуард Россель официально назначил Александра Левина главой своей администрации /02.09.05 11:04/ АПИ

Губернатор Свердловской области Эдуард Россель подписал указ о назначении Александра Левина руководителем своей администрации и членом правительства области. Об этом сообщает департамент информационной политики губернатора. Напомним, что до этого Левин был заместителем главы администрации Росселя и исполнял обязанности

руководителя администрации губернатора, начиная с того момента, как этот пост покинул Вениамин Голубицкий.

Эдуард Россель в канун дня города пожелал всем жителям Екатеринбурга счастливой жизни и процветания /19.08.05 13:37/ АПИ

Почетный гражданин Екатеринбурга, губернатор Свердловской области Эдуард Россель поздравил екатеринбуржцев с Днем города. Как сообщает департамент информационной политики губернатора, в поздравлении говорится: «В этом году исполняется 282 года с тех пор, как Петр I издал указ о строительстве на берегу Исети, в центре Урала, города, который сейчас заслуженно считается третьим по значимости в России после Москвы и Санкт-Петербурга. Проведение в октябре 2003 года встречи президента Российской Федерации Владимира Путина и канцлера ФРГ Герхарда Шредера на высшем уровне именно в Екатеринбурге красноречиво показало истинное место столицы Урала в экономической и политической жизни страны и подхлестнуло интерес к ней со стороны иностранных инвесторов. Ярким свидетельством возросшего рейтинга стал приход на Урал всемирно известных торговых сетей. Ко Дню города в Екатеринбурге открылся современный торговый центр немецкой компании «Metro cash&carry», на будущий год намечено открытие торгово-развлекательного комплекса «ИКЕА». Но по истине проектом XXI века, который кардинально изменит облик города, станет Сити-центр. «Наши усилия нацелены на то, чтобы преумножить славу, привлекательность и экономическую независимость уральской столицы области, сделать ее не только производственным и деловым, но также культурно-историческим и туристическим центром, чтобы жители и гости Екатеринбурга чувствовали себя комфортно и уютно. Для этого строятся новые дороги, продолжается реконструкция и благоустройство аэропорта «Кольцово», реализуются важные социальные проекты. При поддержке областного правительства в Екатеринбурге продолжают создаваться уникальные, оснащенные на уровне мировых стандартов, медицинские центры».

«Екатеринбуржцы могут гордиться тем, что живут в таком замечательном городе. Здесь работают выдающиеся писатели, художники, актеры. Неотъемлемой частью культурной жизни являются наши прославленные театры, пять из которых носят звание академических».
«Все, что составляет славу и гордость Екатеринбурга, создано руками любящих его жителей — трудолюбивых, сильных духом, образованных, мужественных и волевых людей. Екатеринбург вносит весомый вклад в развитие региона. Девиз: «Опорный край Державы», начертанный на гербе Свердловской области, во многом основан на достижениях и заслугах Екатеринбурга».
По случаю праздника губернатор Свердловской области также направил поздравительную телеграмму главе Екатеринбурга Аркадию Чернецкому. Эдуард Россель пожелал всем жителям уральской столицы счастливой жизни в любимом городе и родном Екатеринбурге, здоровья, успехов, благополучия и процветания!

Екатеринбург красивейший город, и по праву считается третьей столицей, уверен свердловский губернатор /30.08.05 16:59/ АПИ

Активное социально-экономическое развитие, повышение уровня жизни и прогнозируемая финансовая и гуманитарная стабильность в Екатеринбурге делают его привлекательным для жизни. Екатеринбург красивейший город, настоящий центр всего Урала. Не зря он считается третьей столицей России. Развитие экономики и культуры позволяют с оптимизмом смотреть в будущее», — заявил на сегодняшней пресс-конференции свердловский губернатор Эдуард Россель. По его словам, успехи в городском строительстве и развитии инфраструктуры, за пять лет позволят увеличить количество жителей уральской столицы с 1 миллиона 340 тысяч человек до 1 миллиона 700 или даже 900 тысяч городских жителей. Для них, по мнению губернатора, на данный момент и растет Екатеринбург.
Строятся современные жилые дома, огромные торговые центры, спортивные сооружения.
Для занятия бизнесом, в городе возводят красивые офисные сооружения и создаются новые рабочие места, полагает

губернатор. Также он отметил, что рост благосостояния екатеринбуржцев можно легко проследить по увеличению покупок автомобилей. Так в 2003 году горожане купили 40 тысяч авто, в 2004 году 57 тысяч, а до конца года жители уральской столицы приобретут 65 тысяч автомобилей, уверен Россель

В приведенных трех текстах видна сдержанность авторов АПИ. Вместо обширных обзоров по поводу деятельности губернатора теперь АПИ дает информационные заметки, на смену образным характеристикам, оценочным комментариям, ярлыкам пришла стилистически нейтральная констатация фактов, подача только сути события без субъективных оценок губернатора со стороны АПИ. Празднование Дня города, тот факт, что Россель стал почетным гражданином Екатеринбурга, обещание Москвы выделить финансирование на строительство дорог в Екатеринбурге (если не обострится конфликт «город-область») делает тексты АПИ более дипломатичными, отстраненными, словно образ губернатора никогда не интересовал авторов агентства. Можно даже говорить о том, что образ Росселя становится, по сравнению с предыдущими текстами, если не привлекательным, то умеренно положительным. Обильное цитирование слов губернатора приводит к накоплению его позитивных характеристик. В поздравлениях с Днем города содержится множество положительно оценочных слов, комплиментов горожанам, дана высокая оценка действий администрации не только области, но и города: *строятся дороги, возводятся современные торговые центры, бизнес-центры, спортивные сооружения*. Екатеринбургцы получают самую высокую оценку в речи губернатора: *«Все, что составляет славу и гордость Екатеринбурга, создано руками любящих его жителей — трудолюбивых, сильных духом, образованных, мужественных и волевых людей»*. Город и область, если верить данным текстам, сотрудничают тесно и плодотворно: *«Екатеринбург вносит весомый вклад в развитие региона. Девиз: «Опорный край Державы», начертанный на гербе Свердловской области, во многом основан на достижениях и заслугах*

Екатеринбурга»; «По случаю праздника губернатор Свердловской области также направил поздравительную телеграмму главе Екатеринбурга Аркадию Чернецкому. Эдуард Россель пожелал всем жителям уральской столицы счастливой жизни в любимом городе и родном Екатеринбурге, здоровья, успехов, благополучия и процветания!».

Слова Росселя приводятся дословно, не комментируются. Весь негатив остался в прошлом. Образ Росселя сейчас нейтрален или даже окрашен в светлые тона благодаря положительно-оценочной лексике, которая присутствует в выступлениях губернатора. Отсутствует характеристика личности Росселя, нет комментирования его действий, нет характеризующих качественных описаний. Только информация о том, что сказано, когда, кому, что сделано, как, почему. После ярких, выразительных, оценочных текстов 2004-05 годов такая отстраненность удивляет. По сути, для адресата ранее отрицательный герой становится нейтральным.

Тексты 2006 года характеризуются редкими выпадами в адрес Росселя, который в третий раз становится губернатором области. Между руководством Екатеринбурга и Свердловской области держится нейтралитет. Принадлежность к одной партии - «Единая Россия» - делает Росселя и Чернецкого соратниками «по причине». Рассмотрим пример.

**Съезд «Единой России» в Екатеринбурге: полный отчет /04.12.06/
АПИ.**

Безусловно, главным политическим событием для Екатеринбурга за последние несколько лет является тот факт, что именно уральская столица была выбрана Всероссийской политической партией «Единая Россия» для проведения очередного, седьмого, съезда. Главным потому, что «Единая Россия» на сегодняшний день является четко сформированной организацией, фактически контролирующей большинство в Государственной Думе РФ, в целом ряде региональных парламентов, представительных органов власти на местах. <...> Не обошлось и без пикантных моментов на съезде. Когда губернатор Свердловской области Эдуард Россель благодарил «Единую

Россию» за поддержку проектов, значимых для всего региона. «Спасибо партии за огромное внимание к решению проблем промышленного Урала»,— сказал губернатор. Он обращался к «Единой России» так, как будто не имеет к ней никакого отношения. Ведущий на тот момент съезд президент республики Татарстан Минтимер Шаймиев вынужден был приостановить выступление своего свердловского коллеги и указать на то, что Эдуард Россель тоже является членом «Единой России». «Нашей партии»,— отметил глава Татарстан. Эдуард Россель поправился. Однако Минтимер Шаймиев дал понять свердловскому губернатору, что «мы (партия,— прим. АПИ) помним те политические процессы, которые происходили в Свердловской области». Видимо, речь шла о событиях 1990-х годов, когда Эдуард Россель безуспешно пытался создать Уральскую республику.

В данном случае среди огромного текста (в жанре отчета), посвященного съезду «Единой России», всего единожды, почти незаметно на фоне общей информационной насыщенности дана критика Э.Э.Россея. Указание на прошлые идеи губернатора, которые шли вразрез с идеями руководства Екатеринбурга да и федерального центра также, выглядит как упрек. Здесь присутствует также характеристика самой партии «ЕР», создается образ самой главной партии, той, принадлежность к которой позволяет оценивать человека позитивно. Поэтому высказывание Россея, из которого можно сделать вывод, будто себя он к «ЕР» не относит, делает образ губернатора Свердловской области негативным. Однако отрицательный образ не получает развития. Воспоминания о событиях 90-х годов не комментируются журналистами АПИ, можно сказать, игнорируются, что опять же говорит о сдержанности, о смене приоритетов в характеристике идейного противника.

2007 и 2008 годы ознаменованы удивительным уважением, которое демонстрирует АПИ по отношению к Росселю. То, что и Чернецкий, и Россель являются членами «Единой России», по сути, правящей партии в стране, то, что в стране прошли выборы президента, выборы депутатов в Государственную Думу, депутатов в областную Думу Свердловской области,

то, что Чернецкий снова был избран на пост мэра Екатеринбурга, – все это становится поводом для сдерживания негативных эмоций. АПИ в 2008 году дает огромное количество новостей, в которых Россель оценивается положительно. Приведем примеры.

Губернатор в рамках агитационного тура объехал весь северный округ области и ответил на все вопросы северян /21.02.08 14:55/ АПИ.

Губернатор Свердловской области Эдуард Россель в рамках своей поездки по Северному управленческому округу встретился с представителями муниципальных образований Серова, Краснотурьинска, Волчанска, Карпинска, Североуральска. Губернатор поблагодарил северян за политическую активность. Именно они во многом обеспечили высокий результат Свердловской области на выборах депутатов Государственной Думы 2 декабря 2007 года. Поэтому, заявил Эдуард Россель, он уверен, что новый политический экзамен 2 марта северяне выдержат на «отлично». Как сообщает департамент информационной политики губернатора, на встречах с избирателями губернатор рассказывал о тех приоритетных национальных проектах, которые осуществляются в Свердловской области, о наших региональных программах. Особенный упор в выступлении был сделан на перспективы развития села. Стоит отметить, буквально на днях в селе Байны Богдановичского района с участием Эдуарда Росселя прошел первый съезд селян «Уральской деревне — новую жизнь», где обсуждалась губернаторская программа «Уральская деревня». Говоря о развитии Северного округа, Эдуард Россель отметил, что эта территория Среднего Урала развивается очень гармонично. Серовский металлургический завод имеет прекрасные планы на много лет вперед. Начинается реконструкция Серовской тепловой электростанции. Ферросплавный завод реконструирует производство и активно реализует социальные программы, в том числе, строит жилье. Прекрасные планы и у других муниципальных образований. В Краснотурьинске, фактически, будет строиться новый завод. В марте этого года начнется строительство линий электропередач, которые

позволят получить северу области дополнительно более 600 Мегаватт электроэнергии, которой сегодня так не хватает для развития производства и для решения социальных вопросов. В Карпинске начинается подъем практически всех предприятий, отмечено снижение безработицы. В Волчанске в ближайшее время появится новое производство Уралвагонзавода. В том числе, здесь будут делаться заготовки для вагонов. Североуральск развивается как никогда в советское время — ведется реконструкция всех перспективных шахт и обновляется сам город. В 2007 году из шести миллиардов рублей, выделенных на строительство дорог в Свердловской области, четыре были израсходованы на строительство и ремонт дорог севера Свердловской области. Заканчивается строительство магистрали, которая соединит Средний Урал с Ханты-Мансийским автономным округом. Эдуард Россель заявил, что при достаточном бюджетном финансировании, а в 2008 году на строительство северной дороги будет выделено не менее двух миллиардов рублей, через год мы полностью пустим эту магистраль в эксплуатацию. Поэтому уже сегодня в этих местах надо развивать придорожную инфраструктуру. Губернатор призвал инициативных северян развивать свои бизнес в этой сфере предпринимательства. Губернатор также отметил, что в связи с бурным развитием экономики Свердловской области, в бюджеты и областного, и местных уровней поступают все большие средств, в результате чего решаются самые масштабные проблемы. На каждой из встреч Эдуард Россель отвечал на многочисленные вопросы ее участников. Рассказал Эдуард Россель и о перспективах строительства жилья, о развитии стройиндустрии, поскольку большое количество вопросов касалось этих проблем. Северяне интересовались, будут ли доступны по цене строительные материалы местного производства для строительства жилья. «Запасы сырья для производства стройматериалов, – отметил Эдуард Россель, – у нас сегодня такие, что могут обеспечить заводы по выпуску стройматериалов вдвое большей мощности, нежели сейчас. Мы

строим новые цементные и кирпичные заводы, разрабатывает месторождения щебня. Мы можем обеспечивать строительный комплекс Свердловской области всем, что необходимо для возведения комфортного и доступного по цене жилья. Но есть законы рынка, которые переступить никто не может. Чтобы добиться снижения цен на стройматериалы и жилье, надо создать их избыток. Вот когда цены снизятся. Мы уже приближаемся к этому моменту, когда жилье станет доступным, в том числе и молодым семьям. Предпосылки для этого уже есть: так в 2007 году количество кредитов, выданных на строительство жилья, увеличилось по сравнению с предыдущим годом в 2,6 раза. Причем, кредиты выдаются теперь на 20-30 лет, то есть на достаточно длительный срок. А это значит, что люди уверены в своем будущем и в той политике, которую проводят органы власти Свердловской области и российского государства» — подчеркнул свердловский губернатор.

Эдуард Россель получил «Достык» — высшую награду республики Казахстан 12.03.08 17:33/ АПИ.

Губернатору Свердловской области Эдуарду Росселю сегодня торжественно вручили казахский орден «Дружбы» II степени. Высшую награду республики Казахстан — «Достык» глава Свердловской области получил в Москве, в посольстве Республики Казахстан в Российской Федерации, из рук чрезвычайного и полномочного посла Нуртая Абыкаева — сообщает департамент информационной политики губернатора. Нуртай Абыкаев отметил, что Эдуард Россель удостоен этой награды согласно указу президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева «За заслуги перед государством, активную общественную деятельность, значительный вклад в социально-экономическое и культурное развитие страны, укрепление дружбы и сотрудничества между народами». Эдуард Россель в ответном слове поблагодарил руководство Казахстана в лице президента Республики Нурсултана Назарбаева за высокую награду. Губернатор Свердловской области подчеркнул, что сотрудничество между Средним Уралом и

Казахстаном имеет крепкие корни: год от года развиваются экономические и культурные связи. Стоит отметить, что орден «Достык» — награда, вручаемая казахским правительством иностранным гражданам за вклад в развитие мира и отношений между народами. Этой награды уже удостоены такие выдающиеся общественно-политические деятели, как Алексий II, Кофи Аннан, Михаил Калашиников, Сергей Лавров, Евгений Примаков, Аман Тулеев, Маргарет Тэтчер.

Эдуард Россель прервал предвыборный отпуск /26.02.08 10:10/ АПИ.

Губернатор Свердловской области Эдуард Россель во вторник по служебной необходимости на один день вышел из предвыборного отпуска. Как сообщает департамент информационной политики губернатора, сегодня губернатор проведет расширенное заседание правительства Свердловской области, посвященное итогам социально-экономического развития Среднего Урала в 2007 году и задачам на 2008 год. Напомним, Эдуард Россель участвует в избирательной компании партии «Единая Россия» в качестве кандидата в депутаты областной думы, выборы в которую пройдут 2 марта 2008 год.

В данных текстах Россель не имеет ни одной негативной черты. Судя по их содержанию, деятельность Росселя не только не вредит области и городу, но и приносит огромную пользу для развития популярности «Единой России». Россель агитирует жителей области перед выборами президента, Россель получает заслуженные награды, Россель даже прерывает предвыборный отпуск, чтобы навести порядок! Высказывания Росселя даются только с положительной оценкой, его деятельность по развитию области оценивается как «прекрасная», активность Эдуарда Эдгардовича позитивно влияет на ситуацию в области перед выборами. Губернатор характеризуется как активный, настроенный на сложную и долгую работу деятель. Ему вручена награда, которой удостоены одни из самых уважаемых людей в мире: *Алексий II, Кофи Аннан, Михаил Калашиников, Сергей Лавров, Евгений Примаков, Аман Тулеев, Маргарет Тэтчер.*

Все приведенные высказывания Росселя касаются тех же тем, которые обсуждались в 2004 - 2005 годах, однако ракурс, с которого оценивается деятельность губернатора, меняется. Если ранее читателю приводили доказательства того, что радужные фразы Росселя – обман, то теперь в текстах 2008 года обещания Росселя, его планы, намеченные им перспективы даны только с положительной оценкой. Если раньше цифры, названные Росселем, подвергались осмеянию, резкой критике, то теперь статистика от губернатора *не комментируется совсем или оценивается положительно.*

Приведем для сравнения одну цитату: *«Когда Россель говорит о финансировании дорожного хозяйства и строительстве екатеринбургского метрополитена, то называет сумму в 3,5 миллиарда рублей, о которых автодорожники и метростроители даже мечтать боятся. При этом реальных денег от области в необходимом для развития количестве ни те, ни другие никогда не видели. Для того, чтобы автодорожники строили современные, отвечающие всем транспортным требованиям дороги, необходимо, чтобы на эти цели в бюджете области было запланировано минимум 9 миллиардов рублей. А чтобы в Екатеринбурге развивалось метро, нужно не 180 миллионов, а 1 миллиард рублей. Строительство — самая любимая тема для губернатора. Об успехах в этой сфере он готов говорить часами без устали. Слушая упоенные речи Росселя, невольно задаешься вопросом, на этой ли планете живет губернатор или нет? («Эдуард Россель потерял хватку и практически отошел от дел», 28.04.05 АПИ).*

И сопоставим с первой вторую цитату: *«Развитие экономики и культуры позволяют с оптимизмом смотреть в будущее», — заявил на сегодняшней пресс-конференции свердловский губернатор Эдуард Россель. По его словам, успехи в городском строительстве и развитии инфраструктуры, за пять лет позволяют увеличить количество жителей уральской столицы с 1 миллиона 340 тысяч человек до 1 миллиона 700 или даже 900 тысяч городских жителей. Для них, по мнению губернатора, на данный момент и растет Екатеринбург. Строятся современные жилые*

дома, огромные торговые центры, спортивные сооружения. Для занятия бизнесом, в городе возводят красивые офисные сооружения и создаются новые рабочие места, полагает губернатор. Также он отметил, что рост благосостояния екатеринбуржцев можно легко проследить по увеличению покупок автомобилей. Так в 2003 году горожане купили 40 тысяч авто, в 2004 году 57 тысяч, а до конца года жители уральской столицы приобретут 65 тысяч автомобилей, уверен Россель» («Екатеринбург красивейший город, и по праву считается третьей столицей, уверен свердловский губернатор», 30.08.05 АПИ).

В этих примерах хорошо видна разница подачи сведений. Одна статистика от Росселя вызывает только отрицательную оценку: обман, ложь, намеренное введение в заблуждение, лакировка действительности. Слова используются только с негативной окраской, метафоры отрицательно-оценочные: *упоенные речи* (оценка не положительная, упоение в данном случае не причина для восхищения, а повод для сомнений, даже уверенности в том, что дело нечисто). Во втором примере статистика от Росселя не получает комментариев: видна положительная оценка Росселем города, его перспектив, и все. Комментариев нет, хотя губернатор в данном случае даже мечтает, рисует успешное и красочное будущее: *до конца года жители уральской столицы приобретут 65 тысяч автомобилей*. Можно себе представить, какие негативные комментарии четыре года назад могло дать АПИ по поводу покупаемых в кредит автомобилей в городе, по поводу кредитов и т.п. Однако АПИ молчит.

Нет комментариев относительно правдивости всего сказанного героем, нет оценок реальных возможностей областных властей, нет оценки личности Росселя. Исчезли насмешки относительно возраста губернатора, его старых идей, которые часто выступали как повод для иронии. Исчез образ старого, маразматичного, не справляющегося с работой губернатора, обворовывающего и обманывающего жителей. Появился активный политический деятель, который много делает для развития не только

области, но и города, который успешно сотрудничает с представителями других властных структур, который заслуженно получает высокие награды, который рисует «прекрасные» перспективы развития и роста экономики области.

Для иллюстрации сказанного приведем еще две цитаты. *«Имидж Росселя-строителя и Росселя-хозяйственника уже давно «канул в Лету». Губернатор, рассказывая сказки про экономические и социальные успехи Свердловской области, оперирует «сказочными» цифрами. «...» главы муниципальных образований, особенно Екатеринбурга, тратят безумное количество сил и времени на то, чтобы договориться с тем или иным бизнесменом или компанией о строительстве в уральской столице своего предприятия или бизнес-центра. Показательными в этом плане выглядят проекты «Большой Евразийский университет», «Итальянский квартал», «ИКЕА» и «Сити-центр». Россель же просто напросто приписывает себе заслуги тех, кто работает на благо Свердловской области и не более того! Видимо, чувствует Россель, что губернаторское кресло с каждым днем все дальше и дальше ускользает от него и пытается хоть как-то себя подбодрить. «...» По этой же причине губернатор фактически перестал проводить встречи и с представителями крупного бизнеса на предмет привлечения инвестиций в Свердловскую область. Речь, прежде всего, идет о руководителях крупных металлургических холдингов, торговых сетей и банков. Предприниматели уже не знают, что им сделать и где искать губернатора, чтобы провести с ним переговоры. Хотя постоянный контакт с руководителем Среднего Урала жизненно необходим для представителей крупного бизнеса» («Эдуард Россель потерял хватку и практически отошел от дел», 28.04.05 АПИ). «На каждой из встреч Эдуард Россель отвечал на многочисленные вопросы ее участников. Рассказал Эдуард Россель и о перспективах строительства жилья, о развитии стройиндустрии, поскольку большое количество вопросов касалось этих проблем. Северяне интересовались, будут ли доступны по цене строительные материалы*

местного производства для строительства жилья. «Запасы сырья для производства стройматериалов, – отметил Эдуард Россель, – у нас сегодня такие, что могут обеспечить заводы по выпуску стройматериалов вдвое большей мощности, нежели сейчас. Мы строим новые цементные и кирпичные заводы, разрабатывает месторождения щебня. Мы можем обеспечивать строительный комплекс Свердловской области всем, что необходимо для возведения комфортного и доступного по цене жилья. Но есть законы рынка, которые переступить никто не может. Чтобы добиться снижения цен на стройматериалы и жилье, надо создать их избыток. Вот когда цены снизятся. Мы уже приближаемся к этому моменту, когда жилье станет доступным, в том числе и молодым семьям. Предпосылки для этого уже есть: так в 2007 году количество кредитов, выданных на строительство жилья, увеличилось по сравнению с предыдущим годом в 2,6 раза. Причем, кредиты выдаются теперь на 20-30 лет, то есть на достаточно длительный срок. А это значит, что люди уверены в своем будущем и в той политике, которую проводят органы власти Свердловской области и российского государства» — подчеркнул свердловский губернатор» («Губернатор в рамках агитационного тура объехал весь северный округ области и ответил на все вопросы северян», 21.02.08 АПИ).

Как видно по данным цитатам, оценки разные. Открыто негативные в первом случае и столь же явно положительные во втором. Сколько обещает губернатор, столько поводов для комментариев в том случае, если можно и нужно критиковать политика. Если есть разрешение, есть повод. Сколько бы Россель ни давал цифр, обещаний, ни рисовал перспектив во втором случае, все они оцениваются только им самим. Его слова положительны – текст положителен, его слова отрицательны – текст объективно становится критическим. Позиции АПИ меняются, поскольку изменилась ситуация в стране, области, городе, «плохой» герой становится «хорошим», потому что «такая установка». Таким образом, по рассмотренным текстам АПИ видно,

что подача образа героя в современных СМИ очень часто напрямую зависит от «указаний, полученных сверху». Что зависимость журналистов приводит к тому, что один и тот же человек, набор его похожих по смыслу высказываний, могут по-разному интерпретироваться журналистами. Так создается тенденциозное, сконструированное представление о человеке, о его деятельности. А в случае с губернатором позитивное или негативное мнение навязывается не только по отношению к работе Росселя, но и по отношению ко всей команде руководства Свердловской области.

В рамках ИБ можно говорить о том, что адресат АПИ периодически получает подобные тенденциозно сконструированные тексты. Таким образом, аудитория получает только часть сведений, однобокое их представление. Часть информации может вовсе не подаваться: умолчание как манипулятивный прием активно используется современными журналистами. Отсутствие информации – это тоже важная информация. Однобокость подачи информации и категоричность оценок – вот, что в первую очередь предоставляется адресату.

Однако нельзя, на наш взгляд, винить только журналистов в данной ситуации. Журналисты так же оказываются в невыгодном положении, как и их адресат. Минусы такой работы, когда авторы СМИ полностью зависят от «указки», очевидны и описаны в литературе. Теряется свобода отбора информации, ее интерпретации. Часто действительно интересные факты вынужденно игнорируются журналистами. Все это приводит к снижению уровня их профессионализма. Таким образом, зависимое положение СМИ в итоге негативно сказывается и на деятельности журналистов, и на представлениях адресата об окружающем мире.

Манипулирование с отбором информации о персонаже и его оценочными характеристиками представляет угрозу информационной безопасности аудитории

Литература:

- Балынская Н.Р., Миронов Ю.В. Функционирование СМИ как субъекта политики в условиях новой России // Судьба России. Вектор перемен. М., 2007.
- Богомолова Н.Н. Социальная психология печати, радио, телевидения. М., 1991.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 2000.
- Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995.
- Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль, 1990.
- Кара-Мурза С. Краткий курс манипуляции сознанием. М., 2002.
- Лозовский Б.Н. Журналистика: краткий словарь, Екатеринбург, 2004.
- Пронин Е.И., Пронина Е.Е. «Информационная безопасность: медиатерапия против политехнологий» // «Профессиональная культура журналиста как фактор информационной безопасности», Екатеринбург, 2008.
- Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М., 2000.
- Шейнов В.П. Риторика. Минск, 2000.

Негативные социальные стереотипы в текстах СМИ

Стереотипные представления и соответствующие им нормы поведения формируются в значительной степени средствами массовой информации. «В последнее время достаточно настойчиво и аргументировано говорится о так называемом «навязывании» средствами массовой информации той или иной точки зрения общественной аудитории» [Михайлова, Старикова 2006: 51]. Опасность для общества в целом и для отдельного индивида может представлять неточная, тенденциозная подача информации, недостаточность информации, в том числе распространение негативных социальных стереотипов в текстах СМИ.

В социологических словарях и энциклопедиях даются определения социальных, гендерных, политических стереотипов, которые являются разновидностями стереотипа как такового. «Стереотип социальный (от греч. Stereos – твердый и typos – отпечаток) – стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ, представление о социальном объекте. ... Социальный стереотип – образ, полярный по знаку оценки, жестко фиксированный, не допускающий малейшего сомнения в его истинности, побуждающий к строго однозначному действию. Свойства стереотипа широко используются в практике средств массовой информации, в искусстве» [Российская социологическая энциклопедия 1999: 538].

Стереотип соотносится с обыденной картиной мира, является отражением обыденного сознания. Основные свойства стереотипа: устойчивость, повторяемость, упрощенность, обобщенность, схематизированность, неточность, образность, эмоциональность, оценочность.

По определению Ю. Е. Прохорова, в основе стереотипизации содержания и структуры общения, с одной стороны, лежит реальная потребность упорядочения, упрощения организации общения в стандартных для деятельности данного этноса, класса, социальной группы условиях, а с

другой – потребность самосознания, самоидентификации представителей определенной культуры и выработки восприятия явлений другой культуры [Прохоров 1997: 67]. Стереотипы выступают средством социализации индивида, его социальной идентификации.

Социальная идентификация понимается как «самоопределение индивидов в социально-групповом пространстве относительно общности «своих» и «не своих»» [Прохоров 1997: 71]. Зигмунд Бауман в работе «Мыслить социологически» пишет о стереотипном разделении на «мы» и «они» («своих» и «чужих») в сознании представителей разных культур [1996]. «“Мы” – группа, к которой я принадлежу. Я хорошо понимаю, что происходит внутри группы, и поскольку я это понимаю, я знаю, как мне действовать дальше, чувствую себя уверенно, как дома. <...>. “Они”, напротив, это та группа, к которой я не могу или не хочу принадлежать. Мое представление о происходящем в ней весьма смутно..., поэтому ее действия для меня большей частью непредсказуемы и отпугивают. Я склонен думать, что “они” отплатят мне за мое недоверие и опаску той же монетой» [Бауман 1996: 46 – 47]. Установить свою тождественность, сформировать чувство преданности своей группе нередко помогает образ врага. Таким образом, каждая группа получает «соответствующие характеристики» и «особую эмоциональную окраску». Образ врага рисуется в темных, мрачных и пугающих тонах, в то время как образ своей группы – приятный, вызывающий симпатию и сочувствие. «Противостояние (оппозиция) – прежде всего, орудие, используемое мною для того, чтобы очертить мой мир» [Бауман 1996: 47]. При выстраивании оппозиции между группами наблюдается высокая степень обобщения, «мы-группа» и «они-группа» рассматриваются как некие единства, которым приписываются неотчуждаемые признаки, а члены группы не рассматриваются индивидуально [См.: Енина, Чепкина 2007]. Средством такого обобщения становятся прежде всего стереотипы.

Стереотипы, с одной стороны, облегчают коммуникацию, обеспечивают слаженность механизмов обратной связи, способствуют установлению мировоззренческой гармонии между субъектами внутри группы «своих». С другой стороны, социальные, национальные, расовые, профессиональные, идеологические стереотипы в процессе общения могут выполнять дисгармонизирующую функцию, приводить к интолерантной коммуникации. Как пишет польский исследователь Е. Бартминский, «стереотипные высказывания, например, оперирующие образом внешнего врага («они», «те»), с одной стороны, объединяют группу, а с другой – выстраивают коммуникативный барьер, отделяющий группу от окружения» [Бартминский 2005: 143]. В связи с такими существенными свойствами стереотипа, как оценочность и упрощенность, стереотипизация может привести к возникновению предубеждений, предрассудков, стандартных мнений, «расхожих истин» на основе негативного опыта межгруппового взаимодействия и/или к упрощению процесса познания «чужого/ другого», не способствующему точности построения представления о «чужом/ другом» [Вепрева 2002: 206; Хотинец 2002: 267]. В психологии предрассудок рассматривается как стереотипное представление о личности, группе, общности, которое «выражает, формирует и поддерживает циничное, враждебное и/ или фобическое отношение к какой-либо группе, общности <...> выполняет функцию ценностно-экспрессивную (эгозащитную), давая носителям предрассудка ложное чувство превосходства над тем, кто представляется менее достойным» [Большой психологический словарь 2004: 369].

Оппозиция «свой – чужой» может трансформироваться в оппозицию «свой – другой», которая свидетельствует о коммуникативной гибкости личности и приводит к более успешному освоению другой культуры.

В речи стереотипы как единицы сознания могут быть выражены устойчивыми сочетаниями, формульными высказываниями и свободными

сочетаниями и высказываниями, не получившими стандартное оформление, но выражающими общий стереотипный взгляд на ситуацию.

Мы будем понимать стереотип как *упрощенное, схематизированное представление об объекте действительности, принадлежащее коллективному знанию о мире, объективированное в языке и речи.*

Анализируя этностереотипы, Л. П. Крысин предлагает использовать для их изучения два связанных друг с другом подхода. «Во-первых, важно понять, какие сферы жизни того или иного народа, личностные свойства людей, составляющих его, их интеллектуальные, психические, антропологические особенности становятся объектами оценки» [Крысин 2005: 451]. «Во-вторых, необходимо выделить языковые единицы – слова, фразеологизмы, синтаксические конструкции, которые можно интерпретировать как средства обозначения этнических стереотипов» [Там же: 452]. Мы используем сходный порядок анализа социальных стереотипов.

Рассмотрим функционирование социальных стереотипов в газетных текстах на примере стереотипных представлений о *богатых* и *бедных*. Пресса нередко транслирует данные стереотипные представления, в основе которых лежат прототипические схемы, включающие следующие типовые, повторяющиеся участки: субъекты-носители признаков *богатый/ бедный*, объекты обладания, пространственно-временная прикреплённость признаков *богатый/ бедный*, степень проявления признаков и способ обладания (обретение или утрата объектов обладания). Обобщение участков схемы позволяет реконструировать стереотипное представление о стиле жизни *богатых* и *бедных*: типичных способах времяпрепровождения, способах получения дохода, выборе и устройстве места жительства, выборе одежды и продуктов питания, культурно-ценностных предпочтениях *богатых* и *бедных*. Последовательно рассмотрим конкретное речевое наполнение участков схемы в газетных текстах.

Номинации **субъектов-носителей** признака *бедный* и субъектов-носителей признака *богатый* в газетных текстах складываются в

парадигматические ряды. Можно выделить комплекс номинаций субъектов-носителей признака *богатый* по роду деятельности, который включает малые парадигмы:

1. Парадигма номинаций, объединенных смыслом «предприниматель»: *предприниматель, бизнесмен, представитель бизнеса, коммерсант, олигарх.*

2. Парадигма номинаций, объединенных смыслом «представитель власти»: *президент, чиновник, депутат, мэр, представитель власти, власть имущий, сенатор, законодатель, парламентарий.* Например: ***Самые богатые депутаты и сенаторы мира живут в России. Россия вышла на первое место в мире по числу парламентариев-миллиардеров. Вместе наши богатейшие сенаторы и депутаты владеют \$ 41 миллиардом.***

3. Парадигма номинаций, объединенных смыслом «управляющий сотрудник»: *директор, топ-менеджер, начальник, босс.*

4. Парадигма номинаций, объединенных смыслом «лицо, занятое в сфере нефтяной промышленности»: *нефтяник, нефтяной магнат, нефтяной король, нефтяной барон.*

5. Парадигма номинаций, объединенных смыслом «лицо, занятое в сфере юриспруденции»: *юрист, адвокат, слуга закона.*

Члены парадигматических рядов являются видовыми номинациями *богатых* и в речи устойчиво получают смысловое приращение «получающий большие доходы». Именно данные группы лиц стереотипно относятся к *богатым*.

В газетных текстах выделяются четыре основные парадигмы номинаций субъектов-носителей признака *бедный*:

1. Парадигма номинаций, объединенных смыслом «лицо по профессии, находящееся на государственном финансировании». Опорная номинация *бюджетник*, то есть «работник учреждения, находящегося на бюджетном финансировании» [Толковый словарь русского языка начала XXI века 2006: 165] конкретизируется видовыми обозначениями: *ученый, преподаватель,*

учитель, врач, медсестра, санитарка, дворник, уборщица, военнослужащий. Например: *Мотив вроде бы благородный, направленный на повышение нищенской зарплаты врачей** (Российская газета (далее Рос. газ.) 22.03.02. № 52). Особенность текущего момента в том, что субъектом-носителем признака *бедный* считается работающий человек: *учитель, врач, рабочий* и др. Интересно, что *чиновники* – это тоже работники бюджетной сферы, однако они не воспринимаются как *бедные*.

2. Парадигма номинаций, объединенных смыслом «лицо, находящееся на государственном социальном обеспечении, получающее пенсию/ пособие»: *пенсионер, ветеран войны, ветеран труда, инвалид, безработный.* Например: *Основная масса бедных в России - это... пенсионеры* (Рос. газ. 16.01.2007 № 6).

3. Парадигма номинаций *бедных* по возрасту, объединенных общим смыслом «пожилой человек»: *старшее поколение, пожилые люди, пожилые граждане, старики, бабушка, дедушка. Низкий размер пенсий не способствует повышению покупательной способности пожилых граждан* (Рос. газ. 14.08.2007 № 176).

4. Парадигма номинаций, указывающих на состав семьи *бедных* и объединенных общим смыслом «член неполной и/ или многодетной семьи»: *неполная семья, многодетная семья, мать-одиночка, сирота.*

Отмеченные слова и словосочетания регулярно получают в речи семантическое приращение «живущий на небольшую зарплату/ пенсию/ пособие».

Стереотипные представления о *богатых* и *бедных* в газетных текстах представлены номинациями **объектов** обладания, которые также могут быть объединены в парадигмы. Обозначим парадигмы номинаций объектов обладания, вербализующие стереотипные представления о *богатых*.

* При воспроизведении высказываний и микротекстов сохраняется пунктуация, орфография и стилистические особенности источника.

1. Парадигма номинаций, объединенных смыслом «изысканная пища и напитки»: *мясо, красная икра, французское вино, спаржа, деликатесы, лягушки, омары, langoustes, филе крокодила* и др. Например: *Открытый в далеком уже 1995 году магазин с самого начала позиционировал себя как заведение для обеспеченных нижегородцев. Там и только там можно было купить свежемороженых лягушек, langoustes, омаров и даже филе настоящего крокодила. Понятно, что абсолютному большинству нижегородцев, особенно в те времена, подобные деликатесы были не по карману* (Рос. газ. 07.06.07 № 120).

2. Парадигма номинаций, объединенных смыслом «дорогая, качественная одежда»: *платье от Юдашкина (Гуччи, Армани и др.), белый костюм, дорогой костюм, норковая шуба, норковое манто, меха, соболя, шинишлла* и др.

3. Парадигма номинаций, объединенных смыслом «дорогое жилье»: *коттедж, особняк, хоромы, вилла, дворец, квартира в Москве* и др..

4. Парадигма номинаций, объединенных смыслом «дорогие личные транспортные средства»: *иномарка, Mercedes, Porsche, Bentley (Бентли), Maybach (Майбах), Ferrari, яхта, личный самолет, вертолет* и др.

5. Парадигма номинаций, объединенных смыслом «драгоценности»: *драгоценности, бриллиант, золото, бриллиантовое кольцо, золотые часы* и др.

Простраственно-временная прикрепленность признаков *богатый/бедный* конкретизирует оппозицию *богатые – бедные* с помощью геополитических и темпоральных приращений. Стереотипное представление о *богатых* и *бедных* связано со стереотипным представлением о *провинции* и *столице*. К *бедным* традиционно причисляются жители регионов, сел, маленьких городов. К *богатым* – население Москвы и Санкт-Петербурга. Особо ярко этот контраст представлен на страницах районной прессы. Согласно стереотипным представлениям, *столица (центр)* предстает *обеспеченной, заживевшей, презревшей* духовные ценности в угоду

ценностям материальным; *провинция* – сохранившей высокие нравственные ценности вопреки бедности, нецивилизованности [См. также: Енина 2005: 237]. Например: *Перманентно жиреет Москва, так как фирмы, выкачивающие миллиарды из российских недр, зарегистрированы в столице, где и оседают громадные налоги. А территории, из которых они высасывают свои миллиарды, никто не развивает. А знаете, чем притягивает к себе Магнитка? - Людьми. Жизнерадостными, любопытными, искренними, доброжелательными* (Магнитогорский рабочий 13.01.07 № 2). Коллективно-собираательный субъект-носитель признака *богатый* (фирмы, Москва, столица) получает негативную характеристику с помощью экспрессивной оценочной единицы *жиреет*. Богатство материальное резко противопоставлено богатству духовному, которое присуще «своим», местным жителям (*жизнерадостным, любопытным, искренним, доброжелательным*).

Стереотипные представления о *богатых* и *бедных* включают темпоральные ограничители, которые сопровождаются этической оценкой. Они (люди) *тогда* (при советской власти) *были* более духовными, душевными, открытыми, бескорыстными и даже *внутренне* более свободными и *богатыми*, чем *теперь*. *Теперь* они *думают только о деньгах* (Рос. газ. 22.02.05 №36). Богатство, основанное на алчности и отказе от духовных ценностей, мыслится как примета нового, постсоветского времени. Временная характеристика дается с помощью наречных образований *тогда, раньше/ теперь, сегодня*, получающих в контексте оценочную добавку.

Приведем пример микротекста, в котором конкретизируются почти все типовые участки стереотипной схемы: *В былые времена директора крупных предприятий очень дорожили служебной “Волгой”, ведомственной дачей и трехкомнатной квартирой в панельной многоэтажке. Многим управленцам тогда и не снился тот золотой дождь, который прольется на них после 1992 года* (Рос. газ. 15.11.01 № 224). Субъект-носитель богатства – *директора крупных предприятий*. Объекты обладания: «волга», дача,

трехкомнатная квартира. Темпоральная характеристика – прошедшее время: *в былые времена, тогда.* Степень богатства – средняя, на что косвенно указывает метафора *золотой дождь*, обозначающая высокую степень богатства в реально проживаемом настоящем времени (в наши дни).

Рассмотрим еще пример: *Ну а уж если он покупает «Майбах» за 580 тысяч, а потом для полного счастья заказывает дорогой тюнинг этого автомобиля, золотом и бриллиантами на кожаных сиденьях выписывает свои инициалы, то мы просто должны помочь такому человеку **отдать часть своих денег бедным людям*** (Известия 20.04.07 № 70). Номинации объектов обладания, вербализующие стереотипные представления о стиле жизни *сверхбогатых*, сопровождаются характеристикой материальной ценности объектов в денежном выражении; реализуется культурная установка «деньги богатых надо отдавать бедным». В подтексте угадывается призыв к агрессивному социальному взаимодействию.

При описании типовых поступков *богатых* наиболее частотными являются высказывания о том, какими способами богатство приобретено. Вариативное наполнение получает типовой участок стереотипной схемы «**способ обретения объектов обладания**». Можно выделить два пути: «собственным тяжелым трудом» (*Люблю жить красиво. Но не до такой степени, чтобы транжирить заработанное. Эти деньги мне очень тяжело дались* (Рос. газ. 15.03.02)) и «за чужой счет». Большое число газетных публикаций фиксирует стереотипное представление о «богатстве за чужой счет», реализуемое в утверждении «богатый человек живет за счет чужого труда». Часто такое противопоставление реализуется в границах оппозиции «виновник – жертва» при описании несправедливого, враждебного отношения *богатых* (как правило, представителей власти) к *бедным*. Например: *А что касается **разбогатевших** российских **чиновников**, честно сказать, я бы их наполовину сократил. Они сегодня как пиявки просто пожирают народ* (Рос. газ. 11.10.01 № 198).

Чиновники, то есть «служащие государственного аппарата, какого-либо ведомства» [Толковый словарь русского языка начала XXI века 2006: 1071], мыслятся как люди, нажившие богатство несправедливым путем. Например: *В зависимости от масштаба сделки современный Акакий Акакиевич может купить авто, построить дачу или квартиру, а при особо крупной афере разом обеспечить себя на всю жизнь. Однако это лишь самая невинная часть айсберга лихоимства. Коррупция на «высшем уровне» позволяет проводить финансовые аферы, которые наносят стране ущерб, ставящий под угрозу национальную безопасность* (АиФ 2002 № 21). Современному чиновнику приписываются негативно оцениваемые действия, «обогащение нечестным путем» (*коррупция, аферы*), при этом отрицательная утилитарная оценка передается в данном контексте с помощью экспрессивно-оценочной единицы (*лихоимство*) и усиливается благодаря прецедентной аналогии (*Акакий Акакиевич*). Отсылка к гоголевскому тексту показывает, что в наши дни даже мелкий чиновник может разбогатеть.

Для негативной характеристики действий «богатых представителей власти» используются прямые номинации (*воровство, коррупция, взяточничество, махинации*) и образно-оценочные (*криминальная кормушка* (перен., разг. неодобр. [СОШ 2000: 296]), *бесплатная кормушка для власти, чиновничий беспредел* (разг. [СОШ 2000: 45])). Например: *Чиновники нанесли жителям Юга России урон, сопоставимый с ущербом, который принесло разрушительное наводнение летом прошлого года* (интенсивность отрицательной оценки через сравнение со стихийным бедствием – О. И.). *В результате различных махинаций со средствами федерального бюджета из казны пропало 10,5 миллиарда рублей* (Рос. газ. 05.03.03 №42).

Соответственно среди типовых источников дохода богатых (или «способов обретения объектов обладания») постоянно называются *взятки, коррупция, воровство, мошенничество*. Типовые источники дохода бедных: *зарплата, пенсия, пособие*.

К типовым поступкам *бедных* стереотипно относятся реакции на несправедливое распределение богатства – *протестные действия*. Для номинации этого явления используются прямые лексемы (*акция протеста, забастовка, голодовка, митинг, пикет, взбунтоваться, бастовать*) и описательные обороты (*отказываться учить, выйти на улицы, стучать касками*). Как правило, субъекты протестных действий – это *бюджетники* (*врачи, учителя, пенсионеры, шахтеры, а также транспортники, рабочие неприватизированных предприятий и др.*): *Ситуация с оплатой труда бюджетников во многих регионах остается по-прежнему очень напряженной, а потому совсем не исключено, что все чаще бедствующие учителя станут отказываться учить наших детей, врачи – принимать больных, а работники коммунальных служб – чистить дворы и улицы* (Рос. газ. 12.03.02 № 43). *Итак, голодавшие около месяца пенсионерки – бывшие работницы Киреевской слюдяной фабрики – сполна получают заслуженные ими пенсии* (Рос. газ. 02.03.02 № 39). *Зарплату заплатить полностью не смогли ни в январе, ни в феврале, ни в марте, и водители взбунтовались...* (Рос. газ. 12.03.02 № 43). В основном причиной протестных действий является невыплата зарплаты, бедственное положение людей из-за низкой оплаты труда. Реализуется представление о несправедливости власть имущих, стереотипное утверждение «власть незаконно лишает бедных оплаты труда»; тиражируемый стандарт поведения *бедных* в такой ситуации – забастовка как способ борьбы, «способ обретения объектов обладания».

Анализ газетного материала показал, что часто предлагается решать проблему бедности властям, государству; отсутствуют варианты личностного решения проблемы изнутри, самими *бедными*. *Реальная угроза забастовок подстегнет и директоров предприятия, и местные власти начнут искать источники финансирования...* (Рос. газ. 12.03.02 № 43). *Если врачи вынуждены идти на крайнюю меру, то, считай, виновата в этом только власть. Я считаю, в таких ситуациях надо деньги чиновников отдавать*

забастовщикам (Рос. газ., 19.03.02, № 48). В последнем высказывании реализуется стереотипное утверждение «богатые должны делиться с бедными». Субъектами, которые должны решать проблему бедности, выступают *чиновники, директора предприятий, местные власти, власть*. Часто реализуется стереотипное суждение «бедным необходимо помогать», которое является константой русского менталитета.

В стереотипе *богатый человек* закреплены негативные свойства, присущие *богатым*. Последние, согласно стереотипным представлениям, характеризуются алчностью (устойчивое сочетание *жажда наживы*), стремятся к получению прибыли любой ценой, используют нечестные методы обогащения (слова с корнем –*вор-*, *нечестный* и т.п.). *Богатым*, как правило, дается отрицательная оценка.

Одним из принципов русской культуры является принцип «богатство аморально». Это подтверждается контекстами: *Если человек покупает 30 соток земли за 3.5 миллиона долларов, то я позволю себе предположить, что он нечестен. Думаю, что большая часть денег, которая уворована у нашего государства, находится именно в этих хоромах на Рублево-Успенском, Новорижском шоссе...* (АиФ 22.03.06 № 12). В текстовом фрагменте используется распространенное стереотипное суждение «богатый человек живет за счет чужого труда, труда народа». Богатые не называются прямо, но на уровень обеспечения субъектов указывают индексы уровня жизни богатых: *хоромы, миллионы долларов*. Пространственные указатели *Рублево-Успенское шоссе, Новорижское шоссе* – локусы обитания «людей, обогатившихся нечестным путем».

Анализ материала показал, что стереотипные представления о стиле жизни *богатых* отражаются в типовых утверждениях: *Богатство добывают за счет чужого труда; Богатые стремятся к получению прибыли любой ценой, используют нечестные способы обогащения; Богатые ведут праздный образ жизни; Богатых отличает духовная бедность*. Стереотипные представления о стиле жизни *бедных* – в типовых

утверждениях: *Бедные честно трудятся; Бедные получают небольшую зарплату/ пенсию; Бедные не имеют необходимого, пользуются общественным транспортом, болеют туберкулезом, чесоткой, педикулезом; Бедные терпят унижения; Бедные сохраняют культурно-нравственные ценности вопреки тяжелым условиям жизни; Бедные в своем положении не виноваты, в их положении виноваты богатые, власть имущие; Бедность заставляет людей участвовать в акциях протеста.*

В последнее время наблюдается тенденция развития наведенных социокультурным контекстом смыслов, расширяющих и меняющих стандартные представления о богатых и бедных. Например: «не все считают их (богатых, миллиардеров) кровопийцами и грабителями народного достояния. Для кого-то быть богатым вовсе не позорно...» (Рос. газ. 12.04.05). В данном текстовом фрагменте осуществляется попытка сопоставления разных точек зрения и смягчения негативной оценки. Последнее отражает тенденцию, в соответствии с которой негативная этическая оценка богатых подвергается активному переосмыслению, рефлексии. *И бедностью, и богатством в России прекрасно умеют стыдиться или гордиться: и то, и другое выглядит неприглядно. Мы еще не очень привыкли к тому, что достаток, как и бедность, могут быть честными, и воспринимать их следует, прежде всего, спокойно* (Известия 22.08.2007 № 151). Ср.: *На Западе считается, что чем большего благополучия человек достигает в этой жизни, тем более он угоден Богу. В России всё наоборот: если богат - значит, вор, проходимец. Как же с таким отношением ВВП удвоить?* (АиФ 07.03.07 № 10). Подобные высказывания свидетельствуют о динамике исследуемых стереотипов и формировании в общественном сознании участков сильного напряжения, приводящего к рефлексии по поводу актуальных слов и понятий.

Обратим внимание на ставшие частотными сочетания: *социальная ответственность бизнеса, благотворительная деятельность*. Субъект благотворительной деятельности – *богатый, бизнесмен*. Как уже отмечалось,

в газетных текстах регулярно реализуется стереотипное суждение «богатством надо делиться» в рамках стереотипного представления о «несправедливости распределения богатства». Протестная деятельность *бедных* и благотворительная деятельность *богатых* направлены на достижение одной цели – распределение материальных благ. Благотворительность рассматривается как способ ослабления конфликтной ситуации, она позволяет связать в общественном сознании материальное богатство с богатством духовным. Констатация фактов благотворительности способствует возникновению механизмов толерантного отношения к богатым, как к «другим», но не «чужим».

Разрыв между *богатыми* и *бедными* сокращается и с помощью формирующихся представлений о *среднем классе*. С одной стороны, в последнее время активно стали использоваться клишированные устойчивые сочетания, обозначающие резкое разделение общества на *богатых* и *бедных*: *пропасть между богатыми и бедными, разрыв между богатыми и бедными, контраст между богатыми и бедными*, которые, как правило, сопровождаются оценочными интенсификаторами *чудовищный, огромный, катастрофический* и др. С другой стороны, градуальность представлений о субъекте и объекте обладания формирует представление о *среднем классе*. Попытка выделить на основании опыта «жизненные стандарты», соотнести их с качеством жизни *богатых, бедных и представителей среднего класса*, регулярное употребление единиц *качество жизни, стандарт жизни, средний уровень жизни*, позволяет сделать вывод о наличии прагматических оснований для формирования пока не сложившегося нового стереотипа *средний класс*. Дихотомия *богатый – бедный* сохраняется, однако частотность номинации *средний класс* позволяет констатировать тенденцию к редукции дихотомии. Приведем в качестве примера фрагмент интервью корреспондента журнала «Шпигель» с А. И. Солженицыным, опубликованного газетой «Известия»:

*Шпигель: Несмотря на высокие объёмы выручки от экспорта нефти и газа и на формирование **среднего класса**, **социальные контрасты между бедными и богатыми в России остаются огромными**. Что можно сделать, чтобы исправить положение?*

*Солженицын: Считаю **разрыв между бедными и богатыми в России – опаснейшим явлением**, требующим неотложного внимания государства. Но, хотя многие **баснословные состояния** были созданы в **ельцинский период** **бессовестным грабительством**, сегодня единственный разумный способ исправления ситуации - это не разрушать крупные предприятия, которыми, надо признать, нынешние владельцы **стараются управлять более эффективно**, а дать возможность дышать **средним и мелким** (Известия 24.07.2007).*

Отрицательная этическая оценка способа приобретения богатства (**бессовестное грабительство**) подается в диалогическом соотношении с позитивной утилитарной оценкой действий **богатых (стараются управлять более эффективно)**. Фиксируется наделяемый положительной оценкой появившийся в реальной действительности «субъект обладания имуществом» - **средний класс, средний и мелкий бизнес**. В укреплении, развитии **среднего класса** видится перспективный способ разрешения непримиримой оппозиции.

Важно, что современная пресса обнаруживает тенденцию к представлению разных мировоззренческих позиций, что свидетельствует о реализации прессой функции «предоставления площадки для общественного диалога» и способствует преодолению интеллектуальной редукции, упрощения ценностных установок.

Противоположная тенденция – к сохранению и воспроизведению стереотипов о пропасти между богатыми и бедными, несправедности богатства, увязывание положительных духовных качеств лишь с бедностью – является, на наш взгляд, дестабилизирующим фактором с точки зрения информационной безопасности.

Список литературы:

Бауман З. Мыслить социологически / Перевод с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. М., 1996.

Бартми́нский Е. Стереотип как предмет лингвистики // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Перевод с польского. – М., 2005. – с. 133 – 157.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург, 2002.

Енина Л. В. Оппозиция «провинция – столица» в журналистском тексте // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – М., 2005. – С. 221 – 232.

Енина Л. В., Чепкина Э. В. «Свои» и «чужие» в газетных текстах // «Другой» в пространстве коммуникации: сб. научных статей / сост. и ред. С. К. Шайхитдинова. – Казань, 2007.

Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. – М., 2005. с. 450 – 454.

Михайлова О. А., Старикова К. К проблеме формирования стереотипа в массовом сознании // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. – Издательство УрГУ. Екатеринбург, 2006. – С. 51-67.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2003 (СОШ – словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой).

Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 1997. – 224 с.

Российская социологическая энциклопедия. Под общ. Ред. Г. В. Осипова. – М., 1999. – С. 538.

Стернин И. А. Типология макроструктурной организации концептов // Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник. Вып. 24 / Отв. ред. С. Е. Родионова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С. 262 – 269.

Толковый словарь русского языка начала XXI века / Под ред. Г. Н. Складчиковой. – СПб., 2006.

Хотинцев В. Ю. О возможности отражения в этнических стереотипах типичных черт этнического характера // Идентичность и толерантность. – М., 2002.

НЕГАТИВНЫЙ СТЕРЕОТИП «НЕПОЛНАЯ СЕМЬЯ» В ТЕКСТАХ СМИ

Понятие «неполная семья», выражающее противопоставление нуклеарной семейной единице (мать – отец – ребенок/дети) «как полной, нормальной, завершенной композиции семейной структуры», широко используется в лексиконе российских чиновников, социальных работников, учителей, журналистов. Неполнота здесь ассоциируется с отклонением от нормы, ущербностью, низким социальным статусом¹. По всей видимости, мы имеем дело с негативным стереотипом. Стереотип – это не просто мнение об объекте, это отражение, пусть в трансформированном виде, присущих ему свойств. Вместе с тем стереотипы часто выполняют негативную роль, когда используются в процессе межличностной коммуникации при недостатке информации о конкретном партнере по общению², особенно если сам стереотип негативный³. Распространение негативного стереотипа через СМИ нарушает требование информационной безопасности, так как противоречит условиям предоставления полной, достоверной информации, препятствует удовлетворению потребностей в личностной и социальной интеграции людей, попавших под его действие.

В нашу задачу не входит установление того, насколько негативный стереотип неполной семьи, получивший распространение в СМИ, искажает истинное положение дел. Мы рассматриваем в первую очередь языковые способы его создания. Вместе с тем для полноты картины имеет смысл, на наш взгляд, обратиться к данным социологической науки и коротко охарактеризовать ее взгляд на неполную семью.

Демографы отмечают: «в результате изменения брачного и репродуктивного поведения одинокое родительство становится все более

1 Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. 2004. № 2. с.66.

2 Стефаненко Т. Социальный стереотип // www.krugosvet.ru/articles/123/1012384/1012384a2.htm

3 Позитивные стереотипы тоже могут играть в общении отрицательную роль, если партнер по коммуникации не оправдывает сформированных стереотипом положительных ожиданий. Об этом см. Стефаненко Т. Социальный стереотип // www.krugosvet.ru/articles/123/1012384/1012384a2.htm.

распространенной формой российской семьи»⁴, называют цифры: «За 10 лет между последними двумя переписями число таких семей в России выросло с 4,6 млн до 5,3 млн»⁵, ищут нейтральные обозначения явления: «монородительская семья», «одинокое родительство» (преобладающая разновидность - «материнская семья», глава которой - «соло-мать»). К причинам образования материнских семей относят, в основном, случаи расторжения брака, овдовения женщин (в 90-е гг XX века повысилась смертность мужчин трудоспособного возраста вследствие неестественных причин) или рождения ребенка у одинокой матери. Особенно велика доля семей с одним родителем в городском населении.

По мнению социологов, увеличение количества разводов, а также случаев рождения ребенка вне брака – это проявления кризиса традиционных гендерных ролей в обществе. В сознании россиян до сих пор преобладает патриархатная модель «мужчина – добытчик, кормилец; женщина – хранительница очага». Такая модель предполагает доминирующую позицию мужчины в социуме, определенную власть над женщиной, которая нуждается в его защите. Однако социальная ситуация изменилась: исчезает деление профессий на мужские и женские, женщины занимают высокие посты во властных структурах (такова мировая тенденция, ее влияние заметно и в России), часто зарабатывают больше, чем мужчина. Гендерная иерархия, существующая в сознании, сталкивается с реальностью, которая постоянно напоминает мужчине об утрате им главенствующей роли как в социуме, так и в семейных отношениях. Если раньше мужчине, для того чтобы пользоваться уважением в обществе, достаточно было обеспечивать семью, а внутрисемейные отношения при этом мало учитывались, то теперь на первый план выходят совсем другие «критерии» оценки: он должен быть заботливым,

4 Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. 2004. № 2. с.66.

5 Волков А.Г. Сороко Е.Л. Типология семей и домохозяйств в России: развитие и анализ (по данным микропереписи 1994 года) //Вопросы статистики. 1999. № 5. С.49 – 51. См. также Копцева О.А. Международная научно-практическая конференция, посвященная году семьи //Народонаселение. 2004.№ 2. С.130.

нежным, понимать жену, воспитывать детей, общаться с ними, но традиционно воспитанные мужчины этого делать просто не умеют⁶. Из четырех функций семьи – репродуктивной, воспитания детей, хозяйственно-бытовой и восстановления психических и духовных сил ее членов – ведущей в последнее время стала последняя. Не случайно самая распространенная причина развода – «не сошлись характерами»⁷. Мужчины реагируют на кризисную ситуацию по-разному: одни «принимают условия жизни и строят отношения с женщинами на базе партнерства, дружбы, уважения, любви и т.д., не пытаясь восстановить свою гегемонию и власть. Другие же пытаются бороться, что идеологически выражается в сексизме... Согласно этой философии... мужское господство – естественное условие существования общества. И, наконец, третья, вероятно, самая многочисленная категория мужчин, которые просто неуютно себя чувствуют. Они дезорганизованы, растеряны и не знают, на что им можно (а на что нельзя) претендовать...»⁸. С другой стороны, женщина, отвоював у мужчины значительную часть социального пространства, разрушив традиционную гендерную стратификацию, также оказалась в мучительной ситуации отчуждения и почувствовала необходимость выстраивания новых отношений с противоположным полом. В итоге намечаются две тенденции развития полоролевых практик – экстенсивная и интенсивная. Экстенсивная заключается в нарастании взаимного отчуждения, при котором каждый участник полоролевого взаимодействия «честно» и открыто сосредоточен на удовлетворении своих интересов. «Женщина рождает ребенка для себя, поскольку испытывает потребность в материнстве. Мужчина, избавленный от ответственности, превращается в «туриста», в «визитера». И для женщины, и для мужчины искусство взаимодействия с противоположным полом превращается в искусство ловкого выворачивания из ситуаций. Партнеры

6 См.: Кон. И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире //Alma mater. Вестник высшей школы. 2001. №.11. С.35-37.

7 См. Козлова О.Н. Гендерные роли в репродукции социальной жизни // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С.106

8 Кон. И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире //Alma mater. Вестник высшей школы. 2001. №.11. С.37.

стремятся «выйти сухими из воды», минимизировав психические, материальные, душевные затраты. В таких отношениях неизбежно в прямой зависимости от затрат минимизируются и поступления – прежде всего эмоциональные, душевные»⁹. Неудовлетворенность нарастающим отчуждением порождает альтернативную тенденцию - стремление к выработке нового «гендерного договора», где на первом плане не количество, а качество отношений, которое обеспечивается заботой о партнере, выбранной не под давлением внешних обстоятельств, а как возможность полноценного существования, выражения себя через взаимодействие с другим. Но пока женщина и мужчина «не договорились», пока не сложились новые полоролевые практики, обе тенденции могут вести к появлению очередной семьи с одним родителем: в первом случае женщина рождает ребенка для себя, даже не ожидая от мужчины какой-либо заботы, во втором случае супруги разводятся, поскольку их не устраивает качество отношений.

В то же время поле социологических исследований, предметом которых является семья с одним родителем, «располагается вдоль осей 'благосостояние' и 'воспитание детей'»¹⁰, то есть сосредоточено на второй и третьей функциях «ячейки общества», в то время как исследователи гендерного кризиса, напомним, подчеркивают возрастание значимости четвертой функции, связанной с восстановлением психических и духовных сил членов семьи, при ослаблении первых трех в результате завоевания женщиной устойчивых позиций в социуме. С одной стороны, отмечается «феминизация бедности» и неудачи воспитания детей в неполной семье (такие дети составляют 38,3 % среди состоящих на учете в подразделениях по правонарушению несовершеннолетних)¹¹, с другой – финансовая независимость современной женщины, а также вред напряженной эмоциональной атмосферы в семье для психики ребенка, возможность компенсировать отсутствие фигуры отца

9 Козлова О.Н. Гендерные роли в репродукции социальной жизни // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С.108

10 Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. 2004. № 2. с.71.

11 Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. 2004. № 2. с.71.

общением с другими мужчинами (дедушкой, знакомыми, если по каким-то причинам общение с отцом отсутствует). Таким образом, неполная семья – это одна из форм существования семьи на этапе кризиса гендерных отношений, который охватывает все российское общество в целом, а не отдельные группы малоимущих, асоциальных или психологически неблагополучных людей.

Вместе с тем в сознании многих россиян существует негативный стереотип неполной семьи, который связан с уже упомянутой культурной установкой на патриархатные отношения. В научной статье, посвященной проблеме осуществления положенной по закону социальной поддержки семьям с одним родителем, отмечается, что часто сами социальные работники осуждают женщину, воспитывающую ребенка без мужа, и по этой причине препятствуют тому, чтобы она получила льготы¹².

В текстах СМИ также мы встречаем истории, иллюстрирующие действие негативного стереотипа: *В день непонятного и весьма трагического для ПТУ-104 события все так и было: открытый кабинет, хохотки, девчонки. Только к концу занятий преподавательница недосчиталась в кошельке 1200 рублей, собранных учениками на проездные билеты... Вера Павловна ... вспомнила, что последними в ее кабинете были Даша и Маша. "Нет, Дашка на такое не способна, - отрезала сомнения учительница, - она ж из хорошей семьи. А вот Машка..." Машка - действительно девица не мед. Семья у нее неполная, маманя непонятная, а сама девочка поступила в ПТУ с "волчьим" билетом из школы: бузила, уроки прогуливала... "Ну, конечно, она!"* Корреспонденту «Комсомольской правды» девушка рассказала: *«...я ей сразу обыскать свою сумку предложила. И спросила, почему на меня думает. А она: "Потому, что у тебя семья бедная".* Затем в приватном разговоре с однокашницами Маши учительница намекнула, что, мол, она сегодня у меня деньги украла, а завтра и у вас вытащит. Девицы намек поняли, отвели Машу в лесок, раздели и жестоко избили. Вера Павловна, увидев избитую, шепнула экзекуторам: «Неповадно

12 Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. 2004. № 2. с.89-90.

будет!» (А доживем ли до понедельника? //Комсомольская правда. 2002.26 августа).

«О том, что моя мама называется "одиночкой", я узнала от соседей. А то, что наша семья... "неполная", вычитала в классном журнале. Такие, как я, были там вынесены в отдельный список. Всего нас было 5 человек. Причем трое - двоечники. Мне не хотелось находиться в их компании, и я старалась учиться хорошо изо всех сил. Я стала "твердой хорошисткой" и активисткой, но ощущение дискомфорта, неполноценности жизни при этом не проходило», - пишет в газету читательница о своем детстве (Проблема крупным планом: мать-одиночка //Дочки-матери/приложение к газете «Аргументы и факты». 1998. 20 апреля).

Первая история – современная, вторая – советского периода, примерно за 30 лет до первой. А действие негативного стереотипа «неполная семья – ненормальная, неблагополучная» отчетливо ощущают на себе обе героини, несмотря на разницу в характере, в поведении.

Какую же роль играют СМИ в поддержании или опровержении негативного стереотипа?

Анализ контекстов, в которых упоминается неполная семья журналистами «Комсомольской правды», «Аргументов и фактов»¹³, «Известий» (период с 2005 по 2008 гг.), показывает, что практически все эти контексты тем или иным образом подчеркивают смыслы «неполная семья – малообеспеченная и неблагополучная». В период с 2005 по 2008 гг. в названных газетах было опубликовано 42 текста, где встречается словосочетание «неполная семья». Полностью нейтральный только один – в нем рассказывается о разных случаях, когда необходимо оформление доверенности, и, в частности, о ситуации, когда необходимо получить согласие отца на выезд ребенка за границу (От моего имени и по моему поручению //Известия.2005.14.03): *Допустим, вы хотите отправить своего ребенка на отдых в ближнее или дальнее зарубежье... на это требуется согласие обоих родителей. Если семья неполная, придется*

¹³ Далее КП, АиФ соответственно

*договориться со вторым родителем, причем желательно сделать это заранее, а не накануне отъезда. Обремененный доверием (и доверенностью) может передать эти полномочия третьему лицу (ст. 187 ГК РФ) – ни одна из стереотипных черт не воспроизводится: семья с одним родителем предстает здесь как достаточно обеспеченная, для того чтобы отправить ребенка отдыхать за рубеж, и никаких других отрицательных смыслов ей тоже не приписывается. Разве что в слове *придется* сквозит предположение о нежелании родителей общаться.*

Остальные тексты можно разделить на три группы: во-первых, тексты, в которых неполная семья характеризуется преимущественно как малообеспеченная, во-вторых, тексты, приписывающие неполной семье разного рода социально-психологическое неблагополучие, в-третьих, тексты, рассказывающие о том, как может быть преодолено материальное и социально-психологическое неблагополучие – назовем такие тексты компенсирующими.

Обратимся к материалу.

Материальное неблагополучие «неполной» семьи.

Такая характеристика содержится, в основном, в текстах, информирующих о социальных льготах для малоимущих. Например, «Известия» рассказывают об организации детского питания в школах Татарстана: *Дети из неполных, многодетных семей, чей достаток ниже прожиточного минимума, тоже не остались в стороне. По решению Казанской городской думы эти дети питаются в школах бесплатно. Из муниципального бюджета на эти цели в текущем году выделено 136,6 млн рублей.* (Татарстан поделился опытом //Известия. 2007. 30 марта) – в этом контексте круг льготников уточняется предложением *чей достаток ниже прожиточного минимума*, но, как правило, таких уточнений нет.

Подобных публикаций большинство (17 из 42), они есть во всех трех газетах. В «Известиях» нам встретилось 3 текста, в АиФ – 6, в КП – 7. Говорят о льготах самого различного характера: на путевки в летний лагерь, на устройство ребенка в школу, на получение жилья в рамках специальной

московской программы, просто денежные выплаты и т.п. Обычно в таких текстах словосочетание «неполная семья» включено в однородный ряд, остальные члены которого называют категории людей, так или иначе пострадавших: *Определенные надбавки предусмотрены различным категориям льготников - детям-сиротам, инвалидам, ребятам из неполных семей и т.д.* (Учебный отпуск оплачивается только заочникам и вечерникам //КП. 2007. 3 сентября); *Ежемесячное пособие в размере ... 500 руб. будут получать студенческие семьи, имеющие детей, и отдельные категории студентов, чей среднедушевой доход ниже прожиточного минимума: студенты, пострадавшие в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС; ветераны боевых действий; дети из многодетных и неполных семей* (Пособия с 1 января //АиФ. 2006. 18 января)

Семантика «материального и иного неблагополучия» появляется в таких публикациях за счет отнесения неполных семей к определенной социальной категории. Логика самого текста здесь неизбежно совпадает с логикой формирования стереотипа – категоризация, укрупнение одних черт, нивелирование различий.

В одном из текстов (правда, в словах чиновников) встретилось ярко выраженное противопоставление «успешная семья – неблагополучная семья», причем под «неблагополучной» понималась именно малообеспеченная. В заметке «У московских чиновников будет по две семьи» (КП. 2008. 28 февраля) с лидом *Помимо собственной, они будут содержать чужую - неблагополучную или многодетную* говорится: *Идею озвучил префект Центрального административного округа Москвы Сергей Байдаков. Он заявил, что будет лично помогать одной из семей, попавших в трудное положение. Многодетной, неполной или просто бедной. И призвал к тому же своих подчиненных: замов и глав управ. Чиновники тут же нарисовали целый проект - "Успешная семья - неблагополучной". Часть из 500 бедных семей округа решено взять под персональную (!) чиновничью опеку.* - Слова чиновников воспроизводятся без комментариев.

Социально-психологическое неблагополучие неполной семьи.

Публикации этой группы (14 из 42) развивают смысл «социально-психологическое неблагополучие» по нескольким направлениям. В первую очередь речь идет о детях, и они предстают либо жертвами преступников (или неосторожных людей, не понимающих все сложности души таких детей), либо подверженными болезням, либо опасными для окружающих трудными подростками, преступниками, психологическими вампирами. Причиной всех детских бед является, согласно публикациям, неустранимое эмоционально-психологическое неблагополучие в неполной семье, которое в одних случаях как-то конкретизируется, а в других подразумевается априори. Одна публикация представляет как жертву социальной несправедливости одинокую мать.

Первая подгруппа – тексты, рассказывающие о детях из неполных семьях, оказавшихся жертвами.

Обычно это публикации, сообщающие о криминальных происшествиях. Дети из неполной семьи упоминаются в качестве жертвы преступника. Так, в жуткой истории о банде педофилов говорится: *"Они ведь не брали мальчишек с улицы, из подвалов, бродяжек каких-то, - рассказывает психолог Людмила Николаевна, которая общалась с детьми на допросах. - Выбор был целенаправленный - мальчики из бедных семей, как правило, неполных, чистенькие, неиспорченные. Мамы всё время на работе, и дети хотели не просто внимания взрослых, а тянулись к сильному мужскому плечу"* (Банду педофилов возглавлял адвокат //АиФ. 2006.8 марта) – психологический портрет жертв дает специалист, отмечая, что мальчиков делала уязвимыми для преступников бедность, недостаток внимания, в частности мужского; вместе с тем это дети «чистенькие», «неиспорченные» (в отличие от семантики «опасные дети» в другой группе текстов – см. ниже).

В тексте описываются гнусные подробности преступлений, шантаж с помощью чувства стыда, которое заставляло детей молчать и продолжать

обслуживать «клиентов», рисуются перспективы ужасного будущего этих детей, душа которых надломлена систематическим насилием. Таким образом, многократно повторяется сема «страдание».

КП рассказывает о судебном процессе над учительницей, которая якобы довела ученика до самоубийства, однако версия корреспондента другая: ребенка подтолкнули к роковому решению сектанты, жившие вместе с детьми в летнем лагере, из которого совсем недавно вернулся мальчик (Сектанты довели школьника до самоубийства?//КП. 2007.12 июля). И хотя истинная причина гибели ребенка из текста неясна (учительница строго требовала дежурить в классе и вымыть пол, не более), миссионеры из Америки (именно они названы сектантами) тоже ничего особенного не делали, и с другими отдохавшими детьми все в порядке, тем не менее автор делает предположение: *А вот как их проповеди действовали на психику детей, многие из которых сироты или из неполных семей? Большинство из приезжавших в лагерь американцев - молодые, глубоко верующие люди. Понятно, что они стремились поделиться своей верой с подростками. У кого-то это получалось тактично. А кто-то проявлял рвение. Но как на школяров с довольно сложной психикой могут подействовать настойчивые рассказы о загробной жизни, в которой все будет хорошо: ведь там их встретит Бог, который всех любит и обо всех позаботится.* - Утверждение о «сложной психике» дается как некая известная всем аксиома, которой можно оперировать в качестве аргумента. Имплицитно предполагается смысл: «в жизни у детей все плохо, их психика неустойчива, их недостаточно любят, поэтому они стремятся в загробный мир».

Несколько другой образ ребенка-жертвы находим в «Известиях»: воспитанники кадетского корпуса «Кедровый» страдали от «педагогических» методов прапорщика Котлярова, который систематически истязал подростков, избивая их, заталкивая в рот окурки, чтобы отучить от курения, и используя другие подобные «способы влияния». Ключевыми в тексте являются смыслы «жестокость» и «страдания»: *жизнь...превратилась в ад, изощренные издевательства, детские жалобы, из каютки, зажимая рот и давясь*

офицерскими окурками, выбежал их товарищ с размазанными по лицу пеплом и рвотой и т.п. (в тексте много подобных примеров, мы пощадим ваши нервы и не будем приводить остальные). Сообщается, что большинство из воспитанников – сироты и дети из неполных семей (ниже сказано: сюда со всего Красноярского края собрали детей из неблагополучных семей), и акцент делается на описании тягот их жизни: С отцом у них такие отношения, что парень и говорить о нем не хочет. Таких, как Слава, ребят из неблагополучных семей, здесь 290 человек, 45 из них - круглые сироты, еще у 45 родители лишены родительских прав. Попасть туда, где вдоволь еды и чистая постель, - мечта многих подростков, не обласканных судьбой.- Смысл «страдание» усиливается: мальчикам некуда деваться – дома ужас и здесь пытка. Впереди тоже ничего хорошего: Воспитатели нас стыдили: нашли, говорят, на что жаловаться, - рассказывали мне кадеты. - Да в армии, говорят, с вами и не то будут делать!

Педагогический коллектив раскололся: некоторые преподаватели сочувствуют коллеге, считая, что *с воспитанниками иначе нельзя*, директор кадетского корпуса, зная о методах воспитателя, тем не менее объявил ему благодарность за самый дисциплинированный взвод; другие же преподаватели говорят: *Понятно, что ребята у нас далеко не идеальные, доводят порой до белого каления, но нельзя же так по-зверски относиться к сиротам! Мы, учителя, их почему-то не бьем, матом не ругаем. Значит, можно и без рукоприкладства воспитывать* - так проскальзывает сема «трудные, неблагополучные».

Характеристика «жертвы и, как следствие, трудные» в более обобщенном виде содержится в газетных материалах, посвященных не конкретному преступлению, а в целом социально незащищенным группам. Так, КП рассказывает о безнадзорных детях как жертвах их семей и системы в целом (Генералы московских вокзалов //КП.2007.25 декабря). Текст строится типично для этого издания: несколько историй, рассказанных о себе беспризорниками (все они сироты или брошены родителями), затем общая характеристика детей,

живущих на вокзале (по большей части это выходцы из неполных семей, неблагополучных, где родители пьют, не раз сидели в тюрьме - им не до детей), комментарии чиновников, цифры. Снова отметим однородный ряд. Речь идет именно о неблагополучных семьях, наличие или отсутствие отца не играет здесь роли, и словосочетание «неполная семья», появляясь в этом контексте, наделяется признаком «неблагополучная». Текст пронизывают смыслы «жестокость», «страдание» и «безысходность»: *прошу деньги на еду, отец погубил мать...умер в тюрьме, жестокое обращение, милиционеры бьют дубинками.*

Вторая подгруппа – тексты о болезнях детей из неполной семьи. Например, рассказывая о тех, кто склонен к перееданию, (АиФ. 2006. 2 августа) журналист сообщает: *Как выяснили медики, более чем у трети пациентов, страдающих патологической склонностью к перееданию, была отягощённая наследственность по алкоголизму. Некоторые воспитывались в неполных семьях, а больше половины - в семьях с авторитарными матерями и слабыми отцами. Ещё до появления симптомов булимии практически все были эмоционально неустойчивы: либо истеричны, либо капризны, раздражительны и импульсивны.*

Контекст приписывает детям из неполных семей эмоциональную неустойчивость. Причем если про полные семьи, дети из которых также эмоционально неустойчивы, сообщаются какие-то дополнительные характеристики, являющиеся причиной неблагополучия (алкоголизм, авторитарные матери и слабые отцы), то неполная семья без всяких пояснений считается источником неблагополучия.

Неполная семья как причина заболевания указывается также в двух публикациях из КП: «Эй, малыш, почему молчишь?» (КП. 2006. 3 августа) и «Московские школьники все чаще превращаются в рабов компьютера» (КП.2007. 14 февраля). В первой сообщается, что задержку развития речи имеют, в частности, дети из неполных, неблагополучных семей. Родители пьют, часто ссорятся. Обратим внимание на однородный ряд. Указывается также

множество других причин того, что дети долго не говорят, начиная с избытка (или, наоборот, дефицита) внимания со стороны родителей и заканчивая социальными катаклизмами, однако неполная семья как причина болезни никак не комментируется. Во втором тексте понятию «неполная семья» приписывается признак «ребенку не хватает внимания и контроля». Зависимость от виртуальных игр становится такой же обычной детской болезнью, как корь или краснуха. Только лечить ее сложнее... Но незанятость подростка ниоткуда не возникает. За ней скрываются серьезные семейные проблемы. По словам врачей, чаще всего во власти игр оказываются дети, которым не хватает внимания и контроля со стороны родителей: в неполных семьях или в тех, где папа с мамой – заядлые трудоголики – Снова относительно полной семьи даются комментарии, а неполная семья упоминается как априори имеющая «серьезные проблемы».

Третья подгруппа – публикации, представляющие тех, кто воспитывается или вырос в неполной семье, как людей, опасных для окружающих. Читатель видит трудных подростков, преступников и психологических вампиров.

Публикация «Возьмем собаку в добрые руки и замучаем до смерти» рассказывает о группе жестоких девочек-подростков, которые, подбирая на улицах дворняг, забирая псов у москвичей по бесплатным объявлениям, устраивали кровавые собачьи бои (КП.2007. 4 мая). Подробно описываются зверства девочек-подростков: помимо издевательств над животными (в основном над собаками, но не только), они издевались и над людьми: натравливали собак на бомжей, угрожали соседям и их домашним питомцам и т.д. Затем следует небольшой социо-психологический анализ: *Социальные портреты этих девушек очень похожи. - Это группа из трех - пяти девочек в возрасте 12 - 16 лет...Все из неблагополучных или неполных семей. У каждой есть собака бойцовой породы. Псы с испорченной психикой, агрессивные. Хозяйки любят выгуливать их без поводка и намордника. Недополучив родительской любви, девочки теперь нашли, к кому привязаться всерьез и надолго. Будучи в своей семье никем, они теперь утверждают, держа в*

страхе район. - отметим однородный ряд из неблагополучных или неполных семей. В таком контексте характеристики «неблагополучные» и «неполные» почти сливаются, образуя своего рода фигуру накопления синонимов.

Главная героиня публикации – девочка, которую автор называет Анжелика. Все основные зверства совершает она. Анжелика имеет психиатрический диагноз, но по каким-то причинам ее редко госпитализируют. В то же время ее диагноз позволяет ей оставаться безнаказанной, несмотря на все ее выходки. В тексте многократно подчеркивается идея самоутверждения через запугивание окружающих: "Мы - главные на районе. Нас все боятся!" (заголовок к 1-й части – С.К.) Сложно представить, чтобы стайка тринадцатилетних девчонок держала в страхе целый район...Остальных держат в страхе ...Когда девочки идут с собаками, стараюсь с ними не пересекаться (слова соседки – С.К.)...Их любимая шутка, держа собаку на поводке, тыкая пальцем на десятилетнего ребенка, скомандовать "Фас!". Эта же идея содержится в комментарии психиатра-криминалиста, сопровождающем основной текст: таких собак часто заводят психически неуравновешенные люди - делают это из-за страха, неуверенности в себе.

Также накапливаются и усиливаются смыслы «опасность» и «жестокость»: зверства, жестокой и расчетливой Ольги, банда затравила более 30 собак, дворняг терзают особо жестоко, кровавые затеи и т.д. Эти же смысы лежат в основе большинства элементов номинационной цепочки: стая зверенышей, банда малолетних живодерок, одна из живодерок, банда, юные живодерки, это потенциальные убийцы?, возможно, будущие жестокие убийцы.

Подробностей о семьях девочек практически нет. Упоминаются только мать и дедушка Анжелики, она живет то у одной, то у другого.

Поскольку о семьях информации практически нет (ясно только, что родители по каким-то причинам не влияют на опасное увлечение девочек), то в тексте возникает прямая, однозначная, никак не конкретизированная связь: «неполная семья» - «опасные дети». При этом упоминание о структуре семьи выглядит здесь как некая дань традиции, обязательный элемент схемы

описания, а не анализ реальных источников проблемы.

Попутно отметим чрезмерные детали в описаниях зверств девочек-подростков как еще один сомнительный с точки зрения психологической безопасности читателей ход журналиста. В конце публикации он отчасти компенсируется комментарием специалиста, советующего, как вести себя в подобных случаях тем, кто оказался на месте соседей таких подростков.

В «Известиях» есть подобная публикация про террориста (Воронежский террорист планировал еще 15 терактов //Известия. 2005. 20 мая). Здесь про семью рассказывается немного подробнее: *чтобы понять, каким образом славянин стал ярым ваххабитом, воевавшим исключительно за идею, а не за деньги, нужно рассказать о его жизни.* - Максим Панарьин родился в 1976 году в Будапеште в семье военного, - рассказал "Известиям" сотрудник пресс-службы Воронежского управления ФСБ Роман Паневин. - *Когда Максиму исполнилось 10 лет, родители развелись. Отец исчез из поля зрения, а мать переехала в одну из станций Ставропольского края. . Максим рос в неполной семье, учился на тройки, друзей не имел. Когда он ушел в армию, мать вышла замуж за кавказца, мусульманина ваххабитского толка. По возвращении из армии Максим попал под влияние мусульман. Как он сам говорит, его насильно в ислам не тянули. Но особых друзей у него не было, а молодую энергию направить было некуда - в 1997 году он принял ислам.* - Никаких объяснений переменам, произошедшим в сознании, не дается, кроме абстрактных «неполная семья», «некуда девать молодую энергию» Интересно, что молодой человек до 10 лет жил с отцом, а ваххабитом стал как раз в результате того, что его семья стала полной, однако текст разворачивается по схеме «опасный человек – причиной является неполная семья, в которой он воспитывался» . Также в этом тексте появляется тема бедности, необходимости для матери зарабатывать (*Там нормальной работы не было, и мать начала "челночить"*) и как имплицитное следствие в текст вводится смысл «ребенку уделялось недостаточно внимания».

В тексте также ключевым является смысл «опасность»: *в одиночку*

совершил три подрыва в Воронеже и "держал на кнопке" смертницу, взорвавшуюся у метро "Рижская", стал одним из лучших специалистов-подрывников, мобильно-диверсионная группа карачаевского джамаата планировала провести 15 диверсионно-террористических актов и т.д.

Признак «опасные дети из неполной семьи» часто содержится и в текстах о какой-либо неблагополучной социальной группе. Это, в частности, публикация о гопниках как социальной группе – ироничный рассказ о ее появлении в послереволюционное время, расцвете в 90-х гг. и почти полном исчезновении (Куда ты делся, русский гопник? //КП. 2007. 8 июня). И вновь «неполная семья» появляется в тексте как обязательный элемент схемы описания неблагополучного типа людей: *По происхождению они были крестьянами или вовсе безземельной голью перекатной... Поскольку они и у себя-то в деревнях были аутсайдерами, часто детьми из неполных семей, а многие уже имели на счету мелкие преступления, если не что похуже, коренное население Петрограда, а потом Ленинграда относилось к гопникам брезгливо. Они вошли в легенды как блатари и фартовые, которых не могла сломать даже советская система. У них был свой кодекс чести, они жили по собственным правилам, у них были свои татуировки на пальцах, свои моды. Они представляли собой нечто типа касты "воров в законе" в мире правонарушителей-"хулиганов".* - Смыслы, сопровождающие словосочетание «неполная семья», - «бедность», «опасные дети». В тексте, несмотря на иронию, многократно подчеркивается смысл «опасность»: им приписывают статус *самых опасных подонков из числа белого населения всего белого света*; их сопоставляют с дикарями: *Когда в путеводителе какой-то народ называют "гордым", это обычно эвфемизм, означающий "скорее звери, чем люди". Что касается гопников, то они действительно до людей вряд ли дотягивают; отмечают: "Гоп" звучит злобно, тупо и смешно, но не настолько смешно, чтобы вы осмеливались смеяться гопнику в лицо* и т.п.

Аналогичные контексты: в публикации с красноречивым заголовком «Служить должны все, а не только "неблагополучные", где главная идея

вынесена в лид: *Изжить дедовщину можно только подняв уровень солдата*, сообщается, что сейчас в армии служат ребята из неполных семей, без образования, часто с непогашенными судимостями (Известия. 2006. 13 апреля); в интервью с В.Жириновским оставлены без комментария слова *А 90 процентов преступлений совершается детьми из неполных семей или детдомовцами* (КП.2007. 20 ноября).

«Неблагополучные дети из неполной семьи», таким образом, попадают в группу риска и изредка соседствуют в тексте с детьми *«представителей элитных кругов общества, часто посещающими дискотеки, бары, ночные клубы или иные увеселительные заведения»* (Школьников проверяют, не наркоманы ли они?//Известия. 2006.11 августа) – в этом случае сема «бедность как источник неблагополучия» нивелируется.

Приведем пример еще одного текста, где последствия воспитания в неполных и в очень обеспеченных семьях оказываются похожими. Не совсем обычна и сама «опасность», которую представляют дети из таких семей. Это энергетический вампиризм. О самом феномене рассказывает доктор психологических наук, а о том, откуда берутся вампиры, говорит сотрудник Научно-исследовательской лаборатории изучения психологии дошкольного развития и воспитания: *В основном из неполных или неблагополучных семей... Ребенок, которого растит один из родителей, вырастает с убеждением, что от жизни надо брать много и сразу, пока никто не отнял, не предал, не бросил. А для этого надо все выгодные для себя ситуации держать под контролем. И если представился случай обогатиться или занять пост, то людей, от которых зависит исход удачного стечения обстоятельств, нужно брать измором. На любом заводе и в любом офисе вам расскажут истории, как девушка из глухомани, сначала притворившись доброй и наивной, сначала плотно села на шею своему начальнику, а потом подсидела. Или наоборот - бездарный шеф так замучил своего умного подчиненного придирками, что тот слег в больницу с инфарктом. Так «вампиры» воспроизводят те же отношения, с которыми столкнулись в детстве, только уже с позиции силы.*

Теперь они решают, давать ли окружающим любовь и заботу и что требовать взамен. В других случаях энергетическими «вампирами» вырастают избалованные дети, привыкшие к тому, что родители исполняют их малейшие желания. Их стратегия - добиваться своей цели любой ценой, даже мнимой беспомощностью (Как распознать энергетического вампира //КП. 2006. 14 сентября). Дети из неполных семей показаны как успешные в карьере, но добившиеся этого нечестными методами. Проводится прямая зависимость деструктивных, «опасных» способов поведения от воспитания в неполной семье. Мы снова видим однородный ряд из неполных или неблагополучных семей. Типичность передается формами единственного числа в собирательном значении: ребенок, родитель, девушка из глухомани, начальник, а также глагольными формами настоящего времени со значением вневременного признака: растит, вырастает, воспроизводит. Противоположны «вампирам» доноры. В пояснениях, откуда они берутся, нет никаких упоминаний о структуре семьи, вообще о семье. Просто называются психологические особенности личности таких людей.

Как видим, вторая группа текстов сложнее, чем первая. В центре внимания журналистов – дети из неполной семьи с их бедами: страданиями, болезнями, асоциальным поведением, несложившейся судьбой. Рассказываются конкретные истории (Анжелика с собаками, террорист, мальчик-самоубийца) и характеризуются социальные группы (гопники, дети на московских вокзалах), психологические типы личности («вампиры»). Во всех случаях неполная семья выступает как причина детского неблагополучия. Иногда эта мысль более или менее убедительно конкретизируется отсутствием мужского внимания (Мамы всё время на работе, и дети хотели не просто внимания взрослых, а тянулись к сильному мужскому плечу - комментарий психолога в тексте «Банду педофилов возглавлял адвокат» //АиФ. 2006.8 марта), вообще недостатком внимания и контроля (чаще всего во власти игр оказываются дети, которым не хватает внимания и контроля со стороны взрослых – комментарий врачей в тексте «Московские школьники все чаще превращаются в рабов компьютера»

//КП.2007.14 февраля), пережитым в детстве предательством (*Ребенок, которого растит один из родителей, вырастает с убеждением, что от жизни надо брать много и сразу, пока никто не отнял, не предал, не бросил* – комментарий психолога в тексте «Как распознать энергетического вампира» //КП. 2006. 14 сентября). Однако в большинстве публикаций неполная семья в качестве причины бед упоминается без особых пояснений и тогда включается присущая стереотипному мышлению особая логика, «работающая в разных контекстах, на любом объеме информации за счет неограниченного приписывания известного неизвестному»¹⁴. Наиболее частотная синтаксическая конструкция для словосочетания «неполная семья» – однородный ряд (*из неполных и/или неблагополучных семей*). Причем если беда произошла с ребенком из полной семьи, то ситуация в семье каким-то образом поясняется (родители пьют, ссорятся, являются трудоголиками, слабый отец и сильная мать и т.п.). Таким образом, отсутствие пояснений при упоминании неполной семьи в качестве причины несчастий можно рассматривать как некую «нулевую позицию», которая выявляется на основе сопоставления с тем, как представляют в публикациях полную семью неблагополучного ребенка. Нам представляется, что это одно из проявлений более общей тенденции в текстах СМИ, которую отмечает А.Д.Шмелев: «Под видом неочевидных компонентов высказывания, которые адресат должен принять как само собой разумеющиеся, говорящий навязывает собеседнику некоторые весьма нетривиальные суждения»¹⁵.

В ряде текстов слова о том, что преступник или трудный ребенок воспитывался в неполной семье, произносятся кем-то из персонажей публикации – соседкой (в тексте про Анжелику), сотрудником пресс-службы управления ФСБ (в тексте про террориста) или представляют собой комментарий психолога (тексты про педофилов, про вампиров). Пояснения дают только психологи. Остальные, безусловно, называют факты о том, что

14 Новейший философский словарь. Мн.: Изд. В.М.Скакун, 1998. С.877

15 Шмелев А.Д. Еще раз о средствах воздействия на читателя //Журналистика и культура русской речи. 2005. № 1. с.22.

семья попавших в беду была неполной, однако насколько причиной неблагополучия была структура семьи – вопрос открытый, тем не менее журналист включает эти слова в текст как существенные, как-то проясняющие ситуацию. На наш взгляд, здесь можно говорить о недобросовестной аргументации как одном из способов воспроизведения негативного стереотипа.

Фигура матери дана очень схематично: женщина, воспитывающая ребенка без мужа, без конца работает (при этом остается бедной) и ребенок остается без внимания и без контроля. Фигура отца ввиду того, что не упоминается (кроме текста про террориста), имплицитно наделяется смыслами «оставил семью», «перестал общаться», «не помогает материально». Установление того, насколько соответствует описываемое положение дел действительности, выходит за рамки лингвистических задач. И все же отметим одно обстоятельство: исследования по традициям русской семьи показывают, что для нее вообще нехарактерен эмоциональный контакт отца с детьми. Отец, как правило, всегда отсутствует: он на войне, или зарабатывает деньги, или еще чем-нибудь занят. И даже если он дома, он, в основном, общается с женой¹⁶. Поэтому позволим себе сделать вывод, что по признаку «дефицит мужского внимания» полная и неполная русские семьи не столь разительно отличаются, как фиксирует стереотип.

Компенсирующие контексты.

Такое название обусловлено одной чертой, которая в той или иной степени присуща всем текстам этой группы (10 из 42), - это преодоление человеком, которого воспитывала одна мать, бедности и/или минусов воспитания в неполной семье.

Героем большей части таких публикаций становится человек, выросший в неполной семье и добившийся успеха. Это четырехкратный олимпийский чемпион по гимнастике Алексей Немов, министр обороны Анатолий Сердюков,

16 См.: Кон. И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире //Alma mater. Вестник высшей школы. 2001. №.11. С.35-37.

телеведущая Оксана Федорова, актер Клайв Оуэн, английская принцесса Диана и ее дети (обратим внимание, что россиянами являются только три героя, а не все пять). Сначала описываются трудности, затем, как правило, называется фактор, который помог справиться с неблагоприятными условиями. Это может быть мужчина (директор клуба юных техников для Анатолия Сердюкова), тренер для Алексея Немова, дед для Оксаны Федоровой. Это может быть черта характера (ответственное отношение Клайва Оуэна к тем возможностям, которые дает судьба), это может быть мать (принцесса Диана для своих сыновей), это может быть психологическая литература (Оксане Федоровой она помогла обрести уверенность в себе).

Степень неблагополучия также различна: Анатолий Сердюков состоял на учете в инспекции по делам несовершеннолетних (Как стать министром обороны //Известия. 2007. 26 февраля), семья Оксаны Федоровой *жила довольно скромно... не шикавала, «с ужасом»* Оксана вспоминает *страшные сапоги, которые ей приходилось носить* (Оксана Федорова нашла потерянную сестру //КП. 2007. 20 сентября), Алексей Немов просто говорит: *Думаю, что психологи правы, когда говорят, что дети из неблагополучных и неполных семей стремятся всем доказать, что они многое могут, хоть у них и не всё так прекрасно, как у других. У меня тоже так было. И то, что рос без отца, конечно, сказывалось. Но мне очень повезло, что рядом всегда был тренер – мужик* (Алексей Немов успешен как в спорте, так и в семье //АиФ. 2006. 24 мая).

Негативная семантика, связанная с неполной семьей, выполняет в таких текстах другую функцию, нежели в предыдущих: автору важно подчеркнуть эмоциональное неблагополучие и бедность, чтобы создать образ героя, преодолевающего трудности. В основном подчеркивается эмоциональное неблагополучие. Приведем примеры: *самым близким людям девушка рассказала и о своей семейной драме...развод проходил трудно... папу Оксана больше не видела* (КП. 2007. 20 сентября). Сыновья принцессы Дианы, *как и она сама, выросшая в неполной семье... пережили развод родителей и*

прилюдное полоскание семейного белья, которое могло сделать из детей неврастеников. (Известия. 2007. 27 августа). О Клайве Оуэне говорится: На лице 42-летнего актера... читаются биография и судьба. Судьба ребенка из неполной, неблагополучной семьи (отец, певец в стиле кантри, бросил мать с пятью сыновьями на руках), воспитанного отчимом, железнодорожным рабочим – появляется однородный ряд и появляются вопросы (которые не снимаются дальнейшими пояснениями): что автор понимает под «неблагополучием», кроме драмы, связанной с уходом отца? Возможно, это несложившиеся отношения с отчимом, возможно, что-то еще, но об этом не упоминается.

Также иногда описывается возможность неблагополучной судьбы для персонажа, если он – ребенок из неполной семьи: Его вполне могла затянуть улица, но он не стал шпаной. Честь ему и хвала (Как стать министром обороны //Известия. 2007. 26 февраля); прилюдное полоскание семейного белья, которое могло сделать из детей неврастеников (Известия. 2007. 27 августа).

К текстам о преодолении можно отнести также публикацию, в которой описываются семейные сценарии. Один из 5 сценариев, по словам автора, реализуют, в частности, те, кто воспитывался в неполной семье. Сценарий называется «Ты мне вместо папы»: Либо семья была неполной, либо ребенку сильно не доставало внимания родителя противоположного пола. Женщины в этом случае тянутся к мужчинам старше себя, а мужчины ищут женщину сильнее и умнее себя...В этих отношениях старший или более сильный по характеру всегда играет наполовину роль отца или матери. В нем, в свою очередь, может говорить нереализованный воспитательский потенциал. Тогда такие отношения длятся довольно долго. Психологи даже считают, что это один из самых устойчивых сценариев семейной жизни... Положительный пример – Олег Табаков и Марина Зудина – неполная семья характеризуется по признаку «отсутствие внимания одного из родителей», а неудовлетворенная сильная потребность оказывается залогом устойчивого благополучного сценария семейной жизни.

Во всех рассмотренных текстах с различной степенью драматизации подчеркивается в первую очередь эмоциональное неблагополучие и называется какой-то компенсирующий момент в жизни, который позволил герою добиться успеха. Такие тексты, безусловно, способствуют коррекции негативного стереотипа «неполная семья», но, на наш взгляд, лишь отчасти: несколько положительных историй могут быть восприняты как исключение, лишь подтверждающее правило.

Контекст с акцентом на позитивной стороне мы нашли в публикации, где психолог комментирует семейные сериалы. По поводу фильма "Папины дочки" специалист говорит: *Семья тут, увы, неполная. Про маму известно лишь то, что она сбежала из семьи с каким-то хоккеистом, бросив на мужа пять (!) дочек. Папа самоотверженно пытается обеспечить чадам достойную жизнь...Они готовят для него, убирают квартиру, ухаживают за младшим ребенком. Он - обеспечивает их. В общем, в "Папиных дочках" тоже показана патриархальная модель семьи. Но с другой стороны, через образ папы демонстрируется, как мужчина может относиться к женщине - с каким уважением, любовью, заботой. Это очень важный пример.* - Кроме «увы» и восклицательного знака, нет никаких слов с отрицательной оценкой. Впрочем, речь идет о комедийном сериале, к тому же роль одинокого родителя выполняет отец.

Решение материальных проблем обсуждается в тексте «Алиментарная жадность» (Известия. 2006. 20 июня). Речь, в основном, идет о том, как получить алименты с отцов, которые не желают их платить. Однако мы отнесли этот текст к группе компенсирующих, потому что, во-первых, автор приводит, наряду с отрицательными примерами, случай достаточно гармоничных отношений между разведенными супругами, а во-вторых, рассказывает об одной очень состоятельной одинокой маме. В итоге читатель получает более объемную картину, нежели в текстах предыдущих групп. Приведем примеры. Благополучная история рассказана первой: *Ульяна рассталась с мужем пять лет назад. Ее дочери было девять с половиной. Это был "европейский*

вариант": не было скандалов и обид, зато было взаимное уважение и договоренность. - Инициатором развода была я, просто хотела пожить одна,?- легко говорит Ульяна. - Мы были уже больше друзьями. И муж с уважением отнесся к моему решению. Само собой получилось так, что дочь живет с мамой, но в любое время может поехать к папе. - Он прекрасный отец и продолжает общаться с дочерью. Они вместе занимаются спортом и ездят в спортзал. И лето она проводит у него: мой бывший муж живет за городом,- говорит Ульяна... Естественно, что при таких отношениях никто не думал об алиментах. Папа помогает деньгами по собственному желанию... Ее развод - практически идеальный. Хотя она так не считает: - Мы не продумали психологическую защиту ребенка, из-за чего наша дочь потом заболела... Есть правило: перед разводом надо помириться, чтобы не делать все в состоянии аффекта, и спокойно подготовить ребенка: папа будет жить отдельно, но он все равно тебя любит. Проблемы семьи не решить законодательством, - считает Ульяна. Люди должны договориться между собой. Но если им это не удалось, права женщин и ребенка должен защитить закон. - обилие позитивных деталей и слов, выражающих положительную оценку, значительно смягчают упоминание о болезни дочери.

Две другие истории – о негативных отношениях между бывшими супругами, но в обоих случаях матери смогли самостоятельно обеспечить семью, сделать ее материально благополучной: Мария - большой босс на ТВ, таких менеджеров, как она, в России – единицы... Но у Татьяны была хорошая работа и образумить бывшего мужа она не пыталась. И несмотря на то, что потом у Татьяны были и трудные времена – иногда было нечем детей кормить и она работала на трех работах, в итоге дети у нее выросли социально благополучными: сын уже работает, а дочь учится на юриста.

Еще одна история об алиментах – редкий случай, когда хорошо зарабатывает женщина, но отношения с дочерью у нее напряженные, и при разводе ребенок остался с отцом, а, по решению суда, алименты платит мать. Таким образом, этот текст раскрывает обсуждаемую проблему

неодносторонне, дает представление о возможных вариантах поведения при разводе.

Две публикации в группе компенсирующих контекстов стоят особняком. В первой стереотип «несчастливые дети из неполной семьи» воспроизводится с иронией. И хотя никакого опровержения не следует, ирония дистанцирует от стереотипа и автора, и адресата, как бы намекает на возможность иного взгляда на вещи.

Автор текста «Как стать миллионером... по советам из книг» (КП.2007. 24 мая) иронически комментирует одно такое издание и в частности говорит: *"90% женщин, неспособных создать семью, - это старшие дочери, причем из неполных семей"*, - пишет автор, по этой же причине *эти несчастные не могут добиться успеха и богатства. Тезис, прямо скажем, не новый.* А вот объяснение убивает наповал. Первый ребенок, по мнению автора, продолжатель отцовской ветви. Так как папы, по сути, нету, его мертвые предки не будут помогать этому ребенку в жизни. Короче, богатства мне не видать, как своим ушей, и миллионам женщин в нашей стране тоже. Но выход есть: первенцу надо *"восстановить духовную связь с родом своего отца!"* - мысль об изначальной ущербности женщин из неполной семьи высказана автором книги, а журналист, намекнув, что сама относится к их числу, иронически отмечает стереотипность этой мысли, тем самым отстраняясь от нее.

Вторая публикация существенно отличается от всех, уже проанализированных. Обратимся к тексту. Заголовок: «Стоит ли заводить ребенка без мужа?» Лид: «Муж решил, что ваша беременность - ошибка? Это не повод отказываться от радости материнства». Информационный повод – открывшиеся в Москве курсы для мам-одиночек (КП. 2006. 25 сентября). В тексте конструктивно обсуждается проблема, когда женщина решает родить ребенка без мужа. Выделяются две категории: к первой относятся юные, у которых «случайно все получилось», а также небогатые, ко второй - состоятельные женщины, осознанно решившие родить ребенка «для себя» и

подготовившие финансовую основу. Показан масштаб явления: от каждой пятой мужчина ушел, у одной из ста погиб. Женщинам нужна в первую очередь психологическая помощь. Про женщин из первой группы говорится: *Чтобы не смотреть на чужое счастье, они не ходят на курсы, где к родам готовятся семейными парами, а про курсы для одиноких мам обычно не знают...* Женщины второй группы *в отличие от нечаянно забеременевших девочек... все заранее спланировали. В начале курсов это своеобразные психологические «футляры» с массой страхов, запрятанных где-то в глубине души. Они более мнительные, чем замужние беременные, переживают беременность эмоциональнее и требуют от окружающих повышенного внимания. Это поддается психологической коррекции.* - Эмоциональные проблемы женщин описаны как реакция на стресс, которая вполне преодолима.

Женщинам, испытывающим материальные затруднения, на курсах обещают помочь с поиском работы, организовать занятия с ребенком. Описана качественно иная социальная помощь, нежели в текстах первой группы.

Характеризуя описанную группу текстов в целом, отметим на содержательном уровне большее количество конкретных историй, а также более подробную характеристику конкретных семейных ситуаций с одиноким родителем. Комментарии психологов или ссылки на их мнение встречаются гораздо чаще, чем в других текстах. Встречаются позитивные образцы поведения одинокого родителя или разведенных супругов.

Дети изображаются как добившиеся большого успеха или, как минимум, благополучные. Образы матери не столь одинаковы, как в текстах предыдущей группы: мать может поддерживать детей, помогая им пережить драму развода, может хорошо зарабатывать, может сама инициировать развод с мужем и даже обеспечивать отца, оставшегося с детьми после развода, мать может быть состоятельной женщиной, которая не нашла для себя достойного партнера и родила ребенка для себя – драма развода здесь исключается, а вот страх социального осуждения остается. Впрочем, образ брошенной женщины, много работающей и мало зарабатывающей, также имеет место. В текстах этой

группы мы встречаем более или менее обрисованную фигуру отца, причем тоже в разных вариантах: отец, порвавший всякие связи с семьей и не восстановивший их; отец, который пытался восстановить отношения с взрослым сыном, добившимся успеха (текст про А.Немова); отец, поддерживающий хорошие отношения с ребенком, помогающий бывшей жене; наконец, одинокий отец, который способен позаботиться о детях лучше, чем мать.

На языковом уровне бросается в глаза почти полное отсутствие однородного ряда «неполная, неблагополучная» (встретился лишь один раз). Появляется положительная номинация «самостоятельная мама», упоминаются позитивные чувства и действия в некоторых контекстах о неполной семье (*уважение, договоренность, любовь, самоотверженно, помогает, заботится*), вводится положительная оценка в словосочетаниях *идеальный развод, хорошая работа, пытается обеспечить дочерям достойную жизнь*. Используется ирония для отстранения от стереотипа. Вместе с тем основные черты стереотипа «неполная семья» - материальные и эмоциональные проблемы воспроизводятся, хотя и в связи с возможностью их преодоления.

Возвращаясь к вопросу об информационной безопасности в СМИ, подведем итог. Самая многочисленная группа текстов – о социальных льготах, с одной стороны, выполняет важную функцию информирования населения, с другой стороны, поддерживает негативный стереотип неполной семьи – в первую очередь признак «малообеспеченный». Однако эти тексты вызваны объективной необходимостью. Способы представления неполной семьи в текстах второй группы наиболее сомнительны для формирования как минимум нейтрального отношения общества к семьям с одним родителем: недобросовестная аргументация (установление прямой связи «неполная семья – неблагополучные дети» вне описания конкретной семейной ситуации), однородный ряд «неполные и неблагополучные семьи», схематизм в изображении одинокой матери. Более объемным представлен образ неполной семьи в третьей группе текстов, где дано более подробное описание

конкретных ситуаций.

Литература:

1. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. 2004. № 2.
2. Стефаненко Т. Социальный стереотип
[//www.krugosvet.ru/articles/123/1012384/1012384a2.htm](http://www.krugosvet.ru/articles/123/1012384/1012384a2.htm)
3. Волков А.Г. Сороко Е.Л. Типология семей и домохозяйств в России: развитие и анализ (по данным микропереписи 1994 года) //Вопросы статистики. 1999. № 5. С.49 – 51. См. также Копцева О.А. Международная научно-практическая конференция, посвященная году семьи //Народонаселение. 2004.№ 2. С.130.
4. Кон. И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире //Alma mater. Вестник высшей школы. 2001. №.11. С.35-37.
5. Козлова О.Н. Гендерные роли в репродукции социальной жизни // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С.106
6. Новейший философский словарь. Мн.: Изд. В.М.Скакун, 1998. С.877
7. Шмелев А.Д. Еще раз о средствах воздействия на читателя
[//Журналистика и культура русской речи. 2005. № 1. с.22.](#)

Интеллектуализация телепрограмм в аспекте информационной безопасности общества

Личностно-психологический аспект проблемы информационной безопасности.

Благодаря совершенствованию коммуникационных систем информационные потоки сегодня легко могут интегрироваться в мировое информационное пространство. Создание такого глобального пространства, «которое обеспечивает эффективное взаимодействие между людьми, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах», является одной из черт информационного общества [Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000].

Анализ информационных процессов показывает, что в настоящее время происходит их интенсификация. И.Н. Панарин называет следующие составляющие этой интенсификации: «1) неуклонное возрастание скорости передачи сообщений; 2) увеличение объема передаваемой информации; 3) ускорение обработки информации; <...> 5) увеличение объема добываемой новой информации и ускорение ее внедрения; <...>» [Панарин И.Н. Информационная война и выборы. М., 2003, С. 15]; «... за 50 лет скорость передачи информации увеличилась в 300 тысяч раз и составляет около 3 секунд. Это открывает самые широкие возможности для эффективного проведения информационной войны» [Панарин И.Н. Информационная война и выборы. М., 2003, С. 23].

Информационная безопасность обычно рассматривается в двух аспектах. Первый связан с защитой информации в сфере компьютерных технологий, второй – с ее распространением в СМИ и влиянием на общество и отдельную личность. Личностно-психологический аспект данной проблемы затрагивается в Доктрине информационной безопасности, утвержденной

Президентом В. В. Путиным 9 сентября 2000 года. Один из тезисов данной Доктрины гласит: «Первая составляющая национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере включает в себя соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение духовного обновления России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны» [Панарин И.Н. Технология информационной войны. М., 2003, С. 23].

СМИ являются одним из субъектов информационной безопасности, поэтому они должны обращать особое внимание на задачи формирования гражданской позиции и представлений о культурных и научных ценностях, их сохранения и утверждения. Кроме того, в связи с интенсификацией информационного потока целью медиа становится помощь аудитории в адаптации к меняющимся обстоятельствам жизни, осуществление аналитической функции, выявление причинно-следственных связей событий, которые в усложняющемся контексте бытия сам человек не всегда способен уловить.

К сожалению, медиа не до конца выполняют эти задачи, сами иногда становясь источником угрозы индивидуальному, групповому и общественному сознанию. Основные аспекты критики СМИ – это отсутствие четко выраженной гражданской позиции, пассивная (а порой и негативная) позиция СМИ в сохранении и развитии культуры российского общества, дефицит образовательных и воспитательных материалов и передач, пассивная (а порой и негативная) позиция СМИ в поддержании психического и физического здоровья населения, интеллектуальная редукция, упрощение, огрубление сознания [Лепский В.Е. Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М., 2002 21]; «...на читателей и зрителей обрушивается вал лженауки <...> Разве это не прямое одурачивание широкой публики?» [Гинзбург В. Пушкин под синусом // Российская газета, 4 сентября 2007]

Конечно, не только СМИ становятся источником угроз в области информационной безопасности, такими факторами являются и отсутствие единой государственной политики в данной сфере, и неразвитость институтов гражданского общества, и «снижение эффективности системы образования и воспитания, недостаточное количество квалифицированных кадров в области обеспечения информационной безопасности» [Панарин И.Н. Технология информационной войны. М., 2003, С. 25].

Все эти факторы могут способствовать созданию атмосферы бездуховности и безнравственности, социальной пассивности, негативному отношению к культурному наследию, манипулированию общественным сознанием, провоцированию социальных, политических, национальных и религиозных конфликтов.

Становится очевидным, что в сфере проблематики информационной безопасности оказывается угроза индивидуальному сознанию, в частности чувству ответственности за себя и за страну.

Понятие зрелой личности

Угрозы индивидуальному сознанию в сфере информационной безопасности заставляют задуматься о том, каким типом сознания должен обладать человек, чтобы быть устойчивым к самым разным информационным потокам. Если мы обратимся к области психологии личности, то найдем там понятие «зрелой личности», сформулированное Гордоном Олпортом.

Под личностью Олпорт понимает «динамическую организацию тех психофизических систем внутри индивидуума, которые определяют характерное для него поведение и мышление» [Хьелл, Лари А. Теории личности: основные положения, исследования и применение. СПб., 2000, С. 273]. Он рассматривает личность как сущность, находящуюся в процессе непрерывного изменения и становления, причем процесс этот длится всю жизнь. Психологически зрелый человек, по Олпорту, характеризуется следующими чертами:

«1. Зрелый человек имеет широкие границы «Я». Зрелые индивидуумы могут посмотреть на себя со стороны. Они активно участвуют в трудовых, семейных и социальных отношениях, имеют хобби, интересуются политическими, религиозными вопросами и всем, что они считают значимым. Подобные виды деятельности требуют участия истинного эго человека и подлинной увлеченности. <...>

2. Зрелый человек способен к теплым, сердечным социальным отношениям. Существуют две разновидности теплых межличностных отношений, подпадающих под эту категорию: дружеская интимность и сочувствие. Дружески-интимный аспект теплых отношений проявляется в способности человека выказывать глубокую любовь к семье и близким друзьям, не запятнанную собственническим чувством или ревностью. Сочувствие отражается в способности человека быть терпимым к различиям (в ценностях или установках) между собой и другими, что позволяет ему демонстрировать глубокое уважение к другим и признание их позиции, а также общность со всеми людьми.

3. Зрелый человек демонстрирует эмоциональную незабоченность и самопринятие. Взрослые люди имеют положительное представление о самих себе и, таким образом, способны терпимо относиться как к разочаровывающим или раздражающим явлениям, так и к собственным недостаткам, не озлобляясь внутренне и не ожесточаясь. Они умеют также справляться с собственным эмоциональным состоянием (например, подавленности, чувства гнева или вины) таким образом, что это не мешает благополучию окружающих. <...> И более того, выражая свои мнения и чувства, они считаются с тем, как это повлияет на других.

4. Зрелый человек демонстрирует реалистичное восприятие, опыт и притязания. Психически здоровые люди видят вещи такими, какие они есть, а не такими, какими бы они хотели их видеть. У них здоровое чувство реальности: они не воспринимают ее искаженно, не передергивают факты в угоду своей фантазии и потребностям. Более того, здоровые люди обладают соответствующей

квалификацией и познаниями в своей сфере деятельности. Они могут временно отодвигать на задний план свои личные желания и импульсы до тех пор, пока не завершено важное дело.

5. Зрелый человек демонстрирует способность к самосознанию и чувство юмора. Олпорт называл его «самообъективностью». Тем самым он имел в виду, что у зрелых людей имеется четкое представление о своих собственных сильных сторонах и слабостях. Важной составляющей самопознания является юмор, препятствующий самовозвеличиванию и пустозвонству. Он позволяет людям видеть и принимать крайне абсурдные аспекты собственных и чужих жизненных ситуаций.

6. Зрелый человек обладает цельной жизненной философией. Зрелые люди способны видеть целостную картину благодаря ясному, систематическому и последовательному видению собственной жизни. <...> человеку просто нужна система ценностей, содержащая главную цель или тему, что сделает его жизнь значимой. У разных людей могут формироваться различные ценности, вокруг которых будет целенаправленно выстраиваться их жизнь. Они могут выбрать стремление к семье, социальному благополучию, религию или еще что-нибудь. Точка зрения Олпорта по этому поводу заключается в том, что взрослая личность имеет устоявшийся в человеке набор новых ценностей, которые и служат объединяющей основой его жизни. Объединяющая философия жизни дает поэтому некую разновидность доминирующей ценностной ориентации, которая придает значимость и смысл практически всему, что делает человек [Хьелл, Лари А. Теории личности: основные положения, исследования и применение. СПб., 2000, С. 288-290].

Психолог Абрахам Маслоу в своей теории личности также описывает психологически зрелого, здорового человека, пользуясь термином «самоактуализирующаяся личность». Это понятие обозначает полное развитие человеческого потенциала, основанного на биологической природе [Клонигер С. Теории личности: познание человека. СПб., 2003, С. 550]. Назовем наиболее

важные (в контексте устойчивости индивидуального сознания) характеристики, выделенные Маслоу у «самоактуализирующихся» людей:

«1. Более эффективное восприятие реальности. Самоактуализирующиеся люди способны воспринимать мир вокруг себя, включая других людей, правильно и беспристрастно. Они видят действительность такой, какая она есть, а не такой, как им хотелось бы ее видеть. Они менее эмоциональны и более объективны в своем восприятии. Благодаря эффективному восприятию, самоактуализирующиеся люди могут без труда обнаружить фальшь и нечестность в других. Маслоу обнаружил, что эта способность видеть более эффективно распространяется на многие сферы жизни, включая музыку, науку, политику и философию» [Хьелл, Лари А. Теории личности: основные положения, исследования и применение. СПб., 2000, С. 514]. «Возможно, эта зоркость развивается благодаря тому, что их не отпугивает неизвестное, а фокус их внимания не сужен суетными потребностями» [Клонигер С. Теории личности: познание человека. СПб., 2003, С. 552].

«2. Приятие себя, других и природы. Самоактуализирующиеся люди могут принять себя такими, какие они есть. Они принимают и дурное и доброе, являясь, таким образом, терпимыми. У них нет непреодолимой потребности поучать, информировать и контролировать».

3. <...>

4. Центрированность на проблеме. Они привержены какой-то задаче, долгу, призванию или любимой работе, которую считают важной. Они ориентированы на проблемы, стоящие выше их непосредственных потребностей, проблемы, которые они считают для себя жизненной миссией. <...> Они живут и работают в сфере широчайшей компетенции, стремясь посвятить себя «надличностной» миссии или задаче. Такой стиль жизни означает, то они не обращают внимание на тривиальное, незначительное, и это позволяет им четко разделить важное от неважного в этом мире.

5. Независимость: потребность в уединении. <...> [Они] стремятся иметь собственный взгляд на ситуацию, а не полагаться на те мнения или чувства,

которые демонстрируют по данному поводу другие люди» [Хьелл, Лари А. Теории личности: основные положения, исследования и применение. СПб., 2000, С. 516]. «Они способны на глубокую концентрацию и живут своим умом, не позволяя принимать решения за них» [Клонигер С. Теории личности: познание человека. СПб., 2003, С. 553].

«Зрелые личности» обладают определенным типом мышления, которое академик Гинзбург называет «стойким». «Давно замечено, что люди, даже не являющиеся учеными, а просто интересующиеся наукой, обладают, если можно так выразиться, «стойким мышлением». Ими очень трудно манипулировать, навязывать политические взгляды, а уж тем более заставить поверить в разные небылицы и чудеса, которыми забиты СМИ» [Гинзбург В. Пушкин под синусом // Российская газета. 4 сентября 2007].

Именно такая устойчивая личность и может создать информационную безопасность в личностно-психологической сфере, обеспечить ответственное отношение к жизни, нравственность, социальную активность, устранить угрозы в духовной сфере. И средства массовой информации могут выработке такого типа сознания содействовать.

Массмедиа и проблема качества личности.

Массмедиа способны влиять на качество личности, и, как мы сказали выше, не всегда положительно. Самое большое влияние на человека сегодня способно оказать телевидение, стремящееся к символическому господству. «Оно имеет огромную символическую власть — возможность создавать и навязывать определенные социальные представления, модели желаемого устройства общества и государства» [Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2000, С. 12].

Телевидение критикуют за то, что оно, обладая широкими коммуникативными возможностями, исказило сущностные цели и функции массовой коммуникации, заменив их нагромождением случайных,

необязательных, неточных фактов, антигуманных и безнравственных сведений, отказалось от формирования жизненных ценностей человека, перестало добывать смыслы, приближающие человека к постижению мира, не активизирует процессы поиска людьми и сообществами совместного знания. Таким образом, телевидение критикуют за то, что медиатексты теряют содержательное наполнение, смысловыявляющую новизну.

Социолог Пьер Бурдьё отмечает, что любой дискурс или общественная акция, прежде чем будут поданы телезрителю, оказываются подвержены специфическому журналистскому отбору: «...журналисты, даже не отдавая себе в этом отчет, оставляют только то, что способно их заинтересовать, обратить на себя их внимание, то есть только то, что соответствует их категориям, их видению мира, оставляя без внимания прочие продукты символического выражения, может быть, не в меньшей степени заслуживающие внимания всех» [Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М., 2000, С. 65].

Например, новости привлекают внимание к событиям потенциально интересным для всех. Журналисты отбирают факты, которые не разделяют аудиторию на враждующие стороны, которые, напротив, консолидируют мнения людей. «Они способны заинтересовать всех, не затрагивая важных тем. Это хорошо известное правило: чем больше то или иное СМИ или средство творческого выражения стремится к завоеванию широкой публики, тем больше оно теряет свои «шероховатости», все то, что может разделять или исключать, тем больше оно должно стараться «никого не шокировать», не поднимать других проблем, кроме тех, что не вызывают последствий» [Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М., 2000, С. 62]. «Хроника происшествий, например, создает эффект политической пустоты, деполитизирует и сводит мировую жизнь до уровня анекдота или сплетни, переключая внимание и удерживая его на событиях, не имеющих политических последствий, которые драматизируются, чтобы из них можно было «извлечь урок» и превратить их в «общественные проблемы» [Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М., 2000, С. 70].

Никлас Луман даже выделяет определенные критерии отбора, стереотипные схемы, которые используются для того, чтобы сделать информацию новостью. Например, информация может стать новостью, если привлечь внимание указанием на количество чего-нибудь. В цифрах есть всегда нечто определенное, вне зависимости от того, понимает ли получатель информации, о чем вообще идет речь, понятен ли предметный контекст. Медиа классифицируют поступки тех, кто их совершает, называя какие-то поступки хорошими или дурными и помогая тем самым аудитории составить собственное мнение. Однако представление о морали формируется на основе достаточно сенсационных случаев – когда показывают негодяев, жертв и героев, добровольно совершающих подвиги. Весь комплекс скрытых мотивов, которые побудили или вынудили человека поступить именно так, а не иначе, при этом не освещается. Значительная часть материала для СМИ получает информационную значимость лишь потому, что массмедиа делают событием отображение в себе самих (например, рассматривают как события высказанные кем-то мнения). Луман отмечает, что сама по себе истина интересует СМИ лишь с очень большими оговорками. «В этой сфере массмедиа распространяют незнание в виде подлинных сведений, которые должны постоянно обновляться, чтобы подмена была незаметной» [Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005, С. 53].

Таким образом, СМИ мало интересуют неощутимые изменения, то есть такие процессы, которые не замечаются непосредственно и оказывают воздействие лишь спустя некоторое время. Это не позволяет личности выстраивать причинно-следственные связи, видеть системность, целостность мира.

Еще один аспект критики СМИ – это негативные последствия преобладания развлекательной информации над всей остальной. Стремление развлечь приводит к тому, что вместо серьезных комментариев, анализа, дискуссий, в эфир подаются ток-шоу, приглашающие известных, титулованных и взаимозаменяемых собеседников. Эти люди всегда должны быть готовы к тому, чтобы прийти и принять правила игры, соглашаясь отвечать на любые вопросы,

даже на самые нелепые и шокирующие, быть готовыми к любым уступкам, что касается сюжета, других участников передачи, быть готовыми к компромиссам и компрометации, чтобы только попасть в эфир и обеспечить себе прямую и косвенную выгоду, связанную с «медиатической» известностью.

При этом конкуренция, ограниченность эфирного времени, погоня за рейтингом заставляют телевидение спешить. «Речь загоняется в такие рамки, что становится маловероятным сказать что-то значимое. Поэтому телевидение предоставляет слово мыслителям, способным мыслить в ускоренном темпе, «fast-thinker`ам», «быстродумам» [Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2000, С. 44].

Однако «fast-thinker» не столько думает быстро, сколько не думает вовсе, воспроизводя придуманное до него. Он мыслит «готовыми идеями». Это идеи банальные, не вызывающие возражений, усвоенные всеми до того, поэтому проблема восприятия не ставится. «Коммуникация возникает мгновенно, потому что в каком-то смысле ее не существует. Она является всего лишь видимостью. Обмен банальностями, общими местами есть коммуникация, единственным содержанием которой является сам факт общения. Достоинством “общих мест” является то, что все способны их воспринимать и воспринимать мгновенно: из-за своей банальности они являются общими как для говорящего, так и для слушающего. <...> Существуют уже готовые собеседники, «специалисты одноразовой мысли», и это освобождает от необходимости искать кого-либо, кому действительно есть что сказать» [Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2000, С. 45].

Телевидение обвиняют и в том, что в связи со своими основополагающими принципами фрагментарности и мозаичности (мозаично само телеизображение, программы телеканалов дробятся разнородными передачами, само телевидение диверсифицировано различными каналами), оно наделило аудиторию клиповым мышлением, которое не позволяет воспринимать мир как единый, целостный объект, любое знание распадается в таком сознании на множество разрозненных частных знаний. Сознание, раздробленное этими

разрозненными знаниями, часто уже не в состоянии собственными силами вернуться к состоянию единого целостного знания.

Таким образом, исследователи указывают, что телевидение способно негативно влиять на разные аспекты личностно-психологической сферы, в том числе и интеллектуальный. Некоторые программы не только не способствуют формированию устойчивого сознания, но и могут дробить, огрублять и расшатывать его, представляя зрителю определенную – раздробленную, фрагментарную – картину мира.

Учитывая сказанное, очень важно осмыслить опыт телевизионных программ, не опускающихся до уровня тотальной развлекательности и способных поддерживать высокий интеллектуальный уровень передач.

«Программа Гордона»: приемы интеллектуализации текста.

Существуют телепрограммы, которые содействуют воспитанию, формированию зрелой личности с ее целостным мировоззрением. Как правило, это аналитические диалоги, дискуссии, с высокой степенью интеллектуализации текста. Средства воздействия, которые обращены к интеллекту, к его системности, организованности, целостности мы рассмотрим на примере передачи «Программа Гордона», выходившей в эфир НТВ в 2001 - 2004 гг.

«Старшим братом» этого проекта можно назвать передачу «Очевидное-невероятное», куда приглашались видные ученые и деятели культуры, философы, которых волновало воздействие науки на культуру, общественное сознание. «Наука – часть современной культуры, она определяет мировоззрение людей во всех областях. Относиться к ней необходимо не с потребительской точки зрения, а именно как к явлению культуры. Особую значимость приобретает то, как наука и культура могут влиять на общественное сознание. Если эти приоритеты отбрасывать, то мы попадем в руки колдунов, шаманов и прочих жрецов, как это было на ранних стадиях развития общества», - утверждает автор и ведущий «Очевидного-невероятного» С. Н. Капица [Очерки по истории Российского телевидения (под ред. В. Егорова), М., 1999, С. 192].

Концепция программы.

Проект Александра Гордона (триста тридцать пять передач в течение нескольких лет в ночном эфире телеканала НТВ) - это попытка создать некое интеллектуальное информационное поле. По форме передача представляет собой беседу виднейших носителей гуманитарного и естественнонаучного знания. Гости Гордона – известные ученые, кандидаты и доктора наук, академики. Тематика программ разнообразна: от призвания варягов до галлюцинаций, от кумранских рукописей до вакуума как основы мироздания. Необходимо отметить, что продолжительность одного выпуска – более полутора часов (иногда более двух часов), то есть у двоих-троих гостей есть достаточное количество времени, чтобы публично провести серьезный анализ проблемы. Если времени для того, чтобы осветить все аспекты темы, не хватает, то программа получает продолжение в другом выпуске. Например, программа «Феномен жизни» получает продолжение «Феномен жизни - 2», а «Эволюционная теория пола» продолжается в выпуске «Эволюционная теория пола - 2». Это позволяет нам сказать, что концепция программы противостоит концепции «быстродумства», когда собеседники, в том числе из-за небольшого количества эфирного времени, обмениваются банальностями и стереотипами.

«Программа Гордона» позволила с помощью заслуживающих доверия экспертов познакомиться с уровнем, достигнутым в самых различных областях человеческого знания, здесь возник глубокий разговор о духовном поиске. Вот как авторы программы формулируют ее цели (безусловно, направленные на формирование «стойкого» индивидуального сознания): «Программа Гордона решает несколько задач, актуальных для современного состояния общества, и как следствие, телевидения.

1. Программа информирует общество о современном состоянии научной мысли, как в гуманитарных, так и в естественных науках.

2. Формирует мнение о российских ученых как о профессионалах высочайшего класса, подвижниках науки.
3. Обозначает границы познанного мира и определяет дальнейшие направления в познании.
4. Позволяет зрителю создать собственное мировоззрение, основываясь на научном, религиозном и мистическом опыте участников программы.
5. Повышает самооценку постоянных зрителей программы, вынужденных вести напряженную интеллектуальную работу, поощряемую собственными эвристическими откровениями.

В пике устоявшейся телевизионной банальности «наша цель - свобода слова», **«Программа Гордона»** предлагает цель иную – свободу мысли» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 320].

Рассмотрим приемы интеллектуализации текста, которые позволяют выработать «стойкое мышление», приобрести черты «зрелой личности».

Демонстрация целостности мира.

Данная передача отражает особую картину мира, которой современное телевидение часто пренебрегает, - научную картину мира. Она всегда демонстрирует целостную систему представлений об общих свойствах и закономерностях действительности. Множество теорий, которые данную картину составляют, в совокупности описывают известный человеку природный мир, систему представлений об общих принципах мироздания. Утверждение о целостности реальности возникает в науке за счет согласования, взаимной коррекции суждений о фактах и положениях теории, которая всегда и выражает универсальную взаимосвязь наблюдаемых явлений. Таким образом, научная картина мира является серией взаимосвязанных открытий, системным образованием.

Каждый человек имеет свои представления об окружающем его мире. Конечно, единственно правильного взгляда на мир не существует, но чем

лучше наша «модель мира» соответствует миру реальному, тем выше вероятность, что мы примем правильное решение (с точки зрения достижения поставленных целей). Научная картина мира, как мы сказали выше, целостна, а на основе целостного знания человек может прогнозировать свое будущее, что при фрагментарном отражении действительности затруднительно. Когда человек понимает фундаментальные законы, постигает, как основные реальные процессы происходят, на чем базируются, как развиваются, что влияет на них, он выстраивает в сознании смысловую цепочку, может предположить понятную картину будущего, может корректировать свое поведение в зависимости от того, нравится ли ему эта картина или нет. Мы яснее осознаем, что есть реальность, и свое место в ней. Таким образом, вырабатывается одна из черт «зрелой личности» - видение действительности такой, какая она есть, неискаженной, создание целостной картины мира, следовательно, ясного, систематического и последовательного видения собственной жизни.

Раскрытие целостности и системности мира – один из приемов интеллектуализации текста, которые мы можем выделить в «Программе Гордона». При рассмотрении любой проблемы гости и ведущий раскрывают системные связи между разными областями действительности. Тексты программ показывают, что связи могут вводиться двумя способами. Гости выходят в другую сферу в ходе развития своего монолога, то есть устанавливают их самостоятельно. Кроме того, установление связи может происходить и в диалоге, когда ведущий задает вопрос и выводит разговор в новую область. (Отметим, что введение новых аспектов темы происходит точно так же, но здесь может включаться еще один субъект – телезритель).

Прежде всего зрителю раскрывается единство всего живого, в первую очередь глубинные связи человека с миром живых существ.

Рассмотрим примеры:

- ***Сходство механизмов старения человека и других существ.***

Программа «Анатомия старения». Доктор биологических наук Алексей Рязанов рассказывает об экспериментах, в которых ученые пытались выявить факторы,

влияющие на продолжительность жизни. Он указывает, что эти механизмы одинаковы для любого организма, неважно, человек это, обезьяна, крыса, насекомое или микроорганизм: *«Я хочу привести некоторые экспериментальные данные, которые говорят о том, что, по-видимому, механизмы старения общие для всего живого. В первоначальных опытах было показано, что [крыс] надо недокармливать с самого детства. В 80-е годы в лаборатории Валфорда было показано, что то же самое можно сделать и со взрослыми крысами.<...> То есть можно значительно продлить жизнь, недокармливая взрослых крыс тоже. Опытом ограничения в калориях было доказано, что этим способом можно продлить жизнь не только крысам, но фактически абсолютно любым организмам. То же самое с мухами, червяками, вплоть до инфузорий. То есть это работает абсолютно на всех уровнях. И человек здесь – не исключение. Кстати, сейчас проводятся такие опыты на обезьянах <...>»* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 82].

В данном случае гость в монологе сам устанавливает связь между продолжительностью жизни крыс и любых других существ, включая человека. Процесс мышления происходит на глазах у человека, заставляя его мобилизовать мыслительную деятельность, включить интеллектуальный ресурс.

- ***Сходство в химическом строении живых существ***

Программа «Агрессия сверчков»:

«Дмитрий Сахаров. Осьминогов всегда хорошо помогали нейрофизиологам. Например, из мозга осьминогов впервые удалось выделить в чистом виде <...> вещество, которое позволило доказать, что нервные сигналы передаются не током, а молекулами.

Александр Гордон. А у нас нет октопамина?

Дмитрий Сахаров. Есть. У нас все есть.

Варвара Дьяконова. Все-таки корректней, наверное, сказать – почти все.

Дмитрий Сахаров. Почти все, что есть у них, есть и у нас. Только октопамином нашего мозга никто не занимается. <...>

Варвара Дьяконова. Как правило, в мозге человека раньше или позже обнаруживались нейроактивные молекулы, про которые поначалу думали, что их у человека нет.

Дмитрий Сахаров. Да, сначала что-то необычное находят у какого-нибудь сверчка или улитки, потом оказывается, что это есть и у человека и для человека это очень важно. Химия-то мозга общая [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 121]. <...> Собственно этим мы и занимается. Нас интересуют молекулы, которые регулируют поведение: насколько они консервативны, в какой степени наше человеческое поведение управляется теми же химическими механизмами, которые представлены у более простых организмов. <...> У человека, как и у животных, агрессивность нарастает спонтанно <...> Эти приступы выгодны для вида, они есть у животных, поэтому есть и у человека» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 127].

В новую область гостей выводит ведущий своим вопросом о наличии в мозге людей химического вещества, найденного у осьминогов. Неожиданно найденная в диалоге связь способна дать толчок мыслительную деятельность зрителей.

- **Сходство строения мозга человека и мозга других живых существ**

Программа «Два мозга»:

«Константин Анохин.человек в асимметрии своей нервной системы не уникален. <...> Похожая картина наблюдается и у птиц, об асимметрии мозга которых мы говорили. <...> У многих млекопитающих, например, у крыс, асимметрия развивается в первые дни после рождения. [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 215] <...> Сегодня, в отличие от того, то мы думали лет десять-пятнадцать назад, мы знаем, что асимметрия – универсальное явление в нервной системе. И поэтому надежды на объяснение универсальности человека, его сознания и языка через асимметрию исчезают. Но остается вопрос, как на почве этой возможности, существовавшей и у многих других видов животных, возникли те уникальные асимметрии, которые характеризуют нас с вами» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 221].

Связи между асимметрией мозга человека, птиц и млекопитающих выводит сам гость-биолог, он же делает вывод о том, что асимметрия – не уникальное явление в нервной системе человека

- **Сходство в поведении человека и других живых существ**

Программа «Агрессия сверчков»:

«Александр Гордон. Я читал, что агрессивность свойственна не только, скажем, сверчкам, но и гораздо более низшим животным, то есть стоящим на лестнице ниже эволюционного развития, – тем же актиниям. Значит ли это, что агрессивность сама по себе – это очень древний, присущий всем животным инстинкт?» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 122].

В данном случае проблема систематизируется за счет реплик диалога - ведущий задает вопрос, которым провоцирует гостей выйти в новую область проблемы агрессивности: и к низшим животным, и к высшим, в том числе и человеку.

«Дмитрий Сахаров. Вот где ненависть. И это внутри своего биологического вида! Такое поведение очень похоже на человеческое – так мне кажется. Возможно, в основе таких межродовых разборок лежат совсем другие физиологические механизмы, чем те, о которых мы говорили. И тогда надо именно этими механизмами заниматься, если мы хотим что-то понять и подсказать человечеству, как избежать страшных конфликтов. <...> У людей не только скученность, но и социальная несправедливость вызывает приступы агрессии, стайные такие. К примеру, в нашем постсоветском обществе имеется довольно сильная социальная несправедливость. Люди, которые всю жизнь честно работали, трудом которых создавалось богатство страны, вдруг остались ни с чем, а кто-то, несколько человек, все это прибрали к своим рукам. Естественно, возникает агрессивность, которая на руку каким-то политикам, но в то же время эта агрессивность понятна, она вызывает сочувствие [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 139].

«Варвара Дьяконова. У проигравших мышей, которым ежедневно достается новая порция унижений, а они не могут убежать, начинается каталепсия. <...>

И у проигравших развивается состояние, очень напоминающее депрессию у людей.

Дмитрий Сахаров. *И снимается оно так же.*

Варвара Дьяконова. *Снимается антидепрессантами, которыми лечат депрессию у людей» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 135]. «А это известный, кстати, лабораторный феномен, он даже имеет название – «агрессия, вызванная раздражительностью». То есть в ответ на неприятный стимул может возникнуть взрыв агрессивности у любого высшего животного. На резкий звук, удар током. Это нам по-человечески понятно» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 137].*

В последнем примере мы вновь видим, как в монологической речи гости самостоятельно вскрывают связи между поведением человека и животных.

Общее между миром, строением, поведением, химией животных и этими же аспектами жизни человека обязательно выявляется в программах на естественнонаучную тематику. Примеры показывают, что в текстах диалогов человек включается в единую биологическую систему. Сегодня, когда хозяйственная деятельность становится угрозой живому миру планеты, такая демонстрация включенности человечества в живую природу важна для нравственного воспитания аудитории.

В программах гуманитарной или математической тематики демонстрируется наличие в мире фундаментальных законов, связей между культурами и отраслями знания.

- **Фундаментальные основы мира**

Программа «Математика и современная картина мира»:

«Алексей Семихатов. Если наш мир – решение каких-то уравнений, то каждый отдельный физический факт – это частное решение уравнения. Что имеется общего за очень разнообразными фактами? Какой-то математический язык, то есть какая-то математическая структура, которая за ними стоит. Так получается, что в поисках более глубинных структур мы открываем, видимо, в

силу свойств нашего ума, вот эти математические сущности» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 172].

«Борис Воронов. Бесконечное многообразие явлений мира скрывает в себе некоторое конечное количество фундаментальных сущностей и фундаментальных законов, которые этими сущностями управляют. Так что многообразие мира – это многообразие явлений при конечном числе первичных сущностей» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 173].

«Алексей Семихатов. Яблоко, упавшее на голову Ньютона, подчиняется тем же законам, которым подчиняются небесные тела» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 179].

Программа «Мир как вакуум»:

«Виталий Шелест. <...> вакуум – он есть мир. То, что мы видим, все частицы элементарные, все объекты, мы с вами здесь – суть некие всплески, рябь, как говорится, на поверхности этого океана, который именуется вакуумом. Из вакуума потенциально может рождаться что угодно. А может и не рождаться» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 149].

- **Связи между разными науками**

Программа «Ностратическая лингвистика»:

«Сергей Старостин. Это выводы лингвистической науки, они постоянно притираются и сопоставляются с тем, что делается в генетике, в истории, в археологии, как это можно соотнести с выводами палеонтологии» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 223].

«Александр Милитарев. Археология гораздо меньше про это [духовную культуру] знает, чем про материальную культуру. Ну встречаются какие-то фигурки, изображения, не очень понятно, как их интерпретировать.

Анна Дыбо. А в лингвистике пожалуйста – социальная лексика, социальная терминология реконструируются замечательно» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, 266].

Программа «Анатомия старения»:

«Александр Гордон. <...> Я часто натываюсь в этой студии на то, что исследования, которые на самом пике передовой науки проводят ученые, занимающиеся одним, выводят совершенно к другим проблемам. Симбиоз этих исследований дал бы гораздо если не значимый результат, то более ответственный подход. То, что вы занимаетесь над этой проблемой, задумываясь, как человек, как личность о последствиях, но над ней вместе с вами не работают ни социологи, ни медики...» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 92].

Связь лингвистики и биологии [в разговоре об асимметрии головного мозга]:
«Татьяна Черниговская. Лотман и некоторая компания вместе с ним, например, Бахтин, Волошин, отчасти Вяман, выдвигали идею о том, что новая интеллектуальная информация, новые тексты, если понимать слово «текст» широко, появляются в ситуации гетерогенности сознания, в ситуации диалога. То есть для того, чтобы появилось какое-то новое знание, должны быть два, в кавычках говоря, собеседника, которые друг с другом спорят. <...> И, может быть (хотя это, конечно, такой довольно грубый перенос), природе нужно все время иметь ситуацию такой конкурентности» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 211].

Тексты программ показывают, что зачастую сугубо математические, биологические понятия применяются в духовной сфере, религии. Вероятно, это характерно для современного сознания, которое подвергает границы научных полей пересмотру: некоторые дисциплины исчезают, на границах наук происходят захваты и таким образом на свет появляются новые территории, границы исследований постоянно перемещаются. У Гордона эту тенденцию подтверждает демонстрация связей между разными науками.

- **Связи между разными культурами**

Программа «Древнеегипетская Книга мертвых»:

«Александр Гордон. Так вот, все-таки говоря о заимствованиях в самом тексте, в корпусе библейском. Есть ли какие-то следы «Книги мертвых» или других египетских документов в тексте Библии?

Ольга Томашевич. Безусловно, безусловно. Потому что Библия действительно замешана на литературе Древнего Востока в целом. В псалмах Давида можно найти просто буквальные переключки с гимном Атону Эхнатона, просто буквальные. Удивительно схожие, удивительно» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 207].

Программа показывает, что одни и те же предметы и явления возможно называть с помощью разных языков. Это проявляется, когда ведущий перефразирует вопросы телезрителей, обращенные к гостям, как бы переводя эти вопросы на язык науки.

«Телезритель. Алло, а можно вопросик задать? Подтверждается ли химически одни из главных пафосов Лоренса, о том, что любовь и агрессия – однокоренные чувства?

Александр Гордон: Вызывается ли любовь и агрессия одними и теми же химическими веществами?

Варвара Дьяконова: Это для нас, да, на наш язык перевели?» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 132].

Возникает и обратная ситуация, когда с языка науки необходимо перевести текст на язык обывденный. В данном случае ведущий также обращается к гостям с просьбой говорить языком более простым.

«Телезритель. Разрешите вопрос. Не могли бы вы сказать пару слов именно о современном состоянии теории? Те проблемы, с которыми столкнулись сейчас, это только что упомянутая теория великого объединения. Это противоречие классической квантовой теории и теории относительности Эйнштейна, потом, невозможность квантования гравитационных полей... Вот на эти темы...

Виталий Шелест. Можно, я отвечу...

Александр Гордон. У меня только одна просьба и к Вам, и к Вам, и к нашим уважаемым слушателям и зрителям: давайте все-таки учтем, что некая часть аудитории, <...> то включается, то выключается... Давайте все-таки сноски делать. Можете перевести на простой русский язык, вот мне, вопрос, который

сейчас раздался от нашего телезрителя?» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 153].

Иногда сам ведущий описывает научную проблему более простым языком. Например, вот как он «переводит» проблему агрессии сверчков с научного языка на более простой:

«Александр Гордон. Это очень напоминает ситуацию, простите за вульгарное сравнение – время позднее, не даю уснуть, - когда явно доминирующий в социальной группе самец передвигается с мигалками по шоссе, а остальные самцы того же самого вида вынуждены его пропускать. Уровень агрессивности, который возрастает у каждого, кто сидит в этот момент за рулем, думаю, легко измерить без измерительных приборов».

Можно найти такой «перевод» и в монологе гостей программы: *«Виталий Шелест. <...> Строго говоря, формулами квантовой механики, или даже квантовой теории поля, или даже квантовой хромодинамики можно и вот этот стакан с соком описывать»* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 153].

В данном случае физик, сопоставляя квантовую механику и стакан сока, создает контраст, показывая, что описание простых вещей сложными формулами не эффективно.

Отметим, что свойство целостности проявляется не только в текстах отдельной программы, но и в переключке тем разных выпусков. Например, разные аспекты «мужского и женского» гости Гордона рассматривают в нескольких выпусках: «Мужское и женское в языке», «Эволюционная теория пола», «Мужское тело». В первой программе лингвисты пытаются объяснить, почему мужчины и женщины говорят по-разному, обсуждают, существуют ли мужские и женские языки и как в языке отражаются различия между полами. В выпуске «Эволюционная теория пола» доктор биологических наук Виген Геодакян и доктор физико-математических наук Валерий Иванов пытаются выяснить, для чего существуют два пола, какой из них имеет более высокую пластичность в онтогенезе, более адаптивен. В программе «Мужское тело» культурологи рассуждают на тему соответствия внешнего и внутреннего

устройства человека, рассматривают его как сложный и изменчивый социальный конструкт. Таким образом «Программа Гордона» рассматривает проблему с разных точек зрения: биологической, психологической, лингвистической, физиологической, создавая целостный текст на одну тему в рамках нескольких выпусков.

Демонстрация культуры мышления и общения.

Программа не только показывает системность мира, устанавливая связи между разными явлениями, она также учит, как слушать, как думать, рассуждать, делать умозаключения, то есть как выстраивать **связи внутри самого текста**.

Программа «Агрессия сверчков»:

«Дмитрий Сахаров. <...> в живой природе своих убивать нельзя. Ведь агрессия нужна для того, чтобы виду было хорошо, чтобы более сильный самец получил больше пищи и самку. Убивать слабого нельзя. И, действительно, соперники не убивают друг друга. Существует много форм смягчения или имитации боя. В животном мире все сделано так, чтобы внутривидовая агрессия обходилась без жертв.

Александр Гордон. Получается, что мораль у человека биологична, а не социальна. То есть это функция не разума, а природы.

Дмитрий Сахаров. Конечно, в основе человеческой морали лежат те природные правила поведения, которые достались нам в наследство. Мы иногда слишком много о себе думаем. Вот еще пример из Лоренца. Когда ребенок падает в воду и мужчина, допустим, прыгает и спасает этого ребенка, принято говорить: какое благородство, какая высокая мораль. Но точно так же поступает павиан <...>» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 132].

Программа «Анатомия старения»:

«Алексей Рязанов. Когда-то раньше считалось, что маленькие животные живут мало, потому что у них очень интенсивный метаболизм, они как бы сжигают себя быстрее. Но если вы нарисуете график метаболизма мыши,

кошки, лошади и слона, то эти точки более менее лягут на прямую. <...> То есть существует общая тенденция, что крупные организмы живут дольше, но это, по-видимому, связано с тем, что они просто лучшие защищены. Есть организмы, которые существуют в идеальных условиях, никто их не уничтожает. Такие организмы живут действительно долго. Например, недавно были обнаружены черви, которые живут (по-моему, это в Карибском бассейне) сотни лет как минимум. Где-то очень глубоко, на дне моря, где им никто не угрожает, никто их не ест – условия абсолютно идеальные. У них не наблюдается никакого старения, хотя родственники этих червей на земле, у которых много врагов, живут очень мало.

Александр Гордон. Значит, у этих червей фактически отсутствуют мутации, потому что они имели возможность из-за продолжительности жизни их отбраковать.

Алексей Рязанов. Да. И если моя теория правильная, то я предсказываю, что у этих червей скорость возобновления белка поддерживается на очень высоком уровне на протяжении всей жизни» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 88].

В первом примере не просто устанавливается сходство в поведении людей и животных, но делается и вывод о человеческой морали, который позволяет взглянуть на тему под новым углом. Новый смысл в текст вводит ведущий программы. Во втором примере Гордон из посылок (черви живут очень долго, черви живут в идеальных условиях, родственники червей на земле живут очень мало) выводит определенное умозаключение (у них отсутствуют мутации). Таким образом он делает очевидным сам процесс логического мышления, показывает аудитории, как можно думать, выстраивать связи, делать выводы.

Предмет разговора постоянно обогащается за счет **введения новых аспектов** проблемы. Мы уже видели, что связи в речи могут устанавливаться в монологе самим экспертом, и в диалоге ведущим, когда он задает вопросы. При введении новых аспектов действуют те же субъекты, но добавляется еще один, который также может вводить новые аспекты темы – телезритель.

Например, в первой части программы «Анатомия старения» определяется понятие старения, ставится задача программы, и гости рассматривают этот процесс с точки зрения биологии (рассматривается эволюционная теория старения). Телезритель расширяет этот аспект темы, задавая вопрос о генах, отвечающих за старение. Во второй части программы гости с подачи телезрителя затрагивают новую сторону проблемы – социальные последствия увеличения продолжительности жизни. Еще один интересный аспект вводится гостем программы в его монолог – существование особого дискурса старения. Далее, с подачи ведущего возникает разговор о такой стороне проблемы как биоэтика. В последнем блоке программы рассматривается, как увеличение продолжительности жизни людей может повлиять на экономику. Этот аспект темы вновь вводится ведущим. Новые смыслы обогащают интеллектуальное содержание программы, возбуждают любопытство зрителя.

Демонстрация непознанного.

А. Маслоу отмечает, что более эффективное восприятие реальности, зоркость развивается благодаря тому, что «самоактуализирующаяся» личность не отпугивает неизвестное. К области неизвестного (незнания) можно отнести догадки, гипотезы, всевозможные теоретические конструкты и модели. Эта сфера является для сознания полем активной деятельности, так как каждая гипотеза или догадка порождает еще больший круг незнания, в то время как территория ответов сокращается. «...границы непознанного расширяются с самой областью познания. Это невероятно интересный процесс. Чем больше мы знаем, тем больше открывается тайн и загадок и возможностей для дальнейшего прогресса, когда общая площадь нашего познания постоянно увеличивается». [Славуцкий А. Сергей Капица: вместо семьи теперь обзаводятся ученой степенью // Труд, 12 июня 2007].

В «Программе Гордона» выделение области незнания в научной проблеме становится одним из приемов «интеллектуализации» текста. Данный признак подчеркивается по-разному. Проблема может быть обозначена как неясная, непонятная.

*«Физика занимается многими проблемами, которые **объяснить пока не может**. <...> Эта проблема еще долго будет **неясна**»* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 5]. *«В материалах меня поразило высказывание виднейших ученых о том, что квантовая механика **непонятна**. И **непонятна** для физиков. Насколько квантовая механика выходит за границы традиционной физики? Что в ней **непонятного**? На что наталкиваются великие физические умы?»* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 8];

*«Но сами основоположники квантовой механики, Фейнман, например, постоянно подчеркивали, что **понять** квантовую механику **нельзя**. **Ответов на эти вопросы он не дает**. Неполную систему **понять невозможно**»* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 10];

Может быть показана сложность явления или его недостаточная изученность:

*«Надо сказать, что реликтовое излучение на самом деле – **непростая вещь**. Скажем, до сих пор экспериментально **не очень изучен и измерен** спектральный состав этого излучения»* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 18];

*«На самом деле на уровне химизма тоже еще **очень много невыясненного**. Я уже выяснил до программы, что еще **нет убедительной информации**, которая могла бы продемонстрировать, как этот механизм работает на клеточном уровне»* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 123];

*«Нет, на самом деле, наверняка **однозначного ответа на этот вопрос не существует**».* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 129];

*«И довольно **мало пока случаев**, когда какой-то поведенческий акт более или менее **прилично изучен** на уровне клеточных и молекулярных механизмов»* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 132];

«Гравитацию действительно не удалось геометризовать – предполагается, что переносчиком гравитационных взаимодействий между суперстудами являются гравитоны». [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 158];

«Это действительно вопрос коренной, Александр, и ответа на него стопроцентного нет, это один из вопросов, которые сейчас являются предметом тщательного изучения...» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 159];

«Этот вопрос тоже пока не решен. Конечный мир или бесконечный» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 162];

«Да, вот черная дыра образует сингулярность в классической теории относительности. А может быть, с другой стороны другое пространство-время пришито. Может быть. И вообще Вселенных может быть очень много, не исключено, что могут возникать дочерние вселенные, но вообще пока это только фантазии, о которых не хотелось бы говорить. <...> Что там дальше получится, неизвестно, потому что мы стоим перед энергетическим пределом» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 166];

«По-видимому, тут какие-то другие принципы должны быть использованы. Или другие принципы расчета и извлечения косвенных данных. <...> Непонятно, почему такая несимметрия существует» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 167];

«Есть работы, которые пытаются какие-то следы структуры кручения в микромасштабе найти. Но здесь ничего не доказано» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 168].

Может демонстрироваться особый тип неясности, когда какое-то знание в анализируемой сфере существует, но это не те факты, которые могут дать ученым ответы на их вопросы: *«С помощью специальной техники <...> можно одновременно следить за уровнем синтеза практически всех белков. И такие исследования проводились и проводятся на людях, которые дожили до столетнего возраста. Но пока ничего интересного не найдено»* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 84].

Собеседники подчеркивают не только неясность, неизученность явления, но и полное отсутствие знаний о какой-либо стороне предмета, явления:

*«Время не сводится к часам, а имеет какую-то физическую основу. Несмотря на то, что время - одно из фундаментальных сущностных понятий в физике – только как бы параметрически входит в физику. А причины, закономерности времени, носители времени – эти вопросы совершенно **не раскрыты** на сегодняшний день. <...> Ньютон мог позволить себе сказать: я открыл эти силы, описал количественно, но что это такое – **я не знаю**. Время относится к таким же проблемам. <...> Почему пространственных координат три, а временная одна? Или вопрос, например, стрелы времени, его хода. В физике долго **не было ответа на этот вопрос**, хотя другие, не менее важные описательные науки делают это: например, ботаника правильно описывает, как из семени вырастает росток»* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 5];

«Как бы ни хотелось нашим слушателям услышать из наших уст определение времени, мы этого сделать, к сожалению, не сможем» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 6];

«В физике часто встречаются такие вещи, когда, казалось бы, все правильно, все верно, а потом оказывается, что нет. Мы все работаем в физике с относительными истинами. Отсюда вывод: поскольку мы не обладаем и не будем обладать абсолютной истиной, то другого пути у науки нет, как только работать с альтернативными истинами» [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 11];

*«Правильней будет сказать, что про наиболее примитивных животных **мы почти ничего не знаем**»* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 125];

*«Мы **не знаем** на сегодня, какова наша Вселенная. Экспериментальные данные на сегодня **не позволяют судить точно**: расширяется Вселенная, сужается или она статична. **Неясно**, что с ней произойдет, вернется ли она опять в то состояние, в каком была до первоначального Большого взрыва, или будет бесконечно расширяться...»* [Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 164];

*«Задача науки, как она сейчас понимается, это объяснение так называемого видимого мира. Скажем, даже дается размер его, десять в двадцать восьмой, если это понятно, степени сантиметра, видимая часть Вселенной. **Вот видимая часть Вселенной, на эту часть Вселенной наука претендует...**»*

[Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 179];

*«Но самый замечательный факт, который был открыт сейчас буквально в течение последнего года, - это существование так называемой (нашли новое слово) квинтэссенции, ну, это нечто вроде возвращения такого понятия, как эфир. Есть некая разлитая среда, она обладает совершенно удивительными свойствами, она не выделяет специальной системы отсчета, она, как говорят, релятивистски инвариантна, но она составляет половину по энергии, по вложенной в нее энергии мира. Что это такое? – **абсолютно неизвестно***

[Гордон А.Г. Ночные диалоги. М., 2004, С. 181].

Выявив некоторые приемы, способствующие интеллектуализации текста, мы можем сделать вывод, что «Программа Гордона» способна воздействовать на личностно-психологическую сферу индивида и содействовать возникновению у аудитории устойчивого мышления. А это, в свою очередь, является одним из факторов создания информационной безопасности в обществе.

Один пример псевдоинтеллектуальной телепередачи

В противоположность положительному опыту интеллектуализации программ, который мы рассмотрели выше, обратимся к примеру телепередачи, которую можно охарактеризовать как псевдоинтеллектуальную.

В учебных целях полезно проанализировать текст, который по замыслу или по «имиджу» должен был быть глубоко аналитичным, а получился фатическим, то есть разговорами ради разговора. Вполне возможно, что такой результат имел место из-за неумелого поведения ведущего. Важно,

однако, понимать, что этот субъективный фактор объективно, в силу особого функционирования некоторых слов в журналистском дискурсе, обусловил появление текста, содержание которого оказалось организованным по принципу «чего изволите?». А этот принцип ничего общего с интеллектуализацией не имеет.

Речь пойдет о первой передаче телепрограммы «Большие» на канале «Культура» 31 января 2006 г. Но вначале несколько слов о самой программе.

Это еженедельная молодежная дискуссионная программа, которая появилась на телеканале «Культура» в 2006 г. Она посвящена наиболее актуальным проблемам современной жизни. «Ты стал совсем большим» - слова, которых ждет от своих родителей каждый ребенок. Но так ли легко быть большим, задаются вопросом авторы программы. И сами отвечают: «Большие» - это те, кто не боится менять свою жизнь, те, кто ищет и находит выход из самых разных ситуаций. В программе предпринимается попытка показать разных представителей современной молодежи в процессе их взросления, в динамике общения и спора по самым насущным проблемам современной жизни, когда люди не просто отстаивают истину, но высказывают и собственные жизненные позиции, опираясь на свой пусть еще небольшой, но вполне реальный опыт. Дело в том, что участниками передачи являются, как правило, так или иначе уже состоявшиеся молодые люди: не только студенты, но и талантливые актеры, режиссеры, музыканты, ученые, спортсмены, учителя, которые вместе с тем находятся в процессе становления и поиска самих себя. Важно и то, что концепция программы предполагает ее трансляцию в Интернете, в режиме реального времени, когда принять участие в споре или дать тот или иной совет может каждый.

«Как снять большое кино, не имея денег?», «Как честно заработать свой первый миллион?», «Как прославить свою страну?», «Как приучить общество к здоровому образу жизни?» - вот некоторые вопросы из тех, какие были поставлены на обсуждение.

Герои программы – молодые люди, а они, как известно, не только склонны к нестандартному мышлению, но и по-хорошему честолюбивы. «Чем талантливее и ярче представители нового поколения, тем интереснее и неожиданнее предлагаемые ими ответы на насущные вопросы, ярче контуры возможных путей дальнейшего развития цивилизации. Именно таких молодых творцов – представителей новой интеллектуальной элиты мы собираем для участия в наших программах», - говорят авторы.

Задачи, которые ставят руководители программы перед ее участниками, заключаются в следующем: пять ярких молодых людей в студии должны не просто высказаться на заданную тему, проявить себя, но и суметь договориться между собой, в течение экранного времени стать командой единомышленников, наметить общий путь решения проблемы. Чтобы восполнить нехватку опыта, организаторы для участия в программе приглашают эксперта, человека всеми уважаемого, добившегося в своей сфере успеха. Также в студии организован телемост с Нижним Новгородом, в программе участвуют молодые люди, находящиеся в Интернет-кафе. Названию программы соответствует и ее визуальный образ: герои сидят на огромных стульях, не доставая до пола, и выглядят как раз не взрослыми, а детьми, которые еще только хотят стать большими, думающими, самостоятельными людьми и которые должны продемонстрировать свои возможности в ходе спора.

Ведущий программы выполняет в основном функции модератора, иногда делая собственные замечания по поводу затронутого вопроса. К настоящему времени ведущий программы «Большие» сменился. Вначале программу вел Петр Мансилья-Круз. При нем она, возможно, была более живой и динамичной, чем при нынешнем ведущем Александре Олешко. Однако в то же время и более сумбурной, неорганизованной, спонтанной. Ведущий порой самоустранился, становился незаметным, тонул в высказываниях спорщиков и в результате просто «исчезал» как ведущий. Александр Олешко, актер по профессии, более четок, методичен, действует

строго по сценарию. Он может остановить говорящих и направить их в нужное, с точки зрения авторов, русло. Он доброжелателен и спокоен, хорошо чувствует время (хотя в целом, как ни странно для актера, не слишком обаятелен и не слишком эмоционален).

Анализируемый нами выпуск передачи «Большие», как уже было сказано, - премьерный. Тема спора была обозначена так: «Кто он – новый герой нашего времени и как его найти?» Участниками передачи были: резидент Comedy Club Павел Воля, автор и режиссер театра «Театр.doc» Александр Вартанов, актер Артур Смольянинов, учитель гимназии в Люберцах Иван Иванов, режиссер неигрового кино Евгений Григорьев (кстати, бывший студент факультета журналистики УрГУ). В качестве эксперта был приглашен знаменитый кинорежиссер Александр Митта, автор фильмов «Звонят, откройте дверь», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», телесериала «Таежный роман» и др.

В студии разгорелся жаркий спор о том, кого можно считать героем. Спор этот можно было бы, по С.Поварнину, квалифицировать как спор ради истины: «Тезис берется из области, интересующей обоих спорщиков. Приемы такого “проверочного спора” чисты и безукоризненны, потому что, раз идет дело об исследовании истины, сама потребность в нечистых приемах естественно отпадает. Доводы берутся самые, по нашему мнению, сильные с точки зрения их истины, и каждое новое возражение вызывает только новый интерес. Наконец, желателен противник, приблизительно равный по силам или во всяком случае не слишком слабый в данном вопросе. Слабость противника – лишает спор всей прелести и значительной доли пользы» (Поварнин 1996: 30). В телепередаче участвовали равные по силе противники, способные аргументировать свою точку зрения. Тема была интересна и для тех, кто на экране, и для тех, кто был перед экраном, для телезрителей. Так что вполне можно было ожидать и «прелести», и «пользы». Что для этого было нужно?

Прежде всего, нужно было четко обозначить предмет разговора. Между тем, как видно из первой же реплики ведущего, он сам для себя точно этого не определил: с одной стороны, его интересует проблема «скажи мне, кто твой герой, я скажу, в каком обществе ты живешь»; с другой стороны, он формулирует задачу передачи – получить ответ на вопрос «кто он – новый герой нашего времени». Но «герой для кого-то» и «герой нашего времени» – это совершенно разные явления. Можно сказать, что кроме названия герой у них нет ничего общего. «Герой для кого-то» – это всегда нечто положительное, лицо, являющееся «предметом поклонения, восхищения, образцом для подражания», как говорит словарь (МАС I: 307). А «герой нашего времени» – это «лицо, воплощающее в себе характерные, типичные черты своей эпохи, среды» (там же), поэтому оценка его, что известно еще со времен романа М.Ю.Лермонтова, может быть любой, в том числе и резко отрицательной.

Требовалось выбрать что-то одно, и, конечно, интереснее было бы обсуждение второго предмета речи: каков герой нашего времени. Для выяснения мнений участников передачи по этому поводу (отнюдь не для решения проблемы, невозможного в пределах передачи и, скорее всего, невозможного вообще) необходимо было описать «наше время»; порассуждать о том, какие качества личности нужны для успешной ее деятельности; какая деятельность приветствуется обществом и почему. И уже потом можно было приступить к конструированию героя времени и к поискам жизненных примеров. Наверняка такая беседа была бы интересной и полезной для аудитории, ведь образ рождался бы в столкновении мнений, можно было бы оценить точность формулировок тезисов, убедительность аргументов, яркость жизненных примеров, весомость возражений. Это было бы не только содержательно интересно, но и полезно в плане демонстрации культуры мышления и общения.

Вместо такой организующей диалог работы, ведущий своими вопросами продолжает запутывать разговор. Вот несколько стимулирующих

реплик, в том числе и вопросов, с которыми он обращается к своим собеседникам:

«Давайте сегодня попробуем разобраться, как найти героя <...> Павел, вот скажите, может, мы не там ищем героя. Вообще, это человек должен быть или, может быть, в наш век технологий должен быть телефон или автомобиль?»;

«Каждый человек в отдельности, я думаю, в состоянии найти героя для себя? <...> Ваш герой, ваш персонаж – скажем так, чтобы не путаться, - совершает подвиги. Ради чего он их совершает? Вы же вжились в своего персонажа...»

Совершенно очевидно, что ведущий ввел в разговор еще одного «героя» - «главное действующее лицо в романе, пьесе, фильме и т.п.» (МАС: там же). И сделано это почти в самом начале диалога, когда и предмет-то его еще четко не определился.

И снова вопрос ведущего: «Как найти героя?». Но сейчас он интерпретирован участниками по-иному: как писатель, режиссер ищут героя для художественного произведения, как актер ищет краски для создания образа.

А ведущий продолжает метаться между разными «героями»: «Сейчас я спрошу у Интернет-кафе: вот серьезная проблема сегодня образ положительного героя, которому можно и даже нужно подражать. Как вы считаете, можно сначала его сконструировать на теле- или киноэкране, как это делали в Америке в годы великой депрессии, когда сначала создавали героев павильона Голливуда, а потом уже он входил в реальную жизнь?». И аудитория дружно начинает доказывать, что герой – это нечто сделанное, искусственное, как в Советском Союзе, и пусть государство сделает нам таких героев. Никто и не замечает, что разговор ушел в область имиджелогии, клише, стереотипов, маскультуры, манипулирования сознанием. Всё это крайне интересно, но надо бы раскрыть, как оно связано с «героем нашего времени», с проблемой, заданной в начале разговора. Однако

эта связь не прояснилась и в конце беседы, попросту говоря, никто и не собирался никакие связи вскрывать.

Без руководящей роли ведущего, блуждая в поисках героя, участники беседы то вспоминали древнегреческих героев, то объявляли героем француза, который в возрасте двадцати шести лет написал книгу «Как я стал идиотом»: «Человек берет и отказывается от разума, чтобы хоть как-то... Он убежден, что ему мешает жить его ум и, чтобы интегрироваться в общество фондового рынка и всего прочего, нужно отказаться от разума – и нормально. Возможно, герой нашего времени – это идиот, человек, который...». Потом говорящие снова пытались поставить на пьедестал героя тех, кого «раскручивает» телевидение, в первую очередь «бандитов» и «сотрудников спецслужб». Учитывая, что под конец стали вспоминать Гагарина и Маресьева, становится ясно, что собеседники добрались и до первого значения слова: «Человек, совершивший (совершающий) подвиг мужества, доблести, самоотверженности» (МАС: там же).

Прозвучала даже такая примиряющая фраза: «Герои повсюду. Вот сейчас мы сидим в студии, где горит свет, и есть главный инженер какой-нибудь электростанции, и он там где-то у себя работает. Страна – это не 150 придурков, которые шатаются с канала на канал, в число которых мы попали. Это совсем другие люди. Они водят поезда, ведут дочку в детский сад». Что здесь подразумевается под словом герой, вообще трудно сказать.

Таким образом, в результате довольно пространный разговор мы остались там же, где были в его начале, и можем снова задать вопрос: так кто же он, герой нашего времени? Или: кто для нас является героем? Как сказал один из посетителей Интернет-кафе, «беседа была, мягко сказать, неконструктивной».

Задачей беседующих, как видно, было только заинтересовать телезрителей, сделать рейтинг программе, так как это был первый ее выпуск. Участники работали исключительно на публику, высказывая парадоксальные мнения и делая много шума из ничего. Они просто поговорили и разошлись,

оставшись каждый при своем мнении, если только высказанное было мнением, а не случайной репликой, сформулированной наспех только потому, что нельзя же на экране в ток-шоу молчать. В результате ни один из участников не предпринял обсуждения чужого мнения и вряд ли что усвоил из сказанного. Это «речевое взаимодействие поверхностного типа», оно «не связано с преобразованием информации и никоим образом не трансформирует личностных структур собеседников: из речевого контакта они выходят, сохраняя прежние взгляды на предмет» (Клюев 1998: 129).

Речь идет о непосредственных участниках ток-шоу. Но в таком же положении находятся и телезрители: каждый из них тоже остался при своем, не получив импульса для размышления. Происходит это потому, что некоторые слова в журналистском (и политическом) дискурсе функционируют по-особому, не проявляя четко того значения, в котором они употреблены в тексте.

Слова типа «демократия», «свобода» обозначают абстрактные понятия с «минимумом конкретной информации». Их значения «являются конструируемыми понятиями, ибо возникают в результате воспитания, образования, политической социализации и внушения» (Пароятникова 1988: 98, 99). Эта бедность конкретной информации приводит к тому, что адресат вводит в текст свое содержание, то есть понимает слово так, как ему хочется, контекст не регулирует это содержательное наполнение. Действительно, когда политик говорит, что его страна или его партия защищает демократию и свободу, разве по такой декларации можно понять, что именно они защищают? Вполне возможно, что в процессе такой защиты на мирные города будут сброшены бомбы.

Для слов «герой», «героизм» в рассмотренном диалоге тоже создана ситуация семантической неопределенности (хотя и по-другому, чем в случае со словами «демократия», «свобода»). Собеседники насочиняли столько определений значения слова «герой», что зрители могли свободно выбирать то, что им по душе, что привычно и не требует размышления. Всё, что

способно повредить этому интеллектуальному комфорту, как часто бывает в результате наших защитных реакций, скорее всего игнорировалось. Зритель мог ни с чем не спорить, не стремиться понять какие-то новые смыслы. То есть он мог смотреть, но не думать.

Телепередача, которая могла бы быть глубокой по содержанию, воспитывающей культуру мышления и общения, в результате странных действий ведущего оказалась неясной по предмету обсуждения, сумбурной и в сущности малосодержательной.

Цитированная литература

Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М.: «Издательство ПРИОР», 1998. 224 с.

Пароятникова А.Д. «Конденсированные символы» в буржуазной пропаганде // Язык и стиль буржуазной пропаганды. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 73-115.

Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. СПб.: Издательство «Лань», 1996. 150 с.

Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981-1984 (МАС).

Непрямая коммуникация и информационная безопасность в рекламном дискурсе

В настоящее время все большее значение приобретают вопросы информационной безопасности. Междисциплинарный характер термина «информационная безопасность», с одной стороны, задает широкую область его употребления, с другой – порождает некоторую размытость и необходимость уточнения содержания данного понятия в каждой сфере использования.

Говоря об информационной безопасности, мы прежде всего имеем в виду «чистоту», «прозрачность» информации для адресата, то есть отсутствие скрытых компонентов, имеющих манипулятивную природу. Поскольку скрытые компоненты смысла используются достаточно широко и не всегда это связано с манипуляцией, уточним: речь в данном случае идет не о художественных текстах с явлениями многозначности, с несколькими смысловыми слоями, то есть не о тех текстах, в которых средства косвенной передачи смысла используются с целью эстетического воздействия. Речь идет о текстах, в которых имплицитные компоненты имеют манипулятивный характер и применяются для решения прагматических задач. Цель их использования – внушение. Для обеспечения информационной безопасности материала адресату необходимо иметь представление об этих компонентах и их маркерах, чтобы защититься от попыток вмешательства (как правило, навязчивого, агрессивного) в свое ментальное пространство.

В этой связи прозрачность информации для адресата рассматривается как основной принцип соблюдения информационной безопасности. Маркеры его нарушения – сигналы того обстоятельства, что текст вводит читателя в заблуждение. Одной из областей, в которых активно функционируют манипулятивные тексты, содержащие скрытые смыслы, является реклама. Нарушение принципов информационной

безопасности материала в рекламном дискурсе заключается в завуалировании того факта, что текст носит рекламный характер. Соответственно, маркером нарушения информационной безопасности являются признаки рекламной направленности материала, которые позволяют воспринимающему «опознать» дискурс. Совокупность этих признаков мы, вслед за Э.А.Лазаревой [2005: 84], называем сигналом «рекламность».

Можно выделить содержательные и формальные сигналы «рекламность», позволяющие адресату идентифицировать текст как принадлежащий к рекламному дискурсу. К содержательным относятся тема (предмет рекламы), идея (основная мысль) рекламного произведения, аргументация в пользу покупки, поданные в соответствии с тремя максимами рекламного текста: максимой повеления, максимой навязчивости и максимой неповторимой привлекательности. (О рекламных максимах см.: [Лазарева 2005: 88]). Формальными сигналами **рекламности** могут выступать: 1) модульная форма подачи информации (рекламный модуль), 2) яркость, броскость, 3) особый характер подачи материала: креолизация текста, использование иконических, аудиальных знаков, 4) использование особого шрифта, 5) специальные указания: «на правах рекламы» и т.д.

Рекламные тексты, маскирующие факт рекламности, прибегающие к непрямой передаче рекламного смысла («Купи!») в целях выразительности, привлечения внимания (преодоления нежелания воспринимать рекламу), а также в целях сокрытия прагматической авторской интенции, увеличения суггестивного потенциала текста (цели, как правило, взаимосвязанные) - это тексты *косвенной рекламы*, моделирующие *непрямую рекламную коммуникацию*.

Вначале представим обзор скрытых компонентов - косвенных средств передачи смысла, затем рассмотрим их функционирование в рекламном дискурсе в текстах косвенной рекламы.

Косвенные средства передачи смысла

Средства непрямого выражения смысла многообразны. Их исследованию, определению разновидностей уделяли внимание многие ученые [Арнольд 1982, Бирюкова 2002, Долинин 1983, Толкунова 1998, Серль 1986 и др.]. Так, предметом анализа Дж.Р.Серля стали косвенные речевые акты – случаи, когда «когда один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого» [Серль 1986: 196-197]. К.А.Долинин выделял эксплицитное содержание высказывания (ЭСВ) – непосредственно выраженное совокупностью языковых знаков, составляющих сообщение, и имплицитное содержание высказывания (ИСВ), или подтекст, - содержание, которое прямо не воплощено в узуальных значениях языковых единиц, но может быть извлечено при восприятии высказывания [Долинин 1983: 37]. И.В.Арнольд указывала, что *импликация* является частью смысла отрывка текста, а не отдельного слова или предложения, и разграничивала текстовую импликацию и другие виды подразумевания (подтекст, эллипсис, пресуппозицию, аллюзию). Текстовая импликация определяется как дополнительный подразумеваемый смысл, вытекающий из соотношения соположенных единиц текста, но ими вербально не выраженный. Текстовая импликация реализуется в микроконтексте, формальными границами которого являются сверхфразовое единство, диалогическое единство или абзац. *Подтекст* – в макроконтексте (контексте всего произведения – прим. Э.Б.), на референтном масштабе не эпизода, а сюжета. Соположенные элементы расположены при этом дистантно, а не контактно, и входят в разные ситуации. Как указывает исследователь, подтекст и импликацию бывает трудно разграничить, поскольку они часто встречаются вместе и взаимодействуют друг с другом [Арнольд 1982: 84-85]. Подтекст обогащает смысл всего текста, импликация – смысл эпизода. Разница между импликацией и *эллипсисом* заключается в том, что

импликация имеет вариативную интерпретацию, а эллипсис восстанавливается однозначно, поскольку отсутствует приращение логико-предметной информации. В отличие от импликации *пресуппозиция* не содержит новой информации [Арнольд 1982: 87]. Таким образом, *текстовая импликация* есть дополнительный подразумеваемый смысл, то есть вид подразумевания, основанный на синтагматических связях соположенных элементов. Она может передавать не только предметно-логическую, но и субъективно-оценочную и эмоциональную информацию, ограничена рамками микроконтекста, что на композиционном уровне соответствует преимущественно эпизоду, восстанавливается вариативно, принадлежит конкретному тексту и постоянно сочетается с другими видами подразумевания, тоже выраженными связкой $A \rightarrow B$ [Арнольд 1982: 88].

Позднее имплицитность стала пониматься как «категория речи, имеющая глобальный характер» [Бирюкова 2002: 5]. Как отмечает Л.Е.Бирюкова, в языке существует множество способов не прямой, скрытой передачи значений. Это явление охватывает все языковые области, от фонетики до стилистики, и проявляется как на уровне слова, так и на уровне высказывания и текста [Бирюкова 2002: 5]. Все многообразие языковых средств непрямого выражения смысла (тропы, косвенные речевые акты, ирония и т.д.) В.В.Дементьев объединяет в общую категорию *непрямой коммуникации* – коммуникации содержательно осложненной, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимо к простому узнаванию знака. Итоговый смысл высказывания выводится слушающим, и для этого оказывается недостаточно одних правил языка [Дементьев 2000: 4, 44]. Формула не прямой коммуникации: «говорю не то, что говорю» [Дементьев 2000: 25]. Ситуацию, в которой адресант формирует (а адресат принимает) сообщение, в котором

рекламный смысл намеренно затушеван, передан имплицитно, назовем *непрямой рекламной коммуникацией*, а рекламное произведение, в котором на фоне эксплицированной иллюкутивной силы проявляется другая - *непрямой (косвенной) рекламой*. Таким образом, непрямая коммуникация (в том числе рекламная) предполагает сознательное продуцирование адресантом имплицитных смыслов в расчете на их считывание адресатом.

Цели обращения к косвенным средствам выражения смысла (к непрямой коммуникации) различны: от достижения выразительного эффекта (например, метафоры), соблюдения принятых в социуме норм вежливости (например, косвенные речевые акты) до воздействия на волю, сознание людей, манипулирования (например, приемы, используемые в косвенной рекламе). На тот факт, что непрямая форма подачи информации, наличие скрытых, имплицитных смыслов является одним из важнейших способов прагматического воздействия на адресата, указывали многие исследователи [Арнольд 1982, Баранов, Паршин 1986, Бирюкова 2002, Толкунова 1998 и др.]. Отмечалось, что данное воздействие может принимать характер внушения (суггестии (лат. *suggestio* – внушение) [СИС 1987: 478]. Так, Е.Г.Толкунова рассматривает суггестию как особый вид непрямой коммуникации, латентное вербальное воздействие на адресата, воспринимаемое им без критической оценки [Толкунова 1998: 5, 36]. «Некритичность» восприятия обусловлена двуплановостью сообщения, его обращенностью одновременно к сознанию и подсознанию. На сознание направлено буквальное содержание, подсознание занято «разгадкой» подтекста [Толкунова 1998: 31]. Признаком суггестивного текста являются непрозрачность, полисемантизм: наличие множества обладающих прагматической значимостью имплицитных слоев в плане содержания [Толкунова 1998: 55]. При этом передача ряда коммуникативных смыслов происходит одновременно – по мнению В.В.Дементьева, это один из наиболее существенных признаков непрямой коммуникации, - а текст строится так, чтобы при множестве возможных продуцируемых адресатом

смыслов не был забыт главный [Дементьев 2000: 16, 126]. Другой важный признак не прямой коммуникации – семантическая неполнозначность, невозможность адекватной интерпретации вне контекста конкретной ситуации [Дементьев 2000: 15]. Как отмечает Е.Г.Толкунова, суггестивным может оказаться любой текст, разница заключается лишь в суггестивной силе, зависящей от интенсивности (частоты, количества) суггестем (единиц, являющихся маркерами суггестивности), и, следовательно, суггестивность может считаться универсальной прагматической характеристикой текста. Суггестивация осуществляется средствами всех языковых уровней (звуковые повторы; повторы морфем, лексем; ритм; метафоризация и др. – прим. Э.Б). Порождаемое ими имплицитное содержание в совокупности образует рекламную мифологию, программирующую сознание и моделирующую поведение человека [Толкунова 1998: 141]. Помимо отмеченной выше подсознательности процесса декодирования (значение сообщения ориентировано на сознание, «глубинное» содержание обращено к бессознательным установкам), суггестивный потенциал имплицитной информации объясняется многозначностью возможных интерпретаций, нечеткостью продуцируемого адресатом образа, не критичностью выводного знания, его личностным смыслом, поскольку восстановление имплицитного содержания происходит на основе собственной картины мира воспринимающего, в зависимости от его информационных потребностей [Толкунова 1998: 54-55].

Как же происходит «считывание» имплицитного смысла? Е.В.Клюев отмечает, что декодирование высказывания адресат поводит подсознательно, используя навыки «чтения кода» [Клюев 2002: 299], то, что Дж.Р.Серль назвал способностью к умозаключениям [Серль 1986: 196-197]. По мнению Ван Дейка, мы понимаем текст только тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой идет речь. Основой интерпретации текста выступают «модели ситуации» (аналог фрейма – прим. Э.Б.), которые

объясняют, почему дискурс может быть в значительной мере имплицитным, непрямым, неясным или неполным: слушающие в состоянии стратегически активизировать фрагменты моделей, необходимых для понимания дискурса [Ван Дейк 1989: 276]. Стратегический подход заключается в отборе наиболее значимой в данном контексте и для данных коммуникантов информации [Караулов, Петров 1989: 10].

Какая информация необходима адресату для понимания сообщения? Имплицитная информация является выводимой, вытекающей из эксплицитно выраженных элементов [Толкунова 1998: 54]. Исследователи [Бирюкова 2002, Ван Дейк 1989, Дементьев 2000, Долинин 1983, Серль 1986 и др.] в качестве необходимых компонентов адекватного понимания текста называют: 1) общие фоновые знания, языковые и неязыковые, 2) знание принципов коммуникации (например, принцип кооперации Г.П.Грайса), 3) анализ параметров коммуникативной ситуации, 4) знание эксплицитного содержания высказывания, 5) знание стиля и жанра. Как указывает Ван Дейк, обработка неполной информации идет одновременно на нескольких уровнях и из нескольких источников и организуется в виде базы данных [Ван Дейк 1989: 273]. Зная закономерные связи между параметрами коммуникативной ситуации и высказыванием, т.е. правила построения текстов в различных условиях общения, адресат «вычисляет» недостающие аргументы [Долинин 1983: 41]. Если параметры высказывания не согласуются с данными о коммуникативной ситуации, происходит или пересмотр представлений о коммуникативной ситуации, или пересмотр толкования эксплицитного содержания. Поиск скрытого смысла может быть обусловлен преднамеренной аномалией в самом сообщении. Импульсом для поиска подтекста может стать любое реальное или кажущееся отступление от норм речи (лакуны в тексте – импликации факта или импликации логической связи между высказываниями или фактами, несоответствие эксплицитной цели высказывания основным

параметрам коммуникативной ситуации – импликация подлинной целенаправленности и др.). Эффект обманутого ожидания стимулирует поиск подтекста [Долинин 1983: 42-46]. Заметим, что аналогичным образом рассматривает механизм имплицирования информации Л.Е.Бирюкова, по мнению которой имплицирование может производиться двумя способами: пропуском элемента в поверхностной структуре, т.е. созданием смысловой «лакуны», или заменой его каким-либо другим [Бирюкова 2002: 7]. Л.Е.Бирюкова выделяет два типа маркеров имплицитности в тексте: *индикаторы* (средства, указывающие на наличие имплицитного содержания: несоответствие, любая необычность, аномалия, нарушение эталона) и *идентификаторы* (средства, позволяющие интерпретировать имплицитные смыслы: эксплицитные значения лингвистических единиц, невербальные средства, фоновые знания) [Бирюкова 2002: 8].

Отмеченные выше «отклонения от стандарта совершаются по определенным образцам. Отступая от ролевой или ситуативной нормы, человек строит свое речевое поведение в соответствии с нормами какой-то другой роли или ситуации» [Долинин 1983: 45]. Текст не прямой коммуникации, включающий имплицитные смыслы, имеет, по В.В.Дементьеву, семиотическую модель диады (например, вопрос – просьба: Вы можете открыть окно?) [Дементьев 2000: 16]. Члены диады представляют интенциональное состояние говорящего (план означаемого). «Означаемое» включает основную и дополнительные интенции говорящего, обуславливающие выбор данной формы, а также «программу» ее интерпретации в данных обстоятельствах [Дементьев 2000: 75].

Мы рассмотрели общие особенности продуцирования имплицитных смыслов в текстах не прямой коммуникации, особенности их восприятия. Обратимся к рекламному дискурсу.

Непрямая рекламная коммуникация и не прямая (косвенная) реклама

Модель рекламной коммуникации, по мнению В.В.Дементьева, имеет характер непрямого воздействия: высказывания не должны показывать, что покупка желательна для говорящего. Имплиcitный же призыв не подвергается прямой оценке. Идея покупки возникает у слушающего как его собственный вывод [Дементьев 2000: 23]. Это замечание справедливо для большого корпуса текстов *косвенной рекламы*, использующих те или иные механизмы *непрямой коммуникации*. Необходимо вместе с тем отметить наличие *прямой рекламы*, рекламных обращений, непосредственно выражающих смысл: «Купи!». И хотя, как отмечает О.А.Феофанов [Феофанов 2000: 70], четкая граница между прямой и косвенной рекламой может отсутствовать, представляется, что можно говорить о рекламных текстах, целиком основанных на прямой коммуникации, текстах, целиком основанных на непрямо́й коммуникации, а также текстах с взаимодействием данных коммуникативных форм. Уместно в этой связи вспомнить высказанное И.В.Арнольд мнение о том, что в любом тексте наблюдаются две противоположно направленные, но взаимодействующие тенденции: тенденция к усилению эксплицитности, например, к повтору, облегчающему понимание и запоминание, и тенденция к имплицитности, суггестивности, компрессии информации, которая также может увеличивать экспрессивность, эмоциональность и эстетическое воздействие [Арнольд 1982: 90]. В рекламе эксплицитный и имплицитный способы подачи информации чаще всего активно взаимодействуют. Одним из вариантов подобного взаимодействия, отмеченным А.Н.Барановым, П.Б.Паршиным, является прагматический механизм подачи нового в качестве уже известного: помещение сведений о предмете рекламы в пресуппозицию высказывания, недоказанное в неявной форме выдается за уже доказанное и известное («*Почему наш комфортабельный спортивный автомобиль делает спортивные автомобили других марок некомфортабельными?*») [Баранов, Паршин

1986: 126]. Ниже мы рассмотрим и другие формы подобного взаимодействия.

Таким образом, *непрямая рекламная коммуникация* моделируется с помощью сообщений особого рода - текстов *косвенной рекламы*, использующих те или иные механизмы для имплицитной передачи смысла «Купи!». В итоге создаются тексты, содержание которых противоречит принципу информационной безопасности материала. Целью обращения к косвенным средствам выражения смысла (к не прямой коммуникации) в рекламном дискурсе как правило является привлечение внимания потребителей и сокрытие прагматической интенции адресанта, сокрытие самого вида массовой коммуникации – затушевывание факта рекламности для оптимизации воздействия на волю, сознание людей, манипулирования. Косвенная реклама имеет множество вариантов. Мы рассмотрим три случая употребления, три приема создания косвенной рекламы:

- 1) прием *когнитивного столкновения*;
- 2) *вторичные рекламные жанры* - маскировка рекламных материалов под нерекламные – публицистические, научные и др.;
- 3) *product placement* – упоминание предмета рекламы в нерекламном произведении.

Прием когнитивного столкновения

Впервые выделен Э.А.Лазаревой. Суть приема когнитивного столкновения состоит в моделировании в границах одного текста взаимодействия разных типов дискурсов с целью сокрытия авторской интенции для достижения гарантированного воздействия на адресата [Лазарева 2004: 170]. В рекламном дискурсе данный прием реализуется с помощью моделирования ситуаций взаимодействия автора и адресата и моделирования взаимодействия понятийных сфер.

Моделирование ситуации взаимодействия автора и адресата

осуществляется путем латентной передачи прагматической информации на фоне эксплицированной информации, лишенной прагматического заряда. Текст становится многоплановым: он содержит две ситуации – явную и скрытую. Рассмотрим, как эти ситуации моделируются в рекламном тексте.

Рекламная ситуация «купи отличный товар» (и подобные) часто скрывается за ситуациями «нерекламного» характера. Благодаря этому возникает непрямая коммуникация. Так, вместо ситуации продажи автор рекламного текста может смоделировать ситуацию поздравления, то есть вместо: «Купи!» - сказать: «Поздравляю!». О том, что поздравление «с подвохом», адресат догадывается благодаря своим фоновым знаниям («ищи того, кому это выгодно»), сопоставив бескорыстное «поздравляю» с упоминанием той или иной торговой организации.

Например, компания «Сладко» в преддверии Нового года выпустила серию открыток, на «лицевой» стороне которых находится изображение трех крысят (крыса - символ наступающего года), которое сопровождает надпись: «С Новым годом!». Крысята изображены в празднично украшенной комнате, около большой подарочной коробки. Картинка яркая, красочная. На фоне общей пестроты логотип фирмы «Сладко», размещенный в левом верхнем углу, не очень заметен. Создается впечатление, что перед нами обычная поздравительная открытка. Отсутствие прагматического смысла, на первый взгляд, подтверждает и оборотная сторона, на которой размещен гороскоп. Однако в содержании «пророчеств» навязчиво упоминается продукция фирмы – шоколад, карамель и др. Приведем примеры. *«Стрельцы. Количество приглашений на веселые вечеринки превзойдет Вашу способность их посещать. Чтобы не перегореть, воспользуйтесь универсальным рецептом: вместо пресного – сладкое, вместо каши – что-нибудь воздушное и тающее во рту, на закуску леденцы... Водолеи. Это будет год*

усиления активности. Водолеи почувствуют склонность к научным и аналитическим размышлениям, а также иной интеллектуальной деятельности, а шоколад, как известно, тонизирует работу мозга...».

Подобная необычность гороскопа служит индикатором, указывающим на наличие имплицитного содержания, заставляющим задуматься, искать разгадку. (Мы помним: эффект обманутого ожидания стимулирует поиск подтекста). А идентификаторами, позволяющими интерпретировать имплицитный смысл «купи», служат фоновые знания и знания параметров коммуникативной ситуации, опираясь на которые, мы анализируем эксплицитные значения лексических единиц. Такой анализ сообщений на «лицевой» и оборотной сторонах выявляет несоответствие эксплицитной иллюзии высказывания основным параметрам коммуникативной ситуации, что является признаком импликации подлинной целенаправленности. Адресат приходит к выводу, что автор текста моделирует непрямую коммуникацию – «говорит не то, что говорит». Целью адресанта является не поздравление с праздником и не ознакомление читателя с «пророчествами». Поздравление и гороскоп призваны привлечь внимание адресата и расположить его к благосклонному восприятию коммерческой информации – продвижению кондитерских изделий фирмы «Сладко», передача которой и является истинной целью сообщения.

Маркерами нарушения принципа информационной безопасности материала - содержательными сигналами «рекламность» в данном случае являются тема рекламного произведения (диада: новогодний гороскоп/продукция «Сладко»), основная мысль (Поздравляем с Новым годом!/Покупайте кондитерские изделия фирмы «Сладко»), аргументация в пользу покупки (продукция «Сладко» помогает в различных житейских ситуациях), поданные в соответствии с рекламными максимами навязчивости и неповторимой привлекательности. Формальными сигналами «рекламность» служат яркость, броскость, креолизация текста.

В рекламном дискурсе для создания не прямой (косвенной) коммуникации используется моделирование следующих коммуникативных ситуаций взаимодействия автора и адресата: ситуация «получи товар бесплатно», «получи подарок»; ситуация «получи скидку!»; ситуация «прими поздравление»; ситуация –анонс «презентация значимого события»; ситуация «получи полезную/интересную информацию»; ситуация «измени мир к лучшему/изменись к лучшему»; ситуация «участвуй в конкурсе». Данные ситуации представлены на схеме 1. Их анализ см. [Булатова 2006, Лазарева, Булатова, Волчкова, Рябова 2005].

Схема 1. Непрямая коммуникация в рекламном дискурсе: моделирование ситуации взаимодействия автора и адресата

В результате моделирования «нерекламных» ситуаций коммуникативная рамка рекламного дискурса трансформируется, меняются взаимоотношения участников рекламной коммуникации: вместо антагонистического общения «назойливого продавца» и «потенциального потребителя» создается впечатление конструктивного или даже дружеского общения.

Помимо заявленных ситуаций существуют их гибридные формы. Например, рассмотренный выше текст «поздравления с Новым годом» одновременно моделирует две ситуации: «прими поздравление» и «получи полезную/интересную информацию» (в данном случае – сведения гороскопа).

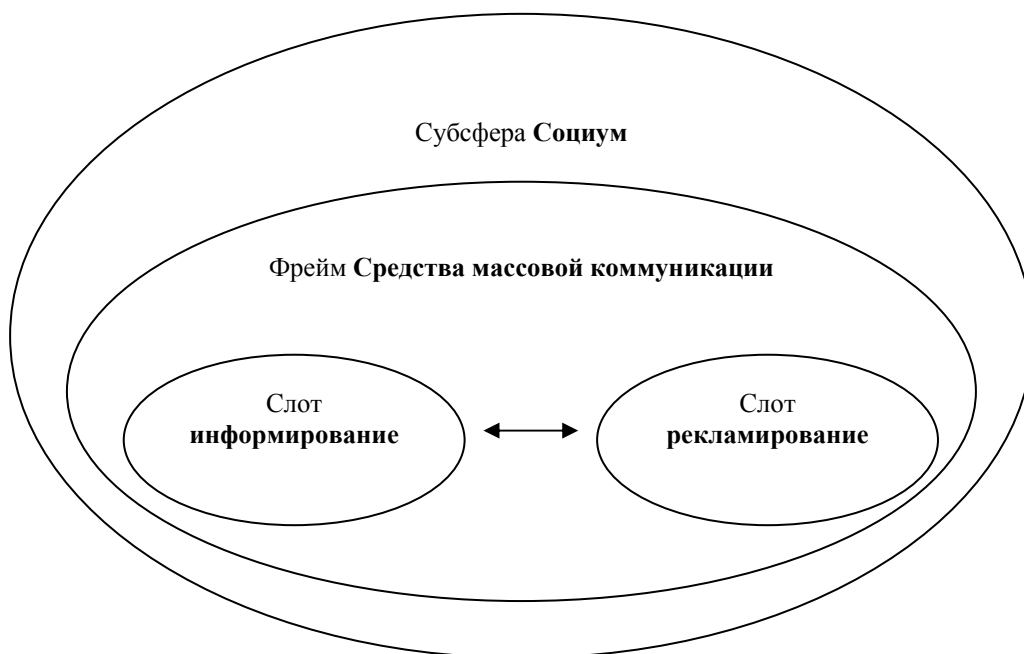
Перечень ситуаций можно продолжить. Приведем в качестве примера текст, моделирующий игровую ситуацию «найди отличие» (журнал «Деревянные дома», № 1, 2008). Визуальный компонент креолизованного рекламного объявления – крупное изображение двух домов, снабженное подписями: «Финский «финский дом»» и «Наш «финский дом»». Заголовок (сильная позиция текста, контрастный крупный шрифт) – «Найди одно отличие!» - заставляет воспринимать материал как своего рода развлекательный тест на внимательность. Включившись в игру, читатель начинает сопоставлять картинки, искать заявленное отличие. Убедившись, что внешне изображенные дома идентичны (на это указывает и перечень характеристик, размещенный между картинками: «такие же материалы, такие же технологии, такие же проекты, такое же качество, такой же сервис»), читатель задается вопросом, в чем же заключается «отличие». Под правой картинкой дана подсказка: «Меньшая цена». В нижней части рекламного объявления указан предмет рекламы: «Российские дома из клееного бруса. Собственный завод в Подмосковье. Производство, продажа, сборка. По финской технологии». Здесь же расположены адресный блок и логотип компании-производителя.

Необходимо отметить, что в данном тексте важную функцию выполняет шрифт. Вся вербальная часть объявления, кроме заголовка, набрана мелким шрифтом, и читатель не сразу обращает на нее внимание, не сразу опознает дискурс. Подчеркивание игрового компонента позволяет адресанту завуалировать рекламный характер материала. Кроме того, игровой компонент выполняет функцию оригинально поданного

аргументативного блока: картинки наглядно показывают, что «наши» дома ничем не уступают «финским», да еще и стоят меньше. Цель автора – привлечение внимания к рекламному объявлению за счет сокрытия рекламной направленности материала и создание благоприятного впечатления о предмете рекламы – достигнута.

Моделирование ситуации взаимодействия автора и адресата служит примером использования приема когнитивного столкновения в коммуникативном аспекте. В когнитивном аспекте данный материал представляет собой пример взаимодействия двух слотов (компонентов, из которых состоит фрейм) «Информирование» и «Рекламирование» фрейма «Средства массовой коммуникации» субсферы «Социум». (О выделении субсфер см. [Чудинов 2001]). Покажем это взаимодействие на схеме 2:

Схема 2.

Две ситуации, «нерекламная» и рекламная, явная и скрытая, соответствуют двум слотам «Информирование» и «Рекламирование», которые последовательно активируются и взаимодействуют при «расшифровке» текста. Функция слота «Информирование» - маскировка слота «Рекламирование».

Этот самый общий принцип взаимодействия понятийных областей свойственен всем текстам косвенной рекламы и является для них определяющим, формирующим данный вид дискурса. Кроме того, в текстах мы можем встретить и другие, частные случаи взаимодействия понятийных сфер. Рассмотрим их.

Моделирование взаимодействия понятийных сфер в рекламном дискурсе.

В лингвистическом аспекте моделирование взаимодействия понятийных сфер осуществляется «с использованием в произведении слов, относящихся к разным когнитивным областям, не связанным друг с другом в реальности и, самое главное, в рекламном дискурсе не существует никаких «мостиков» (выделено Э.Б.), связывающих эти разнородные средства» [Лазарева 2005: 125]. Приведем в качестве примера креолизированный текст, рекламирующий мебель (наружная щитовая реклама, март, 2008). Вербальный компонент «Новое звучание классики. Himolla. Мягкая мебель Германии» дополнен визуальным: изображением дивана и стоящего перед ним дирижера, взмахивающего палочкой. В едином текстовом пространстве оказались объединены такие далекие, не связанные между собой в действительности сферы, как сфера музыки и сфера мебели.

В подобных рекламных сообщениях используется один из принципов имплицирования информации - создание лакуны в тексте с помощью импликации логической связи между высказываниями или фактами. Воспринимая элемент, находящийся в сильной позиции, читатель прогнозирует дальнейшее развертывание текста. Эффект обманутого ожидания стимулирует поиск подтекста. В данном случае имплицирован (или затушевывается, подается в слабой позиции текста) мотивационное звено – база совмещения когнитивных сфер, основание их взаимодействия. В результате мотивационная связь между соположенными предметами чаще всего зыбкая, неопределенная. Круг фактов, которые могут входить в

мотивационное поле, обширен. Восприятие рекламы, использующей прием когнитивного столкновения, сродни получению выводного знания, механизм которого примерно такой: если предметы рекламы X и Y объединены в границах одного текста, значит, между ними есть что-то общее. Что именно? Поиск ответов на подобный вопрос приводит адресата к возможным вариантам ответов. Вариантов может быть несколько, так как текст допускает несколько интерпретаций и, как следствие, является суггестивным. Кроме того, наличие вариантов интерпретации обусловлено различием, существующим между индивидуальными картинами мира воспринимающих. Каждый полученный ответ будет личностно значимым, поскольку базируется на индивидуальной когнитивной сфере адресата. В этом – еще один секрет воздействующей силы приема когнитивного столкновения.

Если воспользоваться терминами когнитивной лингвистики, взаимодействие когнитивных сфер, межфреймовое взаимодействие в рекламе можно представить следующим образом: то, что раньше входило в разные фреймы (мы используем термин «фрейм» для обозначения семантического поля, понятийной (когнитивной) сферы, концептуальной области. Данные термины используются как синонимы (см., например, [Филлмор 1988]), теперь объединено в один и связано отношениями тождества, включения, пересечения. Основанием объединения служат общие законы человеческого восприятия. (Об особенностях восприятия см.: [Краско 2004]).

В настоящее время выработаны подробные методики анализа концепта, одной из разновидностей которого является фрейм [см.: Бабушкин 1997, Попова, Стернин 2001, Степанов 2001 и др.], но в общем виде они были сформулированы еще Ч.Дж.Филлмором [1988]. Анализ текста с позиций фреймовой семантики предполагает ответ на вопрос: какие фреймы активируются или могут быть активированы текстом, какие оценки приписаны их слотам, каковы функции фрейма в рассматриваемом

окружении [Филлмор 1988: 66-67]. С учетом специфики нашего исследования методика анализа принимает такой вид:

- 1) соположенные, пересекающиеся в рекламном тексте понятийные сферы (фреймы),
- 2) мотивационное звено (основание пересечения, база совмещения сфер),
- 3) функция пересечения, роль в восприятии.

Посмотрим, какие сферы взаимодействуют в рекламном дискурсе. Примем в качестве исходного положения тот факт, что мир рекламы – мир материальных предметов. То есть рекламируются артефакты (по классификации А.П.Чудинова [Чудинов 2001: 51]). Для характеристики объектов понятийной сферы **Артефакт**, для побуждения к покупке задействованы все существующие понятийные сферы: **Человек, Социум, Природа, Артефакты**. Покажем их взаимодействие на примере пересечения субсфер **Артефакты** и **Человек**, поскольку к последней для характеристики предмета рекламы копирайтер обращается чаще всего. (Анализ других субсфер см.: [Лазарева, Булатова, Волчкова, Рябова 2005]). Учитывая креолизированный характер большинства воздействующих рекламных обращений, мы дадим описание и вербального, и визуального рядов. Проследим, к каким потребностям апеллирует реклама. (Использована типология потребностей А.Г.Маслоу [1999]). Потребность и является явным (обозначенным) или скрытым мотивационным звеном.

Субсфера **Человек**

Фрейм **Чувства**. Слот **Любовь**

Обращаясь к данной сфере, реклама апеллирует к потребности любить и быть любимым (бессознательная базовая потребность, по А.Маслоу [1999]). Слова «любовь», «любить» встречаются очень часто. Причем имеется в виду не склонность к определенным действиям, связанным с предметом рекламы («Любишь кататься на велосипеде – покупай велосипед»), а любовь человека к человеку. Любовь реализуется,

проявляется с помощью предмета рекламы, который ценен не сам по себе, ценна возможность с его помощью проявить чувства. Нас призывают «доказать любовь на деле...», купив пластиковую карту «ВУЗ-банка» («Я покупаю», март, 2002), «не изменять любимому» и купить кофе определенной марки (реклама Nescafé. «BURDA мини», ноябрь, 2002), предлагают получить «больше места для чувств», подключившись к «Мегафон» («Профиль». Октябрь, 2002) и т.д. Во всех случаях сталкиваются сфера коммерции и сфера внутреннего мира человека. База совмещения когнитивных сфер (мотивационное звено, основание пересечения) может быть выражена более или менее явно. Рассмотрим эти случаи.

А. Мотивационное звено становится очевидным благодаря пояснениям в тексте. Коммерческое предложение вербализовано.

Приведем в качестве примера текст, рекламирующий мебель. Заголовок: «Морщинки тоже сексуальны». Фото: диван оригинального дизайна, ткань не гладкая, а со складочками. Около дивана привлекательная женщина средних лет. Под фотоизображением расположен текст: «Среди нас немало тех, которые придают индивидуальности и притягательности больше значения, чем гладкому лицу. Так бывает и с мебелью. Например, Togo, ставший сегодня классическим образцом, но совершивший 20 лет назад небольшую дизайн-революцию благодаря Мишелю Дюкаруа, сохранил до сегодняшнего дня приятные для тела формы, приглашающие насладиться отдыхом, жизнью, ничегонеделанием. Одним словом, просто комфортабельно! А способствуют этому 26 изощренно комбинированных деталей из новых материалов и 1001 вариант различной обивки. Еще больше о Togo Вы можете узнать в специализированных магазинах Ligne Roset или из нашего фирменного каталога по адресу: ***».

Заголовок и первая фраза рождают ощущение, что речь пойдет о человеческой внешности, об особой привлекательности людей среднего

возраста. Речевые средства, формирующие данную сферу: *морщинки, сексуальный, индивидуальность, притягательность, гладкое лицо*. Однако далее эта когнитивная область сталкивается с другой – с областью артефактов, предметов обстановки, сферой продаж: *мебель, комбинированные детали, новые материалы, варианты обивки, специализированные магазины*. Благодаря эффекту обманутого ожидания становится понятно, что в тексте говорится не о внешности человека, а о дизайне мебели. Базой совмещения двух ментальных пространств становится тема сексуальной притягательности. Предмет рекламы – диван – олицетворяется, наделяется именем («Того»). Сообщается, что он за 20 лет продаж «сохранил приятные формы», позволяющие насладиться отдыхом, жизнью, ничегонеделанием. Складки на диване могут быть так же притягательны, как морщинки на любимом лице.

Б. Мотивационная связь между соположенными сферами зыбкая, неопределенная. Мотивационное звено домысливает читатель.

Приведем в качестве примера тексты, содержание которых активизирует фрейм **Свойства человеческого организма**, слот **Свобода**.

Данные тексты обращаются к внутренней, личностной потребности самореализации: свободе творчества, самовыражения. Реклама обещает, что предмет рекламы обеспечит свободу самовыражения. Так, реклама парфюмерных средств утверждает: *«Все в твоих руках!»* (реклама туалетной воды SOTY»), *«Все в моих руках»* (реклама духов «HUGO BOSS»), *«Жизнь прекрасна, когда творишь ее сам»* (реклама духов «Guerlain»), *«Я ЛИДЕР. Свобода – мой мир»* (реклама духов «E.Arden»); призывает: *«Твори сам. Не подражай»* (реклама туалетной воды «HUGO BOSS»), *«Слушай свое сердце. Дай свободу душе»* (реклама духов «ZEN»). Данные утверждения являются подписью к фотоизображениям привлекательных юношей и девушек, ассоциировать себя с которыми должен потенциальный потребитель. По логике рекламы, окутав себя

ароматом духов, последний обретет вожденную свободу самовыражения.

Та же когнитивная сфера участвует в построении текстов, рекламирующих шоколад: *«Делай то, что тебе нравится, вместе с шоколадом ВИСПА»*, газированный напиток «Sprite»: *«Просто будь собой! Не дай себе засохнуть!»*, одежду «Vogner»: *«Время быть собой»*, обувь «ессо»: *«Кто сказал, что люди не летают?»*. Во многих случаях какие бы то ни было пояснения отсутствуют. Объявление представляет собой фотографию и подпись к ней. Мотивационное звено (базу совмещения понятийных сфер) домысливает сам читатель.

Помимо свободы самовыражения реклама обещает свободу от груза повседневных забот. Приведем в качестве примера рекламу продуктов легкого приготовления «Дарья», представляющую собой фотоизображение веселой резвящейся девочки. Подпись гласит *«Ощути себя свободным»*.

Итак, в результате взаимодействия когнитивных областей предмет рекламы, относящийся к субсфере «Артефакты», приобретает признаки объектов субсферы «Человек»: он становится «пропуском» в мир чувств, делает нас счастливыми и свободными, позволяет нам реализовать свой творческий потенциал.

Моделирование взаимодействия понятийных сфер в рекламном дискурсе может сопровождаться моделированием ситуации взаимодействия автора и адресата. Обратимся к рекламе туалетной воды «HUGO BOSS», в которой, помимо отмеченного соотношения понятийных сфер Человек и Артефакты, необходимо выделить диаду «изменись к лучшему – купи товар».

Объявление предельно лаконично. Вербальный ряд *«Твори сам. Не подражай»* сопровождает фотография молодого человека. В правом нижнем углу – флакон духов. Авторская интенция выражается открыто, с помощью формы повелительного наклонения. Речь идет как будто бы о свободе самовыражения. Призывы совершить покупку отсутствуют.

Однако созданная в тексте ситуация «изменись к лучшему» не соответствует истинной цели адресанта рекламы – продать заявленный товар. Прямой императивный смысл текста («Твори!») имплицитно означает «купи». Маркерами нарушения принципа информационной безопасности материала – формальными сигналами «рекламности» являются: 1) модульная форма подачи информации (рекламный модуль), 2) яркость, броскость, 3) особый характер подачи материала: креолизация текста, использование иконических знаков, 4) использование особого шрифта. Содержательные сигналы в данном случае не выражены, за исключением невербального обозначения темы (изображение предмета рекламы – флакона духов).

Вторичные рекламные жанры

Жанровая форма произведения может не отвечать требованиям информационной безопасности материала в том случае, когда с ее помощью копирайтер пытается завуалировать рекламную направленность материала (непрямая коммуникация, косвенная реклама). Обратимся к рассмотрению этого явления.

Текстам одного жанра свойственно тематическое, композиционное и стилистическое единство (каждая жанровая форма предполагает типичные содержание, структуру и языковое оформление текста). Адресант, отдавая предпочтение той или иной жанровой форме, тем самым готовит читателя к восприятию этого типичного содержания. Выбор жанра сигнализирует об авторской интенции. Например, заметка информирует о фактах, статья поднимает общезначимую проблему, приглашает к размышлению, дискуссии. Если ожидания читателя оправдываются, если текст отвечает представлению о типичном тексте данного жанра, наличию *прямого* использования жанровой формы, использование, отвечающее канону, представлению о стандарте, согласующееся с существующим «каноническим» жанровым фреймом. Однако в целях сокрытия интенции

и/или усиления эстетического/прагматического воздействия (цели, как правило, взаимосвязанные) автор может прибегнуть к трансформации жанровой формы высказывания. Как отмечает В.В.Дементьев, происходит переакцентуация: несобственное употребление существующего жанра или создание нового жанра, происходящие при смене сферы употребления / стиля [Дементьев 2000: 169-170]. То есть жанр одного функционального стиля используется для создания текста другого стиля. В результате образуются жанровые формы, которые мы, вслед за В.В.Дементьевым, называем *вторичными* жанрами. (Необходимо заметить, что термин «вторичный жанр» может иметь и другое значение. Например, М.М.Бахтин использует его для обозначения сложных, преимущественно письменных: литературных, научных, публицистических - речевых жанров, противопоставленных первичным (простым, сложившимся в условиях непосредственного речевого общения) [Бахтин 2000: 250-254]). По мнению В.В.Дементьева, вторичные жанры включаются в полевую структуру исходного жанра и являются источником не прямой коммуникации. (Сигналы типичной жанровой формы активизируют привычную фреймовую модель и лишь при более детальном восприятии становится очевидна принадлежность текста к иному жанровому фрейму. Исходная жанровая форма, скрывая авторскую интенцию, «обогащает» содержание дополнительными смыслами – прим. Э.Б.). Суть не прямой коммуникации В.В.Дементьев видит в использовании средств, несвойственных исходному жанру [Дементьев 2000: 169-170]. Представляется, что и содержание, и структура вторичного жанра не отвечают представлению о типичном, «первичном» жанре. По В.В.Дементьеву, адресант прибегает к косвенному жанру «в силу невозможности называть истинную цель своих коммуникативных действий» [Дементьев 2000: 155]. Добавим: или нежелания. Т.е. косвенная жанровая форма всегда предполагает сокрытие (имплицирование) некоторой информации. По мнению В.В.Дементьева, существует целый ряд жанров, в которых истинную цель общения не

просто не принято называть вслух, но нужно именно скрывать. Такие жанры всегда предполагают единственную интерпретацию («говорю одно, имею в виду другое, и при этом знаю, что именно») [Дементьев 2000: 175]. К подобным жанрам В.В.Дементьев относит жанры фатической коммуникации (например, флирт, иронию, розыгрыш), а также жанры рекламной сферы.

Жанровый состав рекламы неоднороден. Можно выделить основной, «исходный», *первичный рекламный жанр* - объявление [Розенталь, Кохтев 1981, Ученова 2000 и др.] и ряд *вторичных, периферийных* рекламных жанров: рекламную статью, рекламную заметку, рекламный репортаж, рекламное интервью, рекламное эссе и др. Нарушение принципов информационной безопасности материала на жанровом уровне покажем на примере рекламной рецензии. (Анализ других вторичных рекламных жанров см.: [Лазарева, Булатова, Волчкова, Рябова 2005; Булатова, Лазарева 2006]). Вначале отметим общие признаки исходного жанра, затем проследим их трансформацию в условиях рекламной коммуникации.

Рецензия (от лат. *recensio* – рассмотрение), отзыв, разбор и оценка нового художественного, научного или научно-популярного произведения; жанр критики литературной и газетно-журнальной публицистики [ЛЭС: 322]. Рецензия – это текст о тексте, вторичный текст, появившийся в результате того, что его автор представил читателю свою интерпретацию первичного текста – художественного, научного, публицистического произведения [Майданова, Калганова 2006: 105]. Автор рецензии, обращаясь к читателю, не только истолковывает ему произведение, но и вовлекает в живой процесс совместного осмысления прочитанного (увиденного), дает возможность заново пережить художественное впечатление – на новом уровне понимания [ЛЭС: 170].

Рецензия не имеет языковых жанрообразующих признаков и выделяется по содержательным признакам: она имеет строго заданный

предмет речи (произведение искусства, науки, публицистики) и направление его анализа (идея произведения, способы ее выражения, актуальность, значимость предмета речи в современных условиях) [Майданова 1987: 172]. В исследовательской литературе подчеркивается ее критический характер. Так, Тертычный указывает, что основу жанра составляет отзыв (прежде всего – критический). Рецензия должна преследовать важную цель – рассказать аудитории о том, что заслуживает ее внимания, и о том, что внимания ее недостойно. Основу рецензии составляет анализ, поэтому необходимо, чтобы он был всесторонним, объективным [Тертычный 2002: 141-142]. Автор должен дать оценку сильных и слабых сторон произведения. Критика должна быть доказательной и убедительной [ЛЭС: 170]. Помимо логической аргументации (объяснение причин и следствий) автор рецензии представляет в качестве аргумента первичный текст, а также использует аргументы «к авторитету» [Майданова, Калганова 2006: 108-111]. Вместе с тем необходимо отметить, что рецензии, как указывают Л.М.Майданова и С.О.Калганова, различаются по степени глубины, разработанности логической схемы. Выделяют аналитические рецензии, рецензии-мнения и рецензии-впечатления. Последние не предполагают рационального анализа, интерпретации. Это впечатления, переживания, облеченные в слова [Майданова, Калганова 2006: 108]. Соответственно, и критическое начало в тексте рецензии может быть выражено более или менее явно.

Посмотрим, насколько соответствует данным признакам текст, размещенный в рубрике «Театры. Гастроли» журнала «Ваш досуг в Екатеринбурге» (февраль, 2007).

Подходи, не скупись, покупай живопись

«Утверждение о том, что искусство – это нечто «разумное, доброе, вечное» – мало кто рискнет оспорить. Но кто сказал, что

***искусство обязательно должно быть серьезным и чопорным?
Смешным оно тоже бывает!***

В переводе на русский язык слово «Art» означает «искусство». Именно так звучит название спектакля, с которым в Екатеринбург приезжают три замечательных актера – Игорь Костолевский (которого уже очень давно не было в нашем городе), Михаил Янушкевич и Михаил Филиппов. Это действительно забавная история о давней дружбе трех друзей, которая внезапно оказалась под угрозой из-за сущей нелепицы. Один герой купил картину модного художника, о которой давно, как выяснилось, мечтал другой. Вот такая она – «непотопляемая» мужская дружба!

По ходу действия оказывается, что между друзьями за долгие годы накопилось множество мелких обид, которые потихонечку подтачивали этот оплот. Ну и, конечно же, не обошлось без интриги, связанной с женщиной! Кстати, по Фрейду, полотно, на котором собственно и нарисована картина, сублимирует женское начало, к которому тянутся все трое (каждый по-разному).

Красивая и талантливая

Спектакль «Арт» поставлен по пьесе французской писательницы Ясмину Реза. На сегодняшний день она считается одним из ведущих драматургов Франции. Для того, чтобы добиться признания, ей не пришлось годами придумывать сюжеты и обходить с ними издательства. Первая же пьеса Ясмину – «Разговоры после погребения» – получила престижную премию Мольера. А дальше награды шли одна за другой: премия Лоуренса Оливье (Англия), международная премия «За лучшую комедию года», литературная премия «Welt» за 2005 год, вручаемая консервативной немецкой газетой «Die Welt». Ее пьесы ставят во всем мире, многие из которых переведены на 35 языков и входят в репертуар самых именитых театров. Что же касается спектакля «Арт», он стал настоящим событием в театральном мире. Достаточно сказать, что на

премьере присутствовал сам Жак Ширак, президент Франции! После просмотра он отправил Ясминe письмо, в котором обещал любую поддержку, так его восхитил талант мадам Реза!

После премьеры в Париже спектакль «Арт» вывозили на гастроли по всей Франции, в Бельгию и Швейцарию. В различных составах «Арт» играли Пьер Ардитти и Жан-Луи Трентиньян. Участвовал в проекте и россиянин Олег Меньшиков. В течение нескольких следующих лет «Арт» ставили в США, Германии, Англии, Израиле и Аргентине. А в мае 1997 года спектакль добрался и до российской театральной сцены. Первыми спектакль увидели зрители столицы, где премьеру посетили многие знаменитости. А теперь «Арт» приезжает и в столицу Урала!

Звездный состав

В российской постановке знаменитого спектакля участвует мужское трио: Игорь Костолевский, Михаил Янушкевич, Михаил Филиппов. Костолевскому, кстати, не привыкать играть в постановках зарубежных авторов. Например, для участия в «Оресте» Эсхила – международном проекте швейцарского режиссера Франсуа Роша, Костолевскому пришлось играть на французском и норвежском языках, репетировать по-английски в труппе, где вместе с русскими играли американцы, норвежцы, швейцарцы и французы. В этом спектакле Игорю Костолевскому досталась роль инженера Марка, Михаил Янушкевич играет дерматолога – любителя абстракционизма, А Михаил Филиппов продает канцтовары и пытается примирить бывших друзей. Спектакль начинается с их разговора о произведениях искусства, затем он переходит в сферу человеческих взаимоотношений – в «некий массовый психоаналитический сеанс». В финале герои все-таки забывают о разногласиях и решают, что никакая картина не стоит старой, проверенной временем дружбы! Ведь, как сказал знаменитый итальянский драматург Карло Гольдони: «Дружба – это священнейший закон мира, его вдохновляет сама Природа. Она правит целой Вселенной, и если ее

нарушить или разрушить, тогда наступает царство хаоса». 27 февраля. 19.00. Дворец молодежи. Билеты: 300-1200 р.». Текст сопровождают фотографии актеров и драматурга.

Рецензия лишена критического начала. Материал носит ярко выраженный хвалебный характер. Всесторонний объективный анализ спектакля отсутствует. Собственно говоря, анализа первичного текста нет вовсе. Автор рецензии кратко передает содержание спектакля, затем переходит к аргументации в пользу его посещения. Причем аргументация, довольно однобокая, не затрагивает сути произведения и сводится к следующему: 1) «красивый и талантливый» автор – «один из ведущих драматургов Франции» - получил много наград (за другие работы), 2) в спектакле были заняты «знаменитые», «замечательные» актеры, 3) «знаменитый» спектакль ставили во всем мире, премьеру «посетили многие знаменитости». Единственная характеристика, которую можно отнести непосредственно к самой постановке – «действительно забавная история». Отметим, что часть информации (например, рассказ о том, что актеру Игорю Костолевскому приходилось в зарубежных постановках играть на иностранных языках) является лишней, не относящейся к делу. Рецензия насыщена оценочными компонентами, оценки исключительно положительные: «замечательный», «знаменитый», «талантливый», «престижный», «именитый», «звездный» и т.д. Еще одной особенностью материала является использование характерного для рекламного дискурса принципа повторения предмета рекламы (спектакль) в виде рекламного объявления - афиши на другой странице журнала (заметим, что к аналогичному приему прибегают авторы рекламных заметок газеты «Ва-Банкъ»). Таким образом, перед нами материал, который, имея ярко выраженный рекламный характер, «притворяется» рецензией, вводя читателя в заблуждение, что противоречит принципам информационной безопасности. Цель автора публикации – стимулировать продажу билетов

на спектакль, а не дать его объективный анализ (аналитическая рецензия) или поделиться впечатлениями от просмотра (рецензия-впечатление).

По такому же принципу строятся и другие рецензии в журнале «Ваш досуг» (см., например, материалы «Боевое искусство, Тарзан и женская компания на сцене ТЮЗа», ««Персидская сирень» – первый цветок весны», «Нюра Чапай – настоящий полковник»). Во всех случаях копирайтеры в качестве аргументов в пользу покупки билетов представляют актеров (с характерными подзаголовками: «юное дарование сцены», «все грани таланта» и др.) и перечисляют награды, полученные авторами спектаклей («драматург и награда», «красивая и талантливая»). Рекламные рецензии подкреплены объявлениями-афишами на других страницах журнала.

Маркерами нарушения принципа информационной безопасности материала – сигналами «рекламность» во вторичных рекламных жанрах являются утилитарная оценочность, семантика восхваления, креолизация текста, использование структурных элементов, не свойственных публицистическим жанрам (например, адресный блок), примечание «на правах рекламы» и др.

Product placement

Product placement (далее - PP) – относительно новая для России практика продвижения предмета рекламы «с использованием нетрадиционных носителей и нетрадиционных форм демонстрации рекламной информации» [Майклсон, Кутилов 2006: 47]. «Нетрадиционными носителями» в данном случае выступают кинофильмы, телевизионные сериалы и программы, пресса и художественная литература, компьютерные игры и другие произведения нерекламного характера. А под «нетрадиционными формами демонстрации» понимается упоминание предмета рекламы в поле нерекламной информации,

произведенное так, чтобы он был гарантированно замечен адресатом и при этом не вызывал раздражения.

Существует большое количество классификаций РР, произведенных по разным основаниям. Так, П.А.Киселева рассматривает типы РР в литературных произведениях: упоминание товара в отрывке произведения, сюжет на основе товара, изображение товара на обложке, изображение логотипа на обложке, использование товара в названии книги, сериал (сюжеты о товаре в нескольких произведениях одного автора), персонаж (введение дополнительного персонажа, который ассоциируется с товаром) [Киселева 2004: 41]. А.Н.Андреева и А.Ю.Овчинникова классифицируют виды РР по степени интеграции с сюжетом: фоновый РР (размещение продукта в качестве фона в какой-либо сцене), сценический РР (продукт активно демонстрируется в определенной сцене), доминантный РР (продукт не только показывается, но и активно используется героем фильма), тотальный РР (вокруг продукта выстраиваются эпизоды) [Андреева, Овчинникова 2007: 213]. Однако чаще всего речь идет о следующих разновидностях РР: 1. Визуальный РР (демонстрация продукта или логотипа фирмы). 2. Вербальный РР (словесное обозначение предмета рекламы). 3. Вербально-визуальный РР (предмет рекламы демонстрируется и называется). 4. Кинестетический (в ряде классификаций – «динамический») РР (демонстрация свойства продукта или услуги; предмет рекламы вплетается в сюжет, включается в какое-то действие).

В маркетинговой литературе перечисляются достоинства (эффективность; длительность воздействия; экономичность; возможность продвижения товаров, реклама которых законодательно запрещена) и недостатки РР (медленность отдачи от рекламы, непредсказуемость результата, который зависит от успеха фильма/книги). И если последние значимы только для рекламистов и их клиентов, то первые имеют огромное значение для широкой аудитории «потенциальных

потребителей», тех, кто смотрит фильм или читает книгу, поскольку именно в «достоинствах» РР заложены механизмы его влияния на общество. Рассмотрим «преимущества» РР с точки зрения соблюдения принципа информационной безопасности материала.

1. Под «эффективностью» подразумевается, в первую очередь, возможность избежать «рекламного фильтра» - отказа воспринимать рекламу (переключение каналов с рекламой, пролистывание страниц, содержащих рекламные объявления). Интересные фильм/книга/игра воспринимаются на одном дыхании, вместе с коммерческим сообщением, «спрятанным» в сюжет; причем к рекламному сообщению, даже опознав его, зритель относится более лояльно. Немаловажен и тот факт, что РР позволяет соотнести предмет рекламы с определенным стилем жизни благодаря привлекательному персонажу или контексту. РР обращен к подсознанию. Его цель – «создание подсознательной ассоциации бренда с героем или сюжетом художественного произведения» [Андреева, Овчинникова 2007: 212]. Если товаром пользуется положительный герой, высока вероятность копирования данного примера целевой аудиторией. Как отмечает Е.Грекаскина, поклонникам звезд кино хочется быть похожими на своих кумиров и иметь такие же часы или очки, какие носят герои блокбастеров. Популярные актеры редко снимаются в рекламе, и поэтому у потребителя не возникает впечатление, что ему хотят продать товар. Это позитивное восприятие – главное «достоинство» РР [Грекаскина 2003: 17]. Особенно «небезопасно» размещение РР в кульминационных моментах, которые заставляют адресата быть особенно внимательным. Бренды становятся частью запомнившейся картинки благодаря действию психофизиологического механизма импринтинга (англ. - запечатление): самый яркий эпизод словно отпечатывается в сознании воспринимающего [Майклсон, Кутилов 2006: 48]. По мнению Е.В.Закаблукковского и В.С.Шевцова, РР работает гораздо лучше, чем реклама, потому что механизм его действия многоуровневый: человек

вспоминает книгу, фильм и те чувства, которые он испытал при чтении или просмотре [Закаблуковский, Шевцов 2006: 190].

2. «Длительность» воздействия рекламного сообщения определяется тем обстоятельством, что к интересным книгам, играм адресат возвращается вновь и вновь.

3. К каким последствиям приводит возможность продвижения методами РР товаров, реклама которых законодательно запрещена (алкоголь, сигареты), - свидетельствуют данные, приведенные Н.Кондратьевой: «После просмотра фильмов с использованием табачного РР молодежь в 2,5 раза чаще начинает курить. По мнению социологов, ребята думают, что курить модно. Фильмы с рекламой сигарет подвергают испытанию некурящих и бросающих курить, ведь, судя по ним, мужчины курят, чтобы показать мужественность, силу, власть. Не случайно чаще всего в фильмах курильщики – главные герои и обычно очень симпатичные, привлекательные, успешные, им хочется подражать» [Кондратьева 2006: 20].

4. Единственное «преимущество» РР, не имеющее манипулятивного характера, - «экономичность» - определяется сопоставлением стоимости РР с затратами на проведение прямой рекламной кампании (заметим, что существует противоположная точка зрения, согласно которой правильно организованный РР дороже прямой рекламы).

Таким образом, названные «преимущества» РР представляют угрозу для адресата с точки зрения информационной безопасности. Если к традиционным формам рекламы у нас уже выработался своеобразный «иммунитет» (умение распознавать рекламное сообщение и адекватно оценивать его прагматический заряд), то перед РР мы часто беззащитны. Размещение предмета рекламы в поле позитивной нерекламной информации заставляет реципиента «проглатывать» сообщение, воспринимать упоминание предмета рекламы как некоммерческую информацию, которой можно доверять.

Несмотря на отмеченную исследователями неструктурированность российского рынка РР, последний развивается бурными темпами (заметим, что рост объемов РР - общемировая тенденция. См., например, данные, приведенные А.Дедюхиной [Дедюхина 2005], А.Н.Андреевой, А.Ю.Овчинниковой [Андреева, Овчинникова 2007]). Причина данного явления - кризис традиционных рекламных механизмов и насущная потребность поиска новых, нестандартных способов продвижения, приводящая к использованию всевозможных средств скрытого донесения рекламной информации до адресата. Одним из таких способов является упоминание предмета рекламы в журналистских материалах печатных СМИ.

РР в прессе

Прежде всего необходимо разграничить РР в журналистике и вторичные рекламные жанры, рассмотренные выше. Рекламные материалы, маскирующиеся под журналистские тексты (вторичные рекламные жанры), целиком посвящены характеристике предмета рекламы, который является темой публикации. РР в журналистике представляет собой, как правило, точечное, единичное (реже - пунктирное) упоминание предмета рекламы в нерекламном материале.

Способы включения РР в журналистский текст можно классифицировать по разным основаниям.

По количеству упоминаний:

1. Единичное (точечное) упоминание предмета рекламы.
2. Многократное (пунктирное) упоминание предмета рекламы.

По объему информации о предмете рекламы (в телевизионном и кинематографическом РР говорят о времени (количество секунд) демонстрации предмета рекламы):

1. Лаконичное упоминание предмета рекламы без его развернутой характеристики.
2. Развернутое представление предмета рекламы.

По характеру связи между предметом мысли текста и предметом рекламы:

1. Предмет рекламы, продвигаемый с помощью РР, связан с темой публикации.
2. Предмет рекламы напрямую не связан с предметом мысли текста.

По характеру участия РР в логической структуре текста:

1. Предмет рекламы выполняет роль примера, иллюстрирующего авторский тезис.
2. Предмет рекламы выполняет функции тезиса аргументации.
3. Предмет рекламы выполняет функции аналитической оценки ситуации.

Рассмотрим ряд примеров. (Примечание: автор благодарит студентов факультета журналистики Лагунову Анастасию и Недельчеву Ольгу за помощь в сборе материалов исследования).

«САМЫЙ СИЛЬНЫЙ РОССИЯНИН

Челябинец Эльбрус Нигматуллин опять подтвердил звание сильнейшего человека страны. В финале турнира «Самый сильный человек России-2005», который прошел 5 ноября в Москве, Эльбрус в четвертый раз завоевал этот титул. Об этом нам сообщил наш собственный корреспондент в столице России Алексей Пустовалов при помощи мобильного, благо международный оператор МТС обеспечивает качественную связь.

Участие в турнире приняли сильнейшие атлеты страны, представляющие пауэрлифтинг, армрестлинг, тяжелую атлетику и другие виды спорта. Программа соревнований включала в себя множество оригинальных силовых упражнений. К примеру, спортсмены бежали на время с коромыслом весом 380 кг, а в упражнении «Богатырская карусель» проносили по кругу груз весом 300 кг на согнутых в локтях руках». (Час Пик-Челябинск. № 4. 11.11.05).

В заметке присутствует единичное (точечное) упоминание предмета рекламы (МТС). Автор текста не дает его развернутую характеристику, но представляет в выгодном свете: подчеркивает статус оператора («международный») и фиксирует внимание на качестве предоставляемых услуг. Связь между предметом рекламы и основной мыслью заметки («Челябинец Эльбрус Нигматуллин подтвердил звание сильнейшего человека страны») отсутствует. Информация о том, каким именно образом сообщил газете сведения корреспондент, является лишней, не относящейся к делу. При этом предмет рекламы выполняет функцию развивающего тезиса к данному «лишнему» констатирующему тезису. Введение информации о рекламируемом продукте не подготовлено, не мотивировано логикой предшествующих авторских рассуждений, бросается в глаза неестественность, натянутость связи между РР и темой публикации. Подобный принцип размещения рекламной информации часто используется в газетных публикациях.

В гляцевых журналах можно обнаружить и иные способы РР. Обратимся к статье «Тайны страны Бхарат» (журнал «Стольник». Ноябрь. 2004). Текст подробно рассказывает об особенностях посещения Индии: об интересных маршрутах и мерах безопасности, соблюдение которых убережет туристов от неприятностей. На первый взгляд, рекламы в тексте нет, однако в конце размещен адресный блок и логотип турфирмы «Фонд мира», благодаря чему читатель может сделать вывод, что данная турфирма занимается организацией путешествий в Индию и поможет ему своими глазами увидеть все описанное в статье.

Перед нами единичное (точечное) упоминание предмета рекламы («Фонд мира»), информация о котором подана лаконично, безоценочно. Привлечь внимание потенциального туриста должно красочное описание достопримечательностей Индии. Предмет рекламы, продвигаемый с помощью РР, связан с темой публикации и выполняет функции

имплицитной аналитической оценки ситуации: «Турфирма «Фонд мира» поможет организовать великолепный отдых в Индии».

Многократное (пунктирное) упоминание предмета рекламы можно увидеть, например, в статье «Рыбное место», посвященной правилам оформления и содержания аквариумов (журнал «PETS». Ноябрь. 2007). В тексте несколько раз упоминаются специалисты по оформлению аквариумов - аквадизайнеры, отмечается их роль в создании аквариума, подчеркивается необходимость обращения к профессионалу для достижения ожидаемого результата. («Хорошо, если в разработке проекта будет принимать участие аквадизайнер...», «аквадизайнеры предлагают использовать...», «нередко перед аквадизайнером встает сложная задача...», «конечно, качественно подобную работу под силу выполнить только специалисту» и т.д.). В конце статьи содержится информация: «Материалы подготовлены специалистами студии аквадизайна «Атлантида». Адресный блок».

Несмотря на лаконичность последней фразы, в данном случае можно говорить о развернутом представлении предмета рекламы: преимущества обращения в студию аквадизайна становятся очевидными благодаря аргументации в тексте статьи. Пунктирное упоминание предмета рекламы выполняет функции тезисов аргументации, а финальная фраза - функции аналитической оценки ситуации («Специалисты студии «Атлантида» создадут для вас замечательный аквариум»).

Как мы видим, объем информации о рекламируемом предмете, передаваемой с помощью РР, может варьироваться. Кроме того, в границах одного текста возможно представление нескольких предметов рекламы. Так, материал «Покоритель сердец. Американский кокер-спаниель» (журнал «PETS». Июль. 2007) подробно рассказывает об истории и особенностях указанной породы собак, специфике ухода за животными. В главе «Корм для красоты и здоровья» автор, после перечисления общих принципов правильного питания, переходит к

детальной характеристике корма Hill's, которая носит явный рекламный характер, поскольку дается в соответствии с максимальной неповторимой привлекательности: «одной из старейших и наиболее уважаемых в этой области является компания Hill's...», «компания Hill's по праву гордится своими лечебными диетами...», «качественные готовые корма...», «в США корма Hill's продаются в большинстве ветеринарных клиник...», «именно эти корма рекомендует большинство ветеринарных врачей во многих странах» и т.д. (точечный развернутый РР). Кроме того, в конце статьи автор приводит данные питомника кокер-спаниелей, в котором заинтересовавшийся читатель сможет приобрести щенка (точечный лаконичный РР).

Таким образом, способы РР в прессе многообразны. Содержательным сигналом «рекламность» в журналистских материалах с РР является акцентированное представление предмета рекламы, который подается в выгодном свете благодаря ореолу положительных оценок, располагается в сильной позиции текста для наилучшего запоминания и т.д.

Все вышеизложенное определяет преимущественное отношение исследователей к РР как к скрытой рекламе (см. [Ульяновский 2007, Дедюхина 2005, Логунцова 2006 и др.]), несмотря на существующие попытки представить РР как нерекламный коммуникационный механизм (см., например, [Закаблуковский, Шевцов 2006: 189]). Неясность характера РР не проясняет законодательство. Статья 2 закона о рекламе гласит: закон не распространяется на «упоминания о товаре, средствах его индивидуализации, об изготовителе или о продавце товара, которые органично интегрированы в произведения науки, литературы или искусства и сами по себе не являются сведениями рекламного характера» [О рекламе 2006: 6]. При этом остается непонятным, как можно определить степень «органичности» интеграции подобных упоминаний [Дворецкий 2006: 9], [Меркулов 2007: 37]. Как замечает Н.Кондратьева, в

законе «О рекламе» нет даже понятия product placement. Но есть определение скрытой рекламы, на которую наложен запрет. Совершенно очевидно, что РР противоречит сразу двум статьям этого закона. Во-первых, в соответствии со ст. 5 «реклама должна быть распознаваема без специальных знаний и без применения технических средств». Во-вторых, в ст. 10 говорится, что реклама всегда должна быть обозначена. Но смысл РР и состоит в том, что товары или услуги являются частью художественного образа, т.е. такая реклама по определению не может быть обозначена [Кондратьева 2006: 21]. Заметим, что, в отличие от США, в большинстве европейских стран использование РР официально запрещено (см.: [Майклсон, Кутилов 2006: 49]).

Подведем итог. Реклама сегодня является полем реализации манипулятивных технологий. Большое количество текстов, функционирующих в рекламном дискурсе, не отвечают принципам информационной безопасности материала, поскольку скрывают авторскую интенцию, воздействуют на подсознание адресата путем препарирования передаваемой информации (создание лакун в тексте – импликации связи между фреймами), подмены ситуаций, трансформации жанровой формы высказывания, использования возможностей product placement. Зная сущность рекламы и учитывая задачи, стоящие перед ней, мы можем предположить, что ситуация в ближайшем будущем вряд ли изменится. Осведомленность о приемах манипулирования остается в этих условиях единственной «защитой» «потенциального потребителя».

В заключение заметим, что манипулятивная практика – далеко не единственный аспект рассмотрения вопросов информационной безопасности рекламного дискурса, поскольку тексты СМИ (включая рекламные материалы) должны удовлетворять и таким требованиям, как требования толерантности, этичности, достоверности передаваемой информации. Соответственно, основной принцип соблюдения информационной безопасности должен быть сформулирован более

широко: достоверность, толерантность, этичность, прозрачность текста, размещенного в СМИ. Отмеченные аспекты открывают перспективу дальнейшего исследования информационной безопасности рекламного дискурса.

Практическая часть

Блок 1.

Текст

«KD группа предприятий (логотип). ВСЕ О ДВЕРЯХ.
<http://www.dveri-kd.ru>».

(Рекламная газета «В каждый дом», 11.03.05).

Задания

1. Определите, какой прием создания косвенной рекламы использовал автор данного рекламного модуля. Опишите суть приема применительно к данному тексту.
2. Выделите маркеры имплицитности в тексте. Для этого опишите
 - а) средства, указывающие на наличие имплицитного содержания;
 - б) средства, позволяющие интерпретировать имплицитные смыслы.
3. Выделите маркеры нарушения принципа информационной безопасности материала (сигнал «рекламность»).

Блок 2.

Проанализируйте один текст по выбору.

Текст 1.

Хорошо, что в жизни есть вещи, над которыми не властно время... радость, любовь и те счастливые моменты, которые вы провели вместе со своей семьей... моменты тепла и покоя в суматохе будней... (фото семьи за вечерним чаем).

Чай «Дилма» - олицетворение неизменного качества...(фото чайных плантаций).

Основатель «Дилма» в течение 50 лет трудился над созданием лучшего в мире чая. Он строил свой семейный бизнес особой теплотой и заботой. И сейчас, когда вместе с ним работают два его сына, Мериэлл Джей Фернандо создает новые сорта прекрасного чая. Упакованные прямо на плантации, они отправляются более чем в 80 стран мира, где любят и ценят чай «Дилма». Каждый сорт чая «Дилма», протестированный опытными экспертами, отличается характерный вкус и уникальная свежесть. Чай «Дилма» – момент тепла и покоя в суматохе будней. Попробуйте его!

Текст 2.

SIEMENS

C45 - 45° в тени. Зажигай в танце!

(Фотоколлаж: море, танцующая на пляже молодежь,
сотовый телефон)

С 15 июня по 15 августа каждый
покупатель телефона SIEMENS C45
получает подарок – модную
футболку – и становится
участником конкурса с главным
призом – поездкой на двоих на
испанский остров Ибица.

(Адресный блок)

(Журнал «RUSSIAN MOBILE» июль, 2002).

Текст 3.

(логотип) **TAG Heuer**

SWISS MADE SINCE 1860

(Фото всадницы на лошади, берущей барьер)

**УСПЕХ.
О ЧЕМ
ДУМАЮТ
ПОБЕДИТЕЛИ.**

(фото часов)

(Адресный блок)

Задания

1. Определите, какой прием создания косвенной рекламы использовал копирайтер. Опишите суть приема применительно к данному тексту, используя методику анализа, изложенную в теоретической части.

2. Выделите маркеры нарушения принципа информационной безопасности материала (сигнал «рекламность»).

Блок 3.

Текст

«(Фото: девушка в салоне магазина)

Vela Moda Intima... только что из Франции!

С 28 по 31 января в Париже прошла всемирная выставка белья и домашней одежды, где были представлены самые модные и соблазнительные коллекции сезона «осень-зима 2005-2006». «Хиты» выставки – белье и домашняя одежда ведущих мировых дизайнеров - появятся в Екатеринбурге, в салоне «Vela Moda Intima» будущей осенью одновременно с такими известными магазинами в Париже, как Gallerie Lafayette. Марка «Les flaneuse» - это грядущий дебют не только в нашем городе, но в России! У моды нет преград и расстояний...

«Vela Moda Intima»: (адресный блок)».

(Журнал «Я покупаю», март, 2005).

Задания

1. Определите, какой прием создания косвенной рекламы использовал копирайтер.
2. Опишите суть приема применительно к данному тексту: укажите, какие признаки имеет исходный жанр заметки и как эти признаки трансформированы в условиях рекламной коммуникации.
3. Выделите маркеры нарушения принципа информационной безопасности материала (сигнал «рекламность»).

Блок 4.

Текст

«ДОРОГА СТАНЕТ ШИРЕ

Продолжается реконструкция одной из наиболее важных автомобильных трасс Челябинской области, соединяющей Магнитогорск и Южноуральск. Из областного бюджета на эти цели выделено 200 миллионов рублей.

РЕКОНСТРУКЦИЯ стала особенно необходимой после того, как магистраль еще в начале 90-х годов перевели из третьей категории во

вторую, то есть расширили с 12 до 15 метров. После окончания всех работ дорога увеличится до 30 метров и станет четырехполосной – будет где разогнаться даже резвому «Хендай Гетс». Магистраль протяженностью 205 километров тогда будет отнесена уже к первой категории.

Выделенные на днях деньги пойдут на реконструкцию участка в 12,6 километра между поселками Нагайбакский и Придорожный».

(Аргументы и факты. № 26. 29.06.05).

Задания

1. Определите, какой прием создания косвенной рекламы использовал автор.
2. Опишите суть приема применительно к данному тексту.
3. Выделите маркеры нарушения принципа информационной безопасности материала (сигнал «рекламность»).

Литература

1. Александров Ф. Product placement – небольшой всплеск или грядущий бум?// Рекламные технологии. 2005. № 5. С. 17-21.
2. Андреева А.Н., Овчинникова А.Ю. Product placement для люксовых брендов: контент-анализ эффективности размещений в мировом кинематографе (1995-2005 г.г.)// Бренд-менеджмент. 2007. № 4. С. 210-227.
3. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения// Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83-91.
4. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание//Роль языка в средствах массовой коммуникации. Сб. обзоров. Москва, 1986. – С. 100-143.
5. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.

6. Бирюкова Л.Е. Малоформатные речевые жанры с моделированным подтекстом// Автореф. канд. фил.наук. – СПб, 2002. – 23 с.
7. Булатова Э.В. К вопросу о манипулятивных приемах печатной рекламы// Известия Уральского государственного университета. Серия 1: «Проблемы образования, науки и культуры». Выпуск 19. – Екатеринбург, 2006. - С. 176-183.
8. Булатова Э.В., Лазарева Э.А. Обогащение жанрового потенциала дискурса как способ моделирования непрямой рекламной коммуникации// Сопоставительная лингвистика: бюллетень Института иностранных языков/ Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т иностранных языков. – Екатеринбург, 2006. – Т. 6. - С. 62-69.
9. Грекаскина Е. Product placement: вот такое кино!//Рекламные технологии. 2003. № 2. – С. 17-18.
- 10.Дворецкий В.Р. Комментарий к новому закону о рекламе. – М., 2006. – 96 с.
- 11.Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- 12.Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 248 с.
- 13.Дедюхина А. Американский рекламодатель скрытничает// «Эксперт». 2005. № 31. – С. 43.
- 14.Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания// Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 37-47.
- 15.Закаблукровский Е.В., Шевцов В.С. Почему в России не работает product placement?// Маркетинговые коммуникации. 2006. № 3. – С. 188-190.
- 16.Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса//ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Комуникация. – М.: Прогресс, 1989. – с. 5-11.

17. Киселева П.А. Product placement в литературных произведениях как новый эффективный способ донесения информации до целевых аудиторий// Маркетинг и маркетинговые исследования. 2004. № 3. С. 37-44.
18. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
19. Кондратьева Н. Соблазн киношного шампуня// Российская торговля. 2006. № 1-2. С. 18-23.
20. Краско Т.И. Психология рекламы. – Харьков: Студцентр, 2004. – 216 с.
21. Лазарева Э.А. Когнитивное столкновение – прием построения текстов современных СМИ// Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 2. – С. 170-181.
22. Лазарева Э.А. Стилистика рекламы. – Екатеринбург, 2005. – 161 с.
23. Лазарева Э.А., Булатова Э.В., Волчкова И.М., Рябова Е.В. Политический и рекламный дискурс и его влияние на социум// Коллективная монография / Отв. ред. Э.А. Лазарева. – Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 2005. - 144 с.
24. Логунцова И. Product placement как важнейшее из искусств// Советник. 2006. № 10. С. 48-49.
25. Майклсон В., Кутилов В.Л. Место product placement в брендинговой политике компании// Бренд-менеджмент. 2006. № 1. – С. 46-52.
26. Меркулов Г. Реклама и PRаво// Советник. 2007. № 3. – С. 36-38.
27. О рекламе. Федеральный закон РФ от 13 марта 2006 г. – Екатеринбург, 2006. – 40 с.
28. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: «Прогресс», 1986. – С. 195-223.
29. Толкунова Е.Г. Суггестологическое описание современных русских рекламных текстов//Диссерт. канд. наук. Барнаул, 1998. - 184 с.
30. Ульяновский А.В. Тайная сила коммуникационного канала// Маркетинговые коммуникации. № 1. 2007. С. 2-18.
31. Феофанов О.А. Реклама: новые технологии в России. – СПб, 2000. – 384 с.

- 32.Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX111. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. С. 52-93.
- 33.Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Словари

1. Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1987. – 608 с. (В тексте – СИС).
2. Литературоведческий энциклопедический словарь. – М., 1987. (В тексте ЛЭС).